ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ

КРАСНЫЙ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРИКАМЬЯ

И. ЧЕРДАНЦЕВ

КРАСНЫЙ ОРЕЛ

Герой гражданской войны Филипп Акулов

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1972

Эта книга рассказывает о героических днях гражданской войны, о мужественных бойцах, освобождавших Прикамье, о лихом и доблестном командире Филиппе Акулове. Слава об Акулове гремела по всему Уралу, о нем слагались песни, из уст в уста передавались рассказы о его необыкновенной, прямо-таки орлиной смелости и отваге.

Ф. Е. Акулов родился в крестьянской семье на Урале. Во время службы в царской армии за храбрость был произведен в поручики, полный георгиевский кавалер. В годы гражданской войны Акулов — один из организаторов и первых командиров легендарного полка Красных орлов, комбриг славной 29-й дивизии и 3-й армии, командир кавалерийских полков и бригад на Восточном, Южном и Юго-Западном фронтах Республики.

В своей работе автор книги И. К. Черданцев использовал архивные материалы, исследования советских историков, воспоминания соратников и близких Ф. Е. Акулова.

Ф. Е. Акулов, 1923 г.

Автор выражает признательность Маршалу Советского Союза Филиппу Ивановичу Голикову, полковнику в отставке Леониду Афанасьевичу Дудину, члену партии с 1908 года Владимиру Федоровичу Сивкову и другим ветеранам гражданской войны, оказавшим серьезную помощь в работе над этой книгой.

Гуляют по Уралу легенды о Филиппе Акулове, человеке выдающейся храбрости, талантливом командире, стойком борце за Советскую власть в годы гражданской войны. Есть еще такие люди — акуловцы, — которыми он когда-то командовал, такие же непоколебимые и бесстрашные, как он.

Сложен и труден характер Акулова, круты повороты его жизни, до сих пор мало изученной, противоречивы оценки, которые давали ему люди. Одно несомненно — имя Филиппа Егоровича Акулова по праву значится среди имен тех самородков, что вышли из самой гущи народной, среди тех полководцев, чьи доблесть и преданность революции делали Советскую Армию непобедимой.

Военный талант Филиппа Егоровича Акулова ярче всего раскрылся в огне гражданской войны. Великие идеи Коммунистической партии перевернули жизнь Акулова и направили его неукротимую энергию на осуществление задач, поставленных революцией. Без этого так бы и потерялся он в многоликой крестьянской массе.

Легендарный командир легендарных полков Красной Армии, прославившихся в истории борьбы за Советскую власть, Филипп Акулов относится к славным народным героям, подвиги которых стали примером служения Родине.

ДОВЕРИЕ

Июль 1918 года.

Встревоженно гудит Катайское, старинное купеческое село. Будто кто палкой ткнул в пчелиный улей и разворошил его. Просторные улицы забиты возбужденными, горластыми добровольцами — пешими и конными, с винтовками и без винтовок, в военном и в деревенской пестряди, в сапогах и обутках, в ботинках и босиком. На площади спешное обучение строю, выкрики командиров, разбивка по отрядам и командам.

— Станови-и-сь!

— Кто служил пулеметчиком — шаг вперед... Арш!

— Нале — гоп!

— Кто из Петропавловского — сюда!..

Формировался 1-й Крестьянский Коммунистический полк. Разрозненные дружины и отряды собирались под единое командование: надо было защищать свою, недавно утвердившуюся Советскую власть.

Сновали посыльные, скрипели телеги, густым облаком поднималась с дороги пыль и оседала на каменных лабазах катайских купцов.

Наметом пригнал на площадь всадник, с ходу спрыгнул с коня, истошно закричал:

— Чехи в Далматово! Банда Куренкова у самого Катайска, в Черемисской мятеж. Белые — кругом!..

Тяжело поводила боками загнанная лошадь, грязная пена падала в мягкую пыль.

— Без паники! Чего орешь, дура! Иди в штаб...

— Кто не был в армии — напра — гоп!

— Слушай команду!..

— Нет оружия — ясно? В бою добудете!

— Унтер-офицеры есть?

На унтер-офицеров особый спрос. Нужны командиры —

ротные, взводные, батальоиные. Есть решение: назначать унтер-офицеров на командные должности как знающих военное дело. Из бывших офицеров в полку пока один — подтянутый, стремительный, с острым горбатым носом Дудин, доброволец Красной Армии. Это он обучает вновь прибывших, сортирует, пытается навести порядок.

— Чей отряд? Будете полуротой...

Тут же на площади в двухэтажном доме с деревянным верхом и белым каменным низом расположился штаб. Парадное крыльцо с железной крышей и желтыми балясинами ведет сразу на второй этаж.

В прокуренной комнате сидит, сжав ладонями голову, Подпорин, командир формирующегося полка. Он сердито сопит, играет желваками и разглядывает школьную карту Пермской губернии (другой нет), отыскивая Далматово, Черемисскую, Крестовку, Мясникову — места, о которых торопливо рассказал прискакавший в Катайск дружинник. Самого его Подпорин закрыл в соседней комнате, чтобы остыл, пришел в себя, не устраивал паники: и так трудно разобраться в обстановке. Правда ли в Черемисской мятеж или со страху ему показалось — трудно проверить. Разведка еще не организована.

Кустистые брови Подпорина насуплены, обвислые прокуренные усы закрывают губы, безмолвно выговаривающие названия помеченных на карте деревень и сел. На столе рядом с картой — увесистый маузер, серым яйцом граната. Тут же мятая фуражка и кусок черствого хлеба.

Подпорин — рабочий, в прошлом крестьянин. Когда-то служил в армии рядовым и совсем немного унтер-офицером, пока не разжаловали за революционную работу. Воевать почти не пришлось: с самого начала войны с немцами был ранен и сослан под полицейский надзор как неблагонадежный в глубокий тыл, в Зауралье. В Камышлове и жил всю войну, работал на сапожной фабрике, вел подпольную работу, возглавлял большевиков города и железнодорожного депо, устанавливал Советскую власть. В Катайск Подпорин прибыл по решению Камышловского уездного комитета партии в начале июля для объединения имеющихся в этих местах партизанских отрядов. Объединив отряды, он приступил к созданию полка. 13 июля 1918 года им был подписан приказ о переформировании Катайско-Далматово-Никитинского отряда в 1-й Крестьянский Коммунистический Красный Советский полк. В него вошли отряды и крестьянские дружины Катайской,

Песковской, Петропавловской, Никитинской, Далматовской, Шутинской и других волостей.

Трудно приходится Подпорину. Военного образования — никакого, грамоты — четыре класса. Тем не менее нужно собрать людей, обучить их, бросить навстречу белочехам, на подавление мятежей, на разгром банд...

Подпорин скрипнул зубами, отбросил карту губернии, высунулся в окно, крикнул на всю площадь:

— Командиры — ко мне!

Пока собирались, ходил по комнате, тер утомленные глаза, раздумывал, как подчинить отряды единому командованию, навести революционную сознательную дисциплину, организовать разведку, штаб, установить хоть какую-нибудь линию фронта. Хотя... Какой тут, к шутам, фронт, если каждая деревня, как островок лесного пожара. То полыхнет в ней огонь ожесточенной схватки — новый добровольческий отряд ли появится, кулацкая ли банда одолеет, то внезапно затихнет и притаится, пока идет скрытая, подспудная возня. А там уж — кто возьмет верх: кулаки или беднота. И в каком месте взметнется новый сполох — разве определишь?

Ясно пока одно: главная опасность надвигается с востока, со стороны Шадринска, захваченного три дня назад белочехами, и с юга, из башкирских волостей, в которых гуляют казацкие отряды. Есть еще опасность на западе, где мятежные белочехи с Южного Урала напирают на Екатеринбург. И, может быть, самое опасное — кулацкие мятежи, вспыхивающие с приближением белочехов.

...В раскрытое окно вливается полуденный зной и разноголосый гам. Мягко оседает на подоконник пыль. Бьется о стекло мохнатый шмель.

Подпорин раскуривает трубку. В мундштуке сипит никотин: надо прочистить.

В комнате, между тем, собрались командиры. Подпорин оглядел их, спросил, будто потребовал:

— Мне нужен помощник. Из знающих военное дело. Что скажете?

А что сказать? Вот они тут, командиры-мужики: Кобяков, Григорьев, Тарских, Шементьев, Маслаков. Не все из них унтер-офицеры, есть просто рядовые, побывавшие на фронте по царской мобилизации. Один Дудин кадровый военный, офицер, но он — начальник учебной команды и начальник штаба, который еще не создан. Мобилизованные офицеры в штаб не явились. Одни остались дома, другие оказались в Шадринске

у белых. Не хотят воевать золотопогонники за народную власть!

— Знаете кого-нибудь боевого, стойкого?

— Филипп Акулов!

— Кто он? — спросил Подпорин, сведя брови.

И сразу же услышал в ответ:

— Офицер. У него вся грудь в крестах — Георгиевские всех четырех степеней. И медали...

Кто-то возразил:

— Крестов нету. На гимнастерке одни дырочки.

И еще кто-то добавил:

— Урядником он тут был, местный...

Подпорин насупился.

— Зачем мне такой?

— Да нет, он свой. Крестьянин из Шутинского, совсем рядом отсюда. Сейчас он выбран военным комиссаром волости, народным судьей и председателем волсовета.

— А как же — офицер? — вскинул кустистые брови Подпорин.

— Это — точно. Нигде не учился, произвели за храбрость.

— Боевой, военное дело знает. Только пойдет ли? Он не захочет, ему все нипочем...

Подпорин прекратил разговоры:

— Послать предписание о явке! Подводу за ним выслать. Чтобы честь по чести.

А сам задумался. Кто же все-таки этот Акулов?

Родился Акулов 29 июля 1878 года в селе Шутинское Камышловского уезда Пермской губернии в семье крестьянина. Кроме него у родителей было еще трое сыновей.

После окончания сельской церковноприходской школы Филипп начал помогать старшим по хозяйству — пахать, боронить, сеять, ухаживать за посевами, убирать хлеб, молотить.

Жизнь его ничем не отличалась от жизни сверстников-односельчан. И только неуемная страсть к лошадям да хороший голос как-то выделяли его среди остальных.

В 1902 году Акулова взяли на военную службу.

Он мечтал попасть в кавалерию. Мечта эта сбылась. Его зачислили в гусарский полк и определили место — Петербург. Там и служил.

Премудрости военной науки давались легко, гусарская служба пришлась по характеру. По натуре нетерпеливый, кру-

той, быстрый, он ловко сидел верхом на разгоряченном коне, свист сабли, ссекавшей лозу, будоражил в нем кровь. Началось быстрое продвижение по службе. В 1903 году он окончил учебную школу, в 1904 году произведен сначала в младшие, а потом в старшие унтер-офицеры. В этом звании он и уволился в запас в 1905 году[1].

Филипп вернулся в свое село, женился, стал крестьянствовать. Однако бедняцкая нужда заставляла его искать приработка на стороне.

Работал он поденщиком «на куделькe» в городе Асбесте, шахтером на Алапаевских горных приисках Ленского золотопромышленного товарищества[2]. Одно время служил урядником конной полиции в уездном городе Камышлове.

Тяжелая жизнь крестьян и рабочих принуждала его задуматься над бесправным положением народа. Он приглядывался к революционной борьбе, сочувствовал революционерам.

Когда в 1914 году началась мировая война, Акулова мобилизовали в первый же день. Воевал он в стрелковых и кавалерийских частях. Некоторое время был начальником конной разведки 21-го Сибирского стрелкового полка[3]. Последняя его должность в царской армии — младший офицер Сумского гусарского полка[4].

Во время войны выявился военный талант Акулова, храбрость, умение ориентироваться в обстановке, принимать быстрые и правильные решения. За эти качества, без обучения в каких-либо военных заведениях, командование присваивает ему офицерский чин. Опять идет быстрое продвижение по службе: в 1915 году Акулов становится подпрапорщиком, потом прапорщиком, в 1917 году — подпоручиком, а затем — поручиком[5].

За храбрость и находчивость в бою он был награжден медалями и Георгиевскими крестами всех четырех степеней[6]. Как известно, кресты и медали не слишком часто доставались

---

[1] Послужной список Ф. Акулова. Архив Свердловского областного краеведческого музея.

[2] Свердловск, Госархив, ф. 1200-р, оп. 2, д. 36.

[3] Там же.

[4] Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 197, оп. 5, д. 36, л. 6.

[5] Послужной список Ф. Акулова. Архив Свердловского областного краеведческого музея.

[6] Там же.

простым солдатам нз рабочнх и крестьян. Одиако Акулова, видимо, иельзя было не иградить за выдающуюся храбрость.

Одни из его подвигов в империалистическую войну — захват вражеского пулемета. Сделал он это в одиночку, идя прямо иа выстрелы (потом удивлялся, почему не задела ин одиа пуля), зарубив пулеметчиков. Приводил ои неприятельских «языков», совершал с коииыми разведчиками смелые вылазкн в тыл врага, добывал цениые сведеиия. Был ои н в плену, бежал нз-под расстрела.

Ф. Е. Акулов. На службе в царской армии.

О свонх подвигах ои обычио не рассказывал. Не любнл. Только об одном, пожалуй, говорил — о бегстве нз-под расстрела. Вспомннал, как кииулся в сторону от наведеииых иа него внитовок, как убнли иемцы двух его товарищей, бежавших с иим, как сам ои, раиеный, сумел спастнсь, как лежал больше суток в холодной воде, держась за корягу и истекая кровью... Эту историю ои начнчал рассказывать домашиим иесколько раз, но ни разу не доводил ее до конца. Замолкал на полуслове, скрипел зубами н ругался. Видио, слишком иепрнятио, даже через много лет, было вспоминать то чувство беспомощности и бессилия, какое ои тогда испытал.

Геройство Филиппу доставалось иедешево: ои миого раз был раиеи, лежал в госпнталях. Одиииадцать раиеииń получил он за войну. После лечения приезжал ненадолго домой.

В одну нз такнх побывок он узиал о свержеиии царя. Говорят, сиачала ие поверил, а потом нзрубил его портрет, висевший в доме, а заодио н нкоиы и сжег все в печке.

После переворота погоны ои ие сиял н сразу же поехал в свою часть в Галнцню, иа фронт. Ехалн вместе с тезкой — тоже Акуловым и тоже Филиппом Егоровичем, полк которого

стоял по соседству с 5-м Алексеевским гусарским полком, в котором служил Акулов. Тезка погоны снял, а Филипп — нет. Думал, еще не конец старой власти и армии. Правда, перед Москвой все-таки пришлось снять, не то вместе с ними можно было потерять и голову. В полк свой Акулов добрался благополучно. Там и застал его Октябрь.

Многие офицеры подались на Кубань и Дон к белым. Лестью уламывали они и Филиппа, полного георгиевского кавалера, сулили ему златые горы, но против Советской власти он воевать не хотел, ждал, что дальше будет.

В начале восемнадцатого года, ближе к весне, возвратился он в родное село. Пробежал по улице в распахнутой шинели. Фуражка сдвинута на правое ухо, лихо торчит чуб, гимнастерка пустая, без привычных крестов и медалей.

Обрадовал жену Татьяну:

— Дома теперь буду. Отвоевался. Хватит.

Всплакнула она на радостях.

— Умаялась я тут одна-то. Заплот вон покосился: подправить некому...

— Ладно, подправим. Сам стосковался по работе.

Стал он готовить сбрую к весне, подремонтировал телегу, заменил доски на крыше погреба. Избу брату затеял строить...

Татьяна радовалась, но Филипп вскоре охладел к хозяйству, не до него было.

Мужики-односельчане гордились Филиппом.

— Не каждому дано, — рассуждали они, — из мужика в ваше благородие выйти. Да еще Георгиевские кресты всех степеней, медали... Тут талант нужен! Носок такой в военном деле иметь...

На вопросы мужиков про медали и кресты Филипп насмешливо фыркал:

— Генерал снял. Видите, только дырки на гимнастерке.

— Неужто содрал?

— Ну, уж если правду говорить, — неохотно объяснял Акулов, — то сам я их сорвал. Генерал этот приехал к нам на передовую в наступление звать. А мы навоевались! Хватит уж за царя да толстопузых свою башку подставлять. Это я ему прямь на прямь и выложил, — усмехнулся Филипп. — Укорять меня крестами начал... Ну, я сорвал их и...

— Неужто так и лишился совсем? — удивлялись мужики.

— Да нет. Подобрал потом. Домой привез, в сундук спрятал. Теперь они ни к чему! Теперь такое заваривается, не до царских крестов...

— Как так? — беспокоились мужики.

— Власть новая, врагов у нее много, — неопределенно отвечал Филипп.

И все чего-то ждал, присматривался.

Фронтовики, все больше беднота, встречая Филиппа, укоряли:

— Ты что же это от нас воротишься? Советская власть — она не только для бедняков — и для середняков тоже. Теперь, брат, к одному краю давай — к нам или к Крысанушке. В сторонке не устоишь...

Крысанушко — самый богатый мужик в селе. Его добротный пятистенок, крытый железом, стоит в центре села, напротив церкви. Полсела ходит у него в работниках в страдную пору. Мужик прижимистый, жадный. К тому же волостной староста.

За него Филипп держаться не собирался. Но и на речи фронтовиков отвечал уклончиво:

— Недосуг все...

Однако бурная жизнь, развернувшаяся в селе, захлестнула и его.

Верховодил бедняками Дмитрий Шелементьев, большевик. Ходил он по селу независимо, не ломая шапки перед Крысанушкой. Уверенно председательствовал на собраниях.

— Мы — власть в селе, нам и устанавливать порядки, а не богачам, — говорил он. — Ушло их время!

Из соседнего села Крестовского приходил в Шутинское Протас Худяков, тоже фронтовик и тоже бедняк. Протас когда-то батрачил, ходил на заработки в Камышлов, Алапаевск, Ирбит, работал на заводах. В войну дослужился до младшего унтер-офицера, встретился на фронте с большевиками и сам стал большевиком. Солдаты избрали его в волостной Совет.

В установлении Советской власти в селе Протас принимал самое активное участие.

И Худяков и Шелементьев нравились Филиппу, было в судьбе всех троих что-то общее...

Неожиданно для себя Акулов оказался избранным в волостной Совет. Крестьяне по предложению большевистской ячейки выбрали его вначале народным судьей, а потом и председателем Шутинского волсовета.

В Совет вошли также Худяков и Шелементьев. Один возглавил земельный отдел, а другой — работу с беднотой.

Избрание Акулова на эти должности было свидетельст-

вом глубокого уважения к герою и кавалеру Георгиевских крестов. Даже кулаки первое время признавали Филиппа, ибо видели в нем человека заслуженного, получившего награды от самого царя. Решал он спорные вопросы между старыми и новыми порядками, утверждал Советскую власть. Решал, как надо, переделывать после него волсовету не приходилось. Не терпел никакой бумажной волокиты. Выслушает, уставившись круглыми глазами на человека, будто насквозь его видит, скажет свое решение, словно ножом отрежет.

Однажды перед пахотой волсовет начал перераспределять землю, отнимать у богачей излишки и передавать бедноте. Кулаки пытались сохранить землю, уговаривали Филиппа, угрожали. Потом поняли: бесполезно, враг он им. За Советскую власть Акулов стоял твердо. И хотя политические убеждения его сложились позднее, он сразу же показал себя искренним защитником интересов трудовых крестьян.

Классовое чутье помогло ему выбрать правильный путь. Став на сторону Советской власти, Акулов остался верен ей до конца. Такой уж был у него характер: если что делать, то делать решительно и бесповоротно. Очень помогла Филиппу работа с большевиками в волсовете. Себя Филипп не считал большевиком, но на всех заседаниях ячейки присутствовал. Несколько раз ездил на съезды председателей волсоветов в уездный центр Камышлов, где большевистское руководство ставило задачи укрепления Советской власти. Эти задачи он практически осуществлял у себя в волости, опираясь на большевистскую ячейку, которая полностью ему доверяла, видела в нем волевого, энергичного председателя.

В конце мая 1918 года против Советов поднялся чехословацкий корпус, следовавший на родину через Сибирь. Появились белые отряды. В июне вся Сибирь оказалась в руках врага.

Мятеж белочехов — как береста в куче сухих дров. Полыхнули кулацкие мятежи по селам.

В Шутинском был создан отряд по борьбе с мятежниками. Командиром хотели было назначить Филиппа, но он отказался:

— Пусть Шелементьев командует. У меня еще рана не зажила, вон осколки из ноги выходят.

По предложению большевистской ячейки крестьяне выбрали Акулова волостным военным комиссаром.

Обстановка требовала незамедлительного отпора врагу.

За короткое время в волости образовалось несколько добровольческих партизанских отрядов и дружин. Большой отряд Шелементьева вобрал в себя малочисленные отряды и стал называться объединенным. Всей работой по созданию добровольческих отрядов и мобилизацией крестьян в Красную Армию руководил Акулов. Военное дело он знал, авторитет его как человека военного был большим.

С приближением белочехов становилось все более неспокойно в окружающих селах, особенно в сторону Тамакуля, богатого кулацкого села, где столкнулись силы белых, движущихся из Шадринска, и красных, направленных из Камышлова и Катайска. Часть кулацких сынков из Шутинского подалась под Шадринск...

В это напряженное время и вызвали Акулова в Катайск. Татьяне, своей жене, он сказал, что едет ненадолго, наскоро простился. А вернуться домой ему пришлось только после окончания гражданской войны.

Явился Акулов к Подпорину в тот же день.

— Кто звал? — с достоинством, прищуря глаза, спросил он. За этим вопросом стояло: Шутинское — волость, Катайск — тоже волость, кто мог вызывать Шутинского волостного комиссара?

Предстал перед Подпориным в гимнастерке, темных шароварах, ярко начищенных хромовых сапогах и мягкой фетровой шляпе.

«Вырядился!» — раздраженно подумал Подпорин. Он, не торопясь, чистил о рукав гимнастерки медное колечко трубки, набивал ее табаком. Из-под косматых бровей искоса оглядывал Акулова.

Строго спросил:

— Чин в армии?

— Поручик.

— Как относишься к платформе Советской власти?

Акулов сидел на стуле против Подпорина, так и не сняв шляпы, покачивал носком сапога, курил замызганную трубку. В глазах у него застыло разудалое озорство. На миг сверкнул в них огонек, и сразу переменилось узкое лицо, построжало.

— Ты меня не испытывай! Я не перед попом на исповеди! И за отношение к Советской власти не бойся...

— Вот что, Филипп Егорович, — проговорил Подпорин. — Я напрямик хочу...

Акулов перебил:

— Я тоже напрямик: тебе офицер нужен?

Встретились два острых пронзительных взгляда — один холодный и спокойный, другой — нетерпеливый, придирчивый.

— ...и помощник, командир Красной Армии, — с силой закончил Подпорин.

— Ну, это другое дело, — хрипло рассмеялся Акулов. — Я думал — только офицер.

Дрогнули тонкие ноздри его хищного носа.

— Доверишь? — напряженно спросил Акулов, убрав под стул хромовый сапог и подавшись вперед.

Острые и властные глаза его впились в Подпорина. Во всех чертах лица — собранность, решительность. Похоже, в любой момент сорвется с места, крикнет команду или еще что-нибудь решительное, как приказ. Он весь тут — без раздумий, колебаний, сомнений и долгих рассуждений. Про таких говорят: грудь в крестах или голова в кустах.

Но Подпорин увидел и другое: внимательные, пытливые глаза, в которых кроме лукавства и безумной удали угадывалась честная и открытая душа человека, которому нельзя было не доверить...

— Доверю! — спокойно и решительно ответил Подпорин и скосил глаза на хромовые сапоги.

15 июля 1918 года, на второй день после организации 1-го Крестьянского полка, он назначил Акулова своим помощником [1].

С этого времени и начинается служба Филиппа Егоровича Акулова в рядах Советской Армии. Было ему в ту пору уже сорок лет.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

В начальный, организационный, период деятельности полка Филипп Акулов ничем не выделялся среди других командиров — Кобякова, Тарских, Тимонина, Григорьева, Дудина. Более того, вначале к нему, бывшему царскому уряднику, относились с недоверием. Правда, все эти сомнения быстро

[1] Партийный архив Свердловской области (ПАСО), ф. 41, оп. 1, д. 984, лл. 215—216.

рассеялись. Акулов был своим человеком, к тому же успел проявить себя в борьбе за Советскую власть. Выяснилось также, что, работая в Камышлове урядником, он помогал подпольщикам: передал им ящик с наганами, за что его и сняли с должности.

Первым, кто сразу же поверил в Акулова и по достоинству оценил его, был командир полка Петр Подпорин. Прежде всего Подпорин был стойким и непоколебимым большевиком, хорошо понимающим свой революционный долг и задачи, вытекающие из общей обстановки. Своей высокой идейностью, преданностью партии, нравственной чистотой он, несомненно, оказал большое влияние на Филиппа Акулова, на формирование его мировоззрения. Подпорин помог ему разобраться в классовом характере начавшейся гражданской войны, разъяснил принципиальные особенности зародившейся Красной Армии, которую от царской армии отличала идейная сплоченность, сознательность, верность революционному долгу.

Ф. Е. Акулов, 1918 г.

«Каждый красноармеец должен ясно и определенно уяснить себе, кто он такой и каковы его задачи, что он должен делать, — писал Подпорин в одном из своих первых приказов, который так и был озаглавлен: «О понимании революционного долга товарищами красноармейцами». — ...Он служит беззаветно своему долгу... Каждый из нас должен свято и непоколебимо блюсти чистоту нашего идеала...» [1].

Если бы Филипп Акулов не усвоил этого с самого начала, если бы он не принял всем сердцем новую армию, он не смог бы стать народным героем.

[1] ЦГАСА, ф. 4789, оп. 3, д. 1, л. 7.

В том же приказе говорилось о том, каким должен быть командир Красной Армии: «Кто наши начальники и для чего они? Наши начальники — наши лучшие товарищи, избранные из среды нашей, лучшие люди, которым мы выражаем свое доверие... Начальник сосредоточивает в себе наш ум и нашу волю» [1].

Акулов твердо руководствовался этим положением в своей боевой деятельности. Он умел быстрее и вернее других командиров оценить обстановку, схватить основное, главное и незамедлительно принять решение, которому следовал неотступно, твердо, без колебаний и раздумий.

Организационный период создания рот, батальонов, полков не был легким. Стекавшиеся в Егоршино под защиту формирующейся здесь дивизии различные добровольческие отряды имели своих выборных командиров, которые не всегда охотно выполняли распоряжения вышестоящих руководителей.

Отряды, большие и малые, называли себя партизанскими. Они выступали на защиту Советской власти по собственному почину. Действовали вначале тоже по-партизански, самостоятельно. Имея своих бойцов, свое вооружение, своих командиров и свои обозы, иногда значительные, они мало зависели от создаваемого армейского командования и старались сохранить свою самостоятельность. Тем более, что первое время они не получали от этого командования ни вооружения, ни питания, ни обмундирования, — каждый отряд вынужден был обходиться своими средствами.

В этих условиях руководить полупартизанской массой было не так-то просто. В конечном счете вопрос этот решался сознательностью бойцов и авторитетом командира. Филипп Акулов был именно таким авторитетным и волевым командиром.

В своей деятельности по созданию полка Акулов брал пример с Подпорина, который был принципиален, тверд и даже беспощаден в укреплении революционной дисциплины. Многим командирам доставалось от него за излишнюю самостоятельность, многие жаловались на него вышестоящему начальству за то, что он был непреклонен и суров с нарушителями дисциплины, мародерами и дезертирами. Но Подпорин, невзирая на это, опираясь на партийную работу, делал свое дело и объединял все отряды и полки в одну группу. Вначале она

---

[1] ЦГАСА, ф. 4789, оп. 3, д. 1, л. 7.

так и называлась группой Подпорина, пока ее не переименовали в 1-ю бригаду Восточной дивизии.

С такой же беспощадностью и твердостью Акулов формировал свой полк, пополнившийся за счет других отрядов. Полк раньше других в дивизии стал крепкой боевой единицей. 6 августа 1918 года был написан приказ о назначении Филиппа Акулова командиром 1-го Крестьянского Коммунистического полка [1].

1-й Крестьянский был особенный полк. Причины его необычайной стойкости объясняются тем, что формировался он почти из одних добровольцев, в большинстве своем большевиков и сочувствующих им. Они создали костяк полка, из их среды выдвигались командиры, которым верили красноармейцы. Сознательная дисциплина, верность революционному долгу, товарищеская спаянность выделяли этот полк среди других.

Талант Акулова мог развернуться именно в этой среде, состоявшей из людей, которые понимали его смелые замыслы и осуществляли их с необычайной самоотверженностью.

8 августа 1918 года бригада Подпорина двинулась из Егоршино для наступления на узловую станцию Богданович. План операции был смелый: прорвать оборону врага, захватить станцию и повести наступление на Екатеринбург.

В районе Богдановича находилось несколько хорошо вооруженных белогвардейских полков, имелись ударные офицерские роты и чешские подразделения. Красноармейцам же не хватало оружия. Накануне наступления вышел приказ, в котором красноармейцам предписывалось «не разбрасываться патронами, а также гильзами и обоймами, ибо это — все наше богатство. При появлении аэроплана не производить стрельбу из винтовок, ибо это напрасная трата патронов...» [2]

«Ближайшая задача нашей бригады — занятие станции Антрацит...» — гласил приказ Подпорина [3]. Решение этой задачи возлагалось на 1-й Крестьянский Коммунистический полк.

Начал Акулов наступление стремительно. Возглавив небольшой кавалерийский отряд, он смело атаковал станцию

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 984, л. 93.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 984, л. 87.
[3] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 64, л. 220.

Антрацит, расположенную между Егоршино и Богдановичем, и захватил ее.

«На противника мы напали неожиданно, — сообщили из полка, — в полдень, как раз во время собрания, которое белые проводили на станции. Противник бежал в паническом ужасе, оставляя убитых на месте боя... У нас нет ни убитых, ни раненых...» [1]

В этом бою Акулов проявил себя не только лихим командиром, но и вдумчивым военачальником, отважно осуществлявшим смелый замысел. Стремительным и неожиданным для врага ударом в тыл группы кавалеристов, имевшейся в полку, он создал у противника панику и быстро, не теряя ни одной минуты, повел наступление на деморализованных белогвардейцев. Здесь он впервые осуществил прием, которым в дальнейшем пользовался блестяще: рейд в тыл к противнику. Переодевшись в форму белогвардейского офицера, Акулов с двумя конными разведчиками, также одетыми в форму белогвардейских солдат, проник в тыл белых, разузнал расположение частей, их боеспособность. Встречаясь с офицерами, здоровался с ними за руку, заводил разговор и выспрашивал у них все, что его интересовало. В расположение своего полка вернулся беспрепятственно [2]. После этого рейда он и начал наступление, в результате которого противник был обращен в бегство.

Начдив Овчинников не ожидал такого успеха. За несколько дней до этого он докладывал командарму:

«Части дивизии страшно утомлены и деморализованы беспрерывными боями. Требуется много усилий, чтобы сохранить хоть какой-нибудь порядок, поэтому боеспособность наших войск оставляет желать много лучшего...» [3]

Молодой начдив не сумел правильно оценить ни силу революционного духа в войсках, ни командиров-самородков, выдвигавшихся из солдатской массы, ни работу, которую они проводили по укреплению стойкости полков и бригады. Не оценил он ни Акулова, ни Подпорина, ни других командиров, которые достали ему победу под Антрацитом.

Во время наступления на Богданович Филипп впервые познакомился с Макаром Васильевым, сменившим Подпорина на посту комбрига.

Встречался с ним Акулов и раньше, когда работал председ-

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 64, л. 288.

[2] «Голос колхозника», 1933 г., 16 декабря, № 119.

[3] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 57, л. 367.

дателем Шутинского Совета, но в памяти как-то стерлась та мимолетная встреча. Ездил он тогда на уездный съезд председателей волсовдепов и впервые увидел мрачно сидевшего за столом президиума нового уездного военного комиссара и председателя Чрезвычайной Комиссии. Это и был Макар Васильев.

Не понравился он тогда Акулову. Был офицером, а носил какой-то гражданский помятый пиджак и косоворотку. Сидел за столом сычом, ощупывал каждого в зале хмурым взглядом. Лицо какое-то бабье, с толстыми щеками.

Теперь встреча произошла в тесной комнате начальника станции Антрацит. Здесь же находился Подпорин, с которым и прибыл Васильев.

— Новый командир бригады, — представил его Подпорин. — Вместо меня. Приказом по Восточной дивизии я направлен в месячный отпуск...

— Что за дьявольщина? — удивился Акулов. — Какой отпуск?

Потом резко повернулся к Васильеву.

— За что снимаете Подпорина?

— Снимаю не я...

— Подпорин создал полк, бригаду, которой командует. Бригада успешно наступает!

— Видите ли, товарищ Акулов... — снова начал объяснять Васильев, но Акулов опять его перебил:

— Не имеете права!

Вмешался Подпорин:

— Я сам просил об освобождении, Филипп Егорович...

Акулов с удивлением посмотрел на него и стих, раздумывая над словами Подпорина.

То, что начальник вновь организованной дивизии был резко настроен против Подпорина, он знал. Уже был приказ об освобождении Подпорина от командования полком, а заодно и Акулова как его помощника. Приказ был отменен как совершенно необоснованный, но этим дело не кончилось. Бывали случаи, когда начдив просто-напросто игнорировал Подпорина. Подпорин же не хотел поступаться своими принципами. Воспользовавшись успешным наступлением бригады, он счел удобным прямо и честно сказать начдиву: «Люди, говорящие разными языками и учитывающие момент каждый по своему, безусловно, пользы делу не принесут...» [1] Он просил освобо-

[1] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 21, л. 31.

дить его от занимаемой должности и поставить на его место нового командира бригады. Начдив приказал Подпорину сдать бригаду и принять полк, но Подпорин отказался, зная, что Акулов, в военный талант которого он верил, не хуже его, а возможно и лучше, справится с командованием полка и что как человек военный он найдет лучший контакт с начдивом. Тогда начдив направил Подпорина в месячный отпуск...

— Да, дорогой товарищ Акулов, — повторил Подпорин, — я свое дело сделал, а командовать пусть будут военные. Макар Васильев — самый подходящий человек для командования бригадой. К тому же он коммунист, как и я. Не возмущайся, общий язык вы найдете.

— Между прочим, все мы командовать еще не научились, — вмешался Васильев, приветливо улыбаясь. — А обстановка такая, что надо как можно скорее научиться.

Голос его стал строже, пропала улыбка.

— И первое дело — не пороть горячку, а беспрекословно подчиняться вышестоящему начальнику. Я, товарищ Акулов, знаю Петра Никитича больше и дольше, чем вы. Мы вместе работали в Камышлове в напряженные дни и понимали друг друга всегда. И уважаю его не менее, чем вы. Но приказ, чем бы он ни мотивировался, есть приказ, и его нужно выполнять без нервозности и крика.

Говорил он басом, спокойно и внушительно. Был среднего роста, коренаст, в широких плечах его чувствовалась скрытая сила. Походил на глыбу, от которой веяло спокойствием и уверенностью. Акулов почувствовал, что эту увесистую глыбу не прошибешь с наскока, не сломишь. Как скажет Васильев — так и будет.

Побыв некоторое время в войсках, располагавшихся на станции, Васильев уехал в Егоршино. Вместе с ним незаметно и тихо уезжал Подпорин. Расставаться с ним Акулову было тяжело. Понимал Акулов, что терял он хорошего товарища, человека сурового, но кристально чистого душой. Прощание было грустным. Из-под насупленных, как всегда, бровей смотрел Подпорин на Акулова ободряющими, ласковыми, будто умытыми, глазами. Впервые увидел Акулов, что глаза у Подпорина светлые. А он-то думал, что они у него темные, строгие...

С Подпориным Акулов больше не встречался [1].

[1] П. Н. Подпорин сдал командование бригадой 11 августа 1918 года и выбыл на другой участок фронта. Политработник. Одно время работал в отделе разведки Восточного фронта. Трагически погиб в 1921 году.

Васильев приступил к командованию бригадой. О лучшем командире не приходилось и мечтать. Богатый жизненный и военный опыт способствовал быстрому выдвижению его в число тех командиров и полководцев, которые создавали Красную Армию и вели ее от победы к победе.

Начальник 29-й дивизии
М. В. Васильев.

Макар Васильевич Васильев в прошлом крестьянин. Работал грузчиком в Кронштадте, рабочим в литейных мастерских и на вагоностроительном заводе в Риге. Во время войны с Германией сумел окончить школу прапорщиков, командовал ротой. Принял активное участие в революции. В партию большевиков вступил в августе 1917 года. После Октября был избран командиром полка, а потом командиром 6-го Сибирского армейского корпуса. Формировал красногвардейские части и отправлял их на борьбу с Красновым, выступившим против Советской власти на Дону, с немцами, наступавшими на Нарву и Петроград.

В Камышлов он прибыл в феврале 1918 года для расформирования 6-го Сибирского корпуса и остался с группой командиров для партийной и военной работы в уезде. Его избирали уездным военным комиссаром, председателем ЧК, председателем уездного исполкома. Опять он организовывал отряды Красной Гвардии и отправлял их на борьбу с Дутовым, с белочехами и белогвардейцами, выступившими против Советов в мае 1918 года. Был организатором первых частей регулярной Красной Армии на территории Зауралья, формировал 1-й Камышловский, 5-й Уральский полки, при его прямом участии создавался и 1-й Крестьянский Коммунистический полк в Катайске.

Васильев хорошо разбирался в политической и военной

обстановке, умело руководил боевыми действиями, прекрасно знал красноармейцев, придавал большое значение партийной работе среди масс. Обладая огромной (некоторые считали «неограниченной») силой воли, умел разумно пользоваться ею. Его уважали за прямоту и необычайную честность, уверенность и спокойствие, сохраняемые в самой трудной обстановке, простоту, скромность, внимательность. Он, не задумываясь, делился с товарищами последним куском хлеба и щепоткой табака.

Таков был новый комбриг, которому должен был непосредственно подчиняться Филипп Акулов.

Васильев, приняв бригаду, начал с того, на чем остановился Подпорин. Он беспощадно расправлялся со своеволием командиров, требовал от них строгой революционной дисциплины, придавал большое значение партийной работе в бригаде. Для усиления этой работы он создавал в бригаде партийные кадры. Это делало бригаду самой стойкой во всей дивизии и армии.

Акулов Васильеву при встрече не понравился. Показался задиристым, бесшабашным. Фуражка надета набекрень, глядит с вызовом и едва уловимой насмешкой. По слухам, храбрый и удачливый командир, но что у него за душой Васильев не знал.

Не предполагал Васильев, что эта встреча будет началом их большой дружбы.

Военное дарование Акулова Васильев оценил очень скоро. Наступление, предпринятое соседней дивизией на Екатеринбург одновременно с наступлением бригады Подпорина на Богданович, выдохлось. Дивизия, подошедшая почти к окраине Екатеринбурга, отхлынула назад к Тагилу. Белогвардейцы сосредоточили большие силы против бригады, наступавшей на Богданович, но, невзирая на это, полк Акулова разбил белых у Сухого Лога и подошел к Богдановичу. На станции началась паника.

Васильев написал донесение начдиву. Это было его первое сообщение о храбрости и умелой распорядительности Акулова.

Эта победа, отраженная в донесении, была отмечена в приказе Реввоенсовета Республики.

«Тов. Акулов..., обратив противника в паническое бегство, продвинулся с полком до деревни Сухой Лог. Создав вследствие этого непосредственную угрозу станции Богданович, тов. Акулов, несмотря на яростные атаки противника,

держался на позиции до тех пор, пока в связи с общим положением на фронте ему не приказано было отойти...»[1]

Во второй половине августа началось наступление белых на широком участке фронта. Против полка Акулова и соседнего с ним 4-го Уральского полка действовала белогвардейская группировка полковника Смолина в составе четырех полков...[2]

За станцию Антрацит полк выдержал около тридцати боев в течение недели. Село Ирбитские Вершины и соседняя с ним деревня Елкина переходили из рук в руки несколько раз. Сражения шли иногда за каждую улицу, за каждый дом.

Если учесть, что на других участках фронта было сравнительное затишье или отступление красных частей, то значимость этих сражений возрастет еще более.

Во время яростных боев отдельные подразделения полка оказывали помощь соседям на других участках фронта.

О боевых действиях полка в это время скупо сообщают сводки штаба армии:

«18 августа. Противник атаковал нас со стороны Екатеринбурга на станцию Монетная, кордон Тепловский, деревни Талица и Таушканы... Атаки противника отбиты...»

«18 августа к 15 часам. В районе станции Антрацит попытка противника проникнуть через наше расположение отбита... Противник отброшен за реку Пышму...»

«19 августа. Отряд противника, пользуясь лесистой местностью, под прикрытием темноты, в ночь с 18 на 19 августа подошел к железной дороге на 81-й версте. Нашей пехотой при поддержке бронированного поезда противник отбит...»

«19 августа к 14 часам. В настоящее время идет бой. Противник атакует значительными силами. Несмотря на это, наши части геройски отбивают атаки. Нередки были случаи, когда незначительные группы бросались в контратаку на противника...»

«20 августа. Противник атаковал наши сторожевые части в районе Ирбитских Вершин, занял этот пункт, но нашим обходным маневрированием был окружен. Было захвачено большое количество винтовок, патронов, снаряжения, три пулемета и несколько телефонных аппаратов...»[3]

---

[1] Приказ Реввоенсовета Республики № 71 от 16 мая 1919 г.

[2] 1, 2, 7 и 8-й Степные полки и Шадринский отряд (ЦГАСА, д. 1334, оп. 2, д. 61, л. 244).

[3] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 60, лл. 52, 74, 64, 47, 26.

Комбат полка Красных орлов В. Д. Жуков.

После егоршинских боев молва о подвигах Акулова и бойцов его полка стала быстро распространяться по всей дивизии. Филипп Егорович проявил в этих боях исключительную храбрость и бесстрашие. В атаках он всегда был впереди своих бойцов. Обороняясь, проявлял выдержку и стойкость. Смелые, разящие удары в лоб умело сочетал с неожиданными ударами во фланг и тыл противника. Про Филиппа Акулова говорили: «Вот это командир! За ним — хоть в огонь, хоть в воду». И шли за ним, равнялись на него.

«Одним из главных факторов воинственного духа отрядов, — делает вывод бывший командир батальона Онуфриев, впоследствии комбриг, — было влияние командиров и комиссаров, выдвинувшихся из среды рабоче-крестьянской массы» [1].

Младшие командиры в полку Акулова действительно были боевыми, инициативными, беззаветно храбрыми.

Комбат Василий Жуков — слесарь депо, один из первых руководителей большевистского подполья на станции Камышлов. После установления Советской власти стал военным комиссаром уезда. В полк пришел со своим отрядом, который преобразовали в батальон. Военный талант Жукова проявился в первых же боях. Белогвардейцы очень быстро узнали, что представляют собой бойцы его батальона. Услышав о приближении красноармейцев Жукова, они в панике кричали: «жуковцы!» Простота в обращении с красноармейцами, личное бесстрашие, высокая требовательность к себе и другим, воинское умение сделали его самым популярным и любимым командиром.

[1] И. А. Онуфриев. Мои воспоминания из гражданской войны на Урале. Екатеринбург, 1922.

В отличие от Жукова комбат Иосиф Ослоповский вышел из крестьян. Родом из села Шутихинского близ Катайска. Служил на флоте. Вернулся домой прапорщиком, человеком, знающим военное дело. Это ему очень пригодилось во время гражданской войны. Он возглавил партизанский отряд по борьбе с белочехами. Отряд этот вошел в состав полка ротой. Ослоповский — наиболее грамотный командир в полку. Храбрый, общительный, он был беспредельно предан делу, которое защищал. Он выделялся огромным, более двух метров, ростом, большой физической силой. О бесстрашии Ослоповского ходили легенды. Ему ничего не стоило одному пойти в разведку во вражеский тыл с пулеметом на плечах, пробраться по целине на лыжах во фланг белогвардейских цепей и вызвать среди них панику, броситься в самую гущу рукопашной схватки...[1]

Комбат полка Красных орлов
И. А. Ослоповский.

Как правило, все командиры в полку были такими людьми, за которыми без страха шли бойцы на самую опасную операцию, беспредельно веря в них, подражая им.

С командирами Акулов был по-товарищески прост. Он советовался с ними, если надо, хвалил, а уж если ругался, то рубил с плеча. Но главное в этих отношениях было уважение к Акулову, доверие, признание его личных достоинств.

Среди командиров полка Филипп Егорович выделялся широтой натуры, ярким военным дарованием, размахом мышления, опытом, воинской дерзостью. Пользовался в полку непререкаемым авторитетом. Его личная храбрость всегда вызывала восхищение красноармейцев.

---

[1] Иосиф Андреевич Ослоповский в годы гражданской войны командовал полком, бригадой, дивизией. Участвовал в Великой Отечественной войне в звании генерал-майора. Умер в 1952 г.

МОЛОДЕЦКАЯ АТАКА

В начале сентября 1918 года в Волынском полку 2-й бригады, расположенной западнее бригады Васильева, вспыхнул кулацко-эсеровский мятеж. В результате белогвардейские части, соединившись с мятежниками, оказались в тылу наших войск и захватили Покровское, богатое село, которое находилось в непосредственной близости от станции Егоршино, где расположился штаб бригады Васильева. Овладев селом, белогвардейцы начали наступление на Егоршино.

Ситуация создалась отчаянная. Станция была окружена с трех сторон. Под угрозой оказалась вся дивизия. Нужно было срочно спасать положение. Дело решали часы и даже минуты.

Комбриг Васильев, склонившись над картой, в раздумье мял пальцами мясистые щеки. Штабной вагон вздрагивал от недалеких взрывов.

Получался какой-то слоеный пирог: один из батальонов полка Акулова, переброшенный на участок 2-й бригады, выбил белых из поселка Реж и закрепился в нем. Другой батальон полка поспешил к нему на помощь. А в это время белые, используя измену Волынского полка, захватили Покровское, отрезав путь двум батальонам и вклинившись в расположение красных войск.

На краю стола, у карты, лежало запоздалое донесение. Взгляд Васильева опять задержался на нем:

«Несогласившихся обезоружили, остальные подчинились. Всех обезоруженных и захваченный бронепоезд отправили к белым... Мятежники соединились с белыми...» [1]

Васильев смял донесение и швырнул на пол. Что же делать? Два батальона отрезаны. Силы бригады, вынужденной сдерживать врага с трех сторон, были разбросаны. Как их собрать в один кулак и ударить им по Покровскому?

Васильев свирепо посмотрел на начальника штаба, на писаря, ординарца — на всех, кто находился в вагоне, — будто они виноваты во всем, коротко пробасил:

— Акулова ко мне! Срочно!

Белые уже били из орудий по станции. Звенели оконные стекла и визгливо скрипел где-то над головой кусок железа.

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 984, л. 138.

Акулов находился неподалеку и вскоре явился к комбригу.

— Смотри... Вот тут — Реж, тут — Покровское, — басил комбриг. — Перед Егоршино, между прочим, никого нет. Восемнадцать километров открытого фронта...

— Что ты мне карту суешь? — сердился Акулов. — Без карты знаю... У меня только один батальон Ослоповского и тот в стороне.

Васильев убрал карту:

— В Покровском несколько тысяч белогвардейцев и мятежников. Надо выбить! Тебе придается батарея из двух орудий и эскадрон Прокофьева в девяносто сабель.

Командир Стального Путиловского кавалерийского полка П. В. Прокофьев.

— Разбузую комбрига Чернобородова! Ему соску сосать, а не бригадой командовать. Куда смотрел? Не видел измены?

— Чернобородов, между прочим, командир Красной Армии! — повысил голос Васильев.

— Баба он, а не командир! — вскипел Акулов, выскакивая из штаба: — Коня!

Не успев вскочить на вороного жеребца, Акулов увидел Прокофьева, командира эскадрона.

— Говорят, товарищ Акулов, у вас в полку безвыходное положение?

— Наш полк не знает безвыходных положений! — вызывающе отрезал Акулов. Он сбил на затылок потертую папаху, отступил на шаг и, насмешливо прищурившись, оглядел командира эскадрона.

Прокофьев высокого роста, чуть не на голову выше низенького Акулова, строен, подтянут, с щегольской выправкой. Кавалерийская фуражка лихо нависла над бровью.

— Хм... С тебя картинку писать, — гнусаво проговорил он, сверля глазами Прокофьева. — Если твои бойцы все такие... и в бою...

Привычку гнусавить, сдерживая себя от гнева, Прокофьев за Акуловым знал. Не говоря ни слова, он махнул рукой, и его эскадрон, стоявший за изгородью садика, легкой рысью пошел по вокзальной площади.

Акулов, вскинув голову, придирчиво оглядывал ряды.

Строгие, подтянутые по примеру своего командира, почти все одетые в военную форму, положив руки на эфесы сабель, всадники плавно покачивались в седлах.

Дрогнуло сердце кавалериста, заплясали веселые искры в глазах Акулова, блеснули зубы в довольной улыбке.

Он повернулся к Прокофьеву, похвалил:

— Орлы!

И сразу же посерьезнел:

— Давай по Покровскому с тыла, от железной дороги, а я — в лоб, прямо.

Взяв с собой взвод конной разведки, который был при нем, Акулов поскакал навстречу белым, наступающим из Покровского.

Спешно двигался к Покровскому по приказу Акулова и батальон Ослоповского.

Поджидая его, Акулов приказал с высокого бугра вести огонь из двух имевшихся пушек по мятежному селу. Дым от разрывов шрапнельных снарядов навис над растянутым в десять верст Покровским. С неприятельской стороны по бугру бил из орудий бронепоезд. Слышалась пулеметная стрельба.

Акулов велел перенести огонь на бронепоезд и, когда его орудия замолкли, снова приказал бить по Покровскому, но теперь «химическими», зажигательными снарядами. Покровское загорелось в нескольких местах.

Неожиданно за лесом, в стороне от села, возникла ожесточенная перестрелка. Это подошел батальон Ослоповского. Дав условный сигнал Прокофьеву, Акулов поспешил к сидевшим в засаде бойцам конной разведки своего полка.

Первое наступление красноармейцев батальона Ослоповского оказалось отбитым.

Вырвавшись из Покровского, красноармейцы бригады Чернобородова, потеряв командиров, сбились в кучу и в панике бежали. В низине, посредине которой торчала корявая сосна с обгрызенной снарядами вершиной, была сплошная

неразбериха. Красноармейцы, не зная друг друга, не слушая чужих командиров, растерянно метались взад и вперед.

Совсем близко застучал пулемет. Красноармейцы колыхнулись в одну сторону, потом шарахнулись в другую... Снаряды начали падать среди них.

Какой-то командир, потрясая наганом, истошно кричал:

— Занимай оборону!

На гнедой лошади в низине появился командир 2-й бригады Чернобородов и врезался в гущу красноармейцев. Он кричал, размахивая над головой шашкой и тыкая ею куда-то в сторону от Покровского. Покрутился еще немного и поскакал вдоль низины мимо разбитой сосны. Часть красноармейцев побежала за ним.

Внезапно перед ними появился Филипп Акулов на вздыбленном Воронке. Жеребец перебирал в воздухе передними ногами, крутился на одном месте.

Акулов был без папахи. Кричал, широко раскрыв рот, и стрелял из нагана в воздух:

— Стой! Куда?!

Пригнувшись к гриве, он метнулся в ту сторону, откуда бежали красноармейцы, встреченные ружейным огнем, и где вертелся на гнедой лошади Чернобородов.

Жеребец Акулова птицей летел среди черных комьев земли, вздымавшихся от разрывов. На самом краю низины оба всадника сшиблись, закрутились на месте, вскидывая вверх руки: один с шашкой, другой с наганом.

Из-за холма со стороны Егоршино выскакивали неизвестные всадники. Слева от бугра вразброд хлопали выстрелы из винтовок, оттуда бежали красноармейцы.

Как водоворот в бурной реке, забурлила низина, над нею вспенился многоголосый крик, заглушаемый уханьем взрывов. Временами выплескивались отдельные крики:

— Обходят!

— Бежим!

Наконец, пронзительный крик прорвался сквозь шум и гвалт и взмыл вверх, словно стон раненой птицы:

— Спа-а-а-а...

В вышине резко запел снаряд. Низина замерла. Снаряд гулко ухнул в сбившуюся кучу красноармейцев, разбрасывая комья земли.

Серая масса гимнастерок, фуфаек и шинелей колыхнулась, готовая расползтись во все стороны. Из низины, нарастая, повалил вверх вой:

— А-а-а-а-а...

В это время, подняв над головой саблю, навстречу недавней ружейной трескотне в сторону Покровского мчался на взмыленном жеребце Акулов. За ним — скатившиеся с Егоршинского холма всадники. В образовавшийся проход хлынули пешие и поток, расширяясь, устремился за Акуловым. Лицо его покрыто грязью, пряди волос прилипли к потному лбу. Бешено сверкают глаза:

— За мной, орлы-ы-ы!..

Проскочили разгоряченные всадники, и вслед им неслось по низине:

— Дае-е-ешь!

— Бузу-уй!

Низина, где только что бурлила и клокотала толпа, опустела. Последним выбирался оттуда комбриг Чернобородов.

Конники во главе с Акуловым смяли передовые цепи белых, ворвались в горевшее Покровское и в клубах пыли, сверкая саблями, с гиком и свистом понеслись по широкой улице к центру села, где стояла высокая церковь.

С другого конца села, рубя ошеломленных белогвардейцев, прорывались кавалеристы эскадрона Прокофьева.

Встретились у церкви.

Акулов, не слезая с лошади, обнял разгоряченного боем Прокофьева.

Отъехал в сторону, прищурил глаз:

— Что же это ты... без выправки?

Удивленный Прокофьев привычно дернул френч, сбитый под ремнем, расправил плечи, взялся поправить съехавшую набок фуражку и поспешно стянул ее, нащупав пальцем дырку от пули чуть выше пятиугольной звездочки.

Увидев расстроенное лицо Прокофьева, Акулов усмехнулся:

— И как теперь с тебя картинку писать?

Вдоль речки Бобровки стремительно наступала пехота. Это был батальон Ослоповского. Подошел к селу со стороны Режа и батальон Жукова.

Белые оставили Покровское.

Васильеву Филипп коротко доложил по восстановленной телефонной связи:

— Приказ выполнил...

Васильев добродушно басил:

— Поздравляю с успехом. Определенно. Только жалуется тут на тебя комбриг Чернобородов. Грубишь!

Акулов не только спас положение дивизий, но и разбил противника, имевшего значительно превосходящие силы и выгодные позиции. Враг отступал с большой поспешностью. В оперативной сводке по 3-й армии отмечалось:

«Как деталь этого боя обращает на себя внимание оставленные на месте стычки около 20 пар сапог, что дает основание предполагать о той стремительности и облегченной в смысле обуви поспешности, с какой противник отступил в направлении на станцию Реж» [1].

Бой под Покровским — яркий пример действий Филиппа Акулова. Быстрота, трезвый и смелый расчет, личная отвага, вера в своих бойцов, знание слабых сторон противника, последовательность и непреклонность в проведении задуманной операции, горячий характер, который не позволяет терять ни одной секунды при исполнении задуманного, — все это вместе взятое, удачно слившись в нем, обеспечило успех не только под Покровским, но и в дальнейших боях. Утеряв хоть одно из этих качеств, Акулов уже не был бы Акуловым.

Начальник дивизии отметил в приказе доблестную победу:

«Этой молодецкой атакой был решен бой, и план противника взять Егоршино был разрушен... Объявляя о сем, я от имени всей дивизии приношу глубокую благодарность тов. Акулову и Прокофьеву и всем красноармейцам 1-го Крестьянского полка. Со своей стороны я буду ходатайствовать перед Военным Советом 3-й армии о награждении 1-го Крестьянского полка «Боевым Знаменем Революции» [2].

Одновременно Акулов получил и выговор «за недопустимо грубое отношение... и за вмешательство в оперативные действия командира 2-й бригады Чернобородова во время восстановления положения под Режем...» Начдив разъяснял в приказе, что Акулов подлежал военно-полевому суду, но, «приняв во внимание его боевые заслуги, беззаветную храбрость и вспыльчивый характер», он ограничился строгим выговором [3].

Видимо, характер Филиппа Егорыча стоил того, чтобы о нем упоминать в приказе!

Позднее победа под Покровским отмечалась и приказом Реввоенсовета Республики [4].

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 708, лл. 115—116.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 984, л. 16.
[3] Там же.
[4] Приказ Реввоенсовета Республики № 71 от 16 мая 1919 г. ЦГАСА.

Бесстрашие и военное мастерство Акулова вызывали неподдельное изумление у всех, кто знал его раньше.

«Маленький был тщедушным, — вспоминает дядя Акулова, боец полка. — В детстве тихим был, смирным. А вот героем стал! Откуда что взялось! С генералами дрался. Будто сгорбленный ходит, в полушубке, мужик мужиком, а доткнулся до коня — гроза белых!» [1]

В егоршинских боях окрепла и закалилась бригада Васильева, стала по-настоящему регулярной частью Красной Армии. В составе трех полков она разбила в боях под Сухим Логом и Ирбитскими Вершинами дивизию полковника Смолина, состоявшую из четырех полков, в боях под Ирбитским заводом — ударный добровольческий офицерский полк полковника Киселева, в боях под Покровским и Режем — значительные силы белых. И это несмотря на то, что бригада находилась в полуокружении, на самом крайнем левом фланге 3-й армии, штаб которой находился в Перми за пятьсот верст от Егоршино.

В бригаде беспрекословно выполнялись все приказы комбрига. Командиры и бойцы верили ему, а он ценил и верил в них. Иначе, как бы он мог направлять против вражеской дивизии полк, против полков — батальоны и роты, как бы мог он положиться на Акулова, направляя его с сотней кавалеристов и пешим батальоном против двухтысячной группировки врага?

В бездонном, без единого облачка небе ярко светило солнце. Скрипуче стрекотали кузнечики, неспокойно шумел переспелый овес.

Лошади мягко ступали копытами в дорожную пыль, лениво помахивали головами.

Редко выдавались такие вот свободные от повседневной суматохи военной жизни минуты, как сейчас, когда комиссар полка и командир оставались наедине. У них почти никогда не было времени поговорить друг с другом. Но сейчас комиссар Юдин молчал, оглушенный непривычной тишиной теплого дня бабьего лета. Солнце жгло. Темно-зеленый френч из солдатского сукна неприятно сдавливал разгоряченное тело. Комиссар вяло думал об Акулове, о его трудном, необуз-

---

[1] Воспомнпания Н. В. Шалягнна.

данном характере, о том, что мало знает его, о том, что с ним придется вместе воевать и отвечать за судьбы людей полка.

Акулов, кажется, весь как на ладони: лихой командир, безудержный в шутке и в действиях, бесшабашно храбрый, молниеносный в решениях и поступках, грубый, ершистый, недоверчивый... Когда Юдин, назначенный комиссаром в полк, явился к нему, то прежде всего услышал: «Для чего тебя назначили — воевать, что ли, не умеем? Или для контроля?»

Но весь ли Акулов в этом? Или у него есть что-то свое, человечески сокровенное, недоступное для других? Чем он жил и чем живет помимо боя?

Юдин искоса посматривал на него, а Акулов, не замечая этого, шумно вдыхал теплый воздух и вприщур из-под надвинутой на глаза папахи вглядывался в дымящуюся маревом даль. Трепетали ноздри его тонкого носа, нервно вздрагивали узкие губы.

— Если бы не было войны, — неожиданно для себя спросил его Юдин, — что бы ты сейчас делал, чем занимался?

Акулов быстро взглянул на него и, не задумываясь, будто ждал этого вопроса или только что об этом размышлял, ответил усмехнувшись:

— А вот ехал бы и ехал так по полям да проселкам, слушал бы кузнечиков, жмурился от солнца. Выспался бы где-нибудь у придорожного куста, а то запел бы песню про русскую долю...

Юдин молчал, пораженный. Никогда бы он раньше не подумал, что Акулов способен так говорить. Как-то не вязалось это с бесшабашным, удалым его характером, с его насмешливостью, резкостью.

Акулов, словно понимая удивление Юдина, застенчиво крякнул, вызывающе грубо выругался и надолго замолчал, раскуривая трубку и попыхивая терпким табачным дымком. Ехал, не глядя на Юдина, сердито поджав губы.

Но вскоре на лице Акулова опять появилась мечтательно-грустная улыбка. Видимо, бередили душу просторное поле, бескрайнее небо, далекие перелески.

Отрываясь от каких-то своих далеких воспоминаний, он хмуро поглядел на Юдина и предложил:

— Давай заедем в лесок, поваляемся на травке, а?

И добавил смущенно:

— Что-то раздумался я сегодня о мирной жизни.

Он свернул с дороги, заехал в овес и, оборвав колосок, растер его между ладонями. Долго глядел на сухие зерна.

— Убирать его пора, а мы вот не даем мужикам, воюем.

Они расположились в лесу на полянке.

Раскинувшись лежал навзничь Акулов, примяв траву и покусывая какой-то стебелек. Неторопливо рассказывал про себя.

— ...На лошадях я умел хорошо сидеть, не в пример другим. Люблю лошадь с детства... В армии определили меня гусаром, форму красивую дали. Схватывал все с лета, саблей владеть быстро научился. Лозы срубать — первый. Чуть какие учения или показать какому-нибудь превосходительству езду на лошади или рубку — меня посылали. Я ни разу не подводил, от начальства мне почет и благодарности. Легкое у меня сердце к военной службе было, да и гусарская жизнь после деревни разудалой показалась...

Интересно слушать Юдину, матросу с двенадцатилетним стажем, неожиданную исповедь Акулова — мужика, попавшего в гусары. Пойми вот душу человека, пока он сам не раскроется!

— Заслонила мне гусарская жизнь крестьянство, — вспоминал Акулов. — А только пришел ей конец. Революция началась в пятом году, рабочие поднялись, крестьянство... Красных петухов начали пускать в помещичьих усадьбах. Ну, а нас на усмирение стали посылать, своего же брата мужика пороть. Вот тут-то я и взбунтовался. Человек я горячий, поперечный. Отказываться стал за мужиками с саблей гоняться, начальству перечить. В горячке один раз я своего командира чуть саблей не рубанул, ребята удержали. Грозил мне расстрел, да помогли добрые люди в запас определиться. Пронесло... Опять в свою деревню прикатил. Бедная она мне показалась, своя-то деревня. Курицы посреди дороги в пыли возятся да телята, задрав хвосты, по улицам носятся, а по утрам петухи горланят... Увидел я, что земли у нас скудные, пашни ниже дорог, изработанные. Да и тех земель мало, не хватает мужикам. Понял я, что не зря мужики за помещичью землю воевали. Расспрашивали они меня, что за революция была, как она в других местах проходила, а я отмалчивался. Не рассказывать же, как сам на усмирение ездил! Тошно мне стало в деревне. Тихо живут мужики, с нуждой бьются. В этом вся жизнь. А я другую видел — городскую, красивую... Выпивать начал, буянить, куролесить, хвастаться по пьянке, как я ловко саблей орудую. В урядники на царскую службу

определился. Начали на меня мужики коситься. Свои же, односельчане. Да и из других деревень: вроде я начальство над ними. А по себе знаю, что не любит мужик начальства, тем более полицейских чинов. Я ведь тоже мужик, со всеми потрохами мужик. Мне бы по росистой траве зорьками ходить, землю плугом подымать, слушать, как поспевают хлеба, гулять по праздникам с другими мужиками, как ровня с ровней, почудачить иной раз...

Акулов перевернулся на живот, подложил под подбородок руки и уставился в просвет между деревьями, за которыми легкими волнами перекатывался подступивший к самому леску овес.

— Недолго я в урядниках пробыл. Потянуло на землю мужиковать. Бросил все к чертовой матери, поселился в своем доме в Шутинском, хозяйство справил. Утихомирился, спокойно жить начал. Да и года уж к тому подходили...

Не перебивая слушает Юдин, как рассказывает лихой командир про свою мужицкую далекую от войны жизнь. И не было в этой жизни ничего геройского, даже ничего примечательного. И если бы это рассказывал кто другой, может быть, и не слушал бы Юдин. А тут — сам Акулов, Бузуй, рассказывает.

— ...Ну, а там снова война. Заколобродила жизнь. Кое-кто — да и ты! — считает, что такая жизнь как раз по мне... Да ну ее к лешакам! Охоты воевать у меня нет, меня к земле тянет. Я ведь вначале думал: чехов отгоним и конец! Живи, хозяйствуй — своя власть, мужицкая. А теперь вижу другое: идет война нового мира со старым. И конца ей не видно. Трудно сейчас. На Советскую власть лезут, как саранча, кому не лень. Много ли той земли вокруг Москвы осталось — десятая часть России? Огненное кольцо — это верно. Веришь или нет, но чем труднее нам, тем больше у меня веры в победу. И вижу, что надо воевать — хочешь или не хочешь. И лучше воевать.

Он повернулся к Юдину, привстал на локоть, улыбнулся, заглянул ему в глаза.

— Я вот в партию хочу вступить. Как ты думаешь, а?

Юдин молчал, раздумывая над всем сказанным.

— Хватит, однако! — резко сказал Акулов, вскакивая с земли. — Расплакался я тут о своей жизни. Поехали!

— Нет, ты подожди! — остановил его Юдин, садясь и обхватывая руками поднятые колени. — О партии мы еще поговорим, а теперь давай уж до конца досказывай.

В другой раз из тебя слов канатом не вытянешь. Я вот тебя другой раз понять не могу, почему ты такой резкий, грубый, подозрительный — своих за врагов принимаешь.

Акулов быстро глянул на него, присел на корточки и с непонятной горечью заговорил:

— Душа, душа... Не стало у меня ее в войну! Кому она нужна? И не выпытывай у меня ничего больше, все равно не буду рассказывать. Одно скажу. Я уж — какой есть! Деликатничать не умею, обхожденью учиться поздно, больше сорока лет мне. А на войне распускать слюни да объясняться в любви — некогда. И золотопогонников ненавижу — душа из них вон — потому и злой в бою.

— Да ведь ты и сам золотопогонник! — воскликнул Юдин.

— Ах, вон что тебя интересует... — зло усмехнулся Акулов, снова вскакивая на ноги. — Так вот! Звание поручика я кровью заработал! Презирать мужика не учился, в струнку перед высокопревосходительствами не вытягивался. Плевал я на них! И ты мои погоны с ихними не равняй! Побывал бы ты в моей мужицкой шкуре среди золотопогонников! Нос задирали передо мной, выскочкой, старались унизить меня на каждом шагу. Ненавижу! Не будь их — никакой бы теперь войны не было, жили бы, скинув царя и богачей, вольной мужицкой жизнью под Советами...

Глаза Акулова округлились и гневно горели, тонкие ноздри дрожали от возбуждения. Он порывисто отвязал от куста своего жеребца и рывком вскочил в седло. Жеребец заплясал по поляне, такой же возбужденный, как и сам Акулов.

Вдруг Филипп снова выпрыгнул из седла, подошел к Юдину, положил ему руки на плечи.

— А ты не сердись на меня. Не девка, чтобы тебя обхождениями уламывать. И я не поп, не люблю душещипательных разговоров. Оттого и злюсь на себя за то, что сам их сегодня начал. Ты смелый, комиссар. Слюнтяев не люблю, а ты — не такой. Команду над ротой принял в тяжелый момент боя под Елкиной и повел в контратаку — тоже помню. А то, что на лошадях ездишь плохо — научу.

И куда только девался жгучий, злой взгляд Акулова? На Юдина глядели усмешливые, искристые от смеха и скрытой теплоты глаза, за которыми не было ничего невысказанного, неприязненного.

Они выехали на мягкую проселочную дорогу, затерявшуюся в бескрайних полях, залитых солнцем. В придорожном лесу дробно стучал по коре дятел.

Акулов пошарил глазами, нашел его и задумчиво сказал:

— И у нас дома такие же...

Комиссар полка Красных орлов А. А. Юдин.

Комиссар полка Александр Алексеевич Юдин родился в деревне Васильки Курганского уезда. Двенадцать лет прослужил на Черноморском флоте, имел унтер-офицерское звание. Угрюмый на вид, требовательный, но душевный и потоварищески простой, он нравился Акулову своей уравновешенностью, взыскательностью к себе и другим, принципиальностью. Он полностью отвечал тем требованиям, которые предъявляла комиссарам существовавшая в те времена инструкция: «Храбрость при наступлении, твердость при панике... первым при продвижении вперед, последним при отступлении, а в случае нужды погибнуть с честью на своем посту» [1].

Таким и оставался комиссар Юдин вплоть до своей героической гибели [2].

Акулов во всем поддерживал своего комиссара, оберегал его авторитет, защищал, если было нужно. В одном из донесений командиру и военкому дивизии он резко выступил против своего боевого друга Прокофьева. Прокофьев, как пишет Акулов, «позволил себе в присутствии красноармейцев оскорблять бранными словами военкома Юдина, подрывая этим авторитет военкома как представителя Советской Республики» [3].

[1] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 1, д. 19, л. 222.

[2] А. А. Юдин был бессменным комиссаром полка весь 1918 год и начало 1919 года. Погиб он будучи комиссаром 2-й бригады 29-й дивизии в сентябре 1919 года в боях под Тюменью. Белые, захватив Юдина, долго пытали его, а затем повесили. Пьеса «Комиссар Юдин», написанная пулеметчиком Стального Путиловского полка Бобровым вскоре после этого трагического события, долго напоминала красноармейцам об их отважном комиссаре. («Известия», 1961 г., 20 августа).

[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 984, лл. 169—170.

Не без влияния Юдина Филипп Акулов в сентябре 1918 года вступил в партию. Это было в те дни, когда произошло злодейское покушение на Владимира Ильича Ленина. Комбриг Васильев от имени командиров и бойцов бригады направил телеграмму на имя Ленина, в которой писал:

«1-я бригада Уральской дивизии 3-й армии с передовых позиций заявляет, что за кровь дорогого вождя ответит беспощадным красным террором»[1].

Общий порыв — укрепить партию Ленина — овладел и Акуловым. Он стал коммунистом и всю жизнь с честью нес высокое звание члена партии большевиков.

СТОЙКОСТЬ

Во второй половине сентября 1918 года чехословацкая дивизия белых, наступая на Нижний Тагил, нанесла поражение 2-й Восточной дивизии 3-й армии. Соседняя с ней 1-я Восточная дивизия оказалась под угрозой окружения. Еще в более худшем положении была 1-я бригада этой дивизии — бригада Васильева, находившаяся на крайнем, самом удаленном фланге. С захватом белыми Нижнего Тагила бригада оказалась бы за 200 верст в тылу врага и обе дивизии были бы оторваны от штаба армии.

Командарм Берзин не располагал в это время никакими резервами и ничем не мог помочь Тагилу. Начдив Восточной Овчинников дал приказ Васильеву немедленно, не теряя ни одного часа, перебросить два полка своей бригады на угрожаемый участок.

Васильев с честью выполнил этот приказ, воспользовавшись обстановкой, которая сложилась на участке фронта бригады. А обстановка была такова, что белые, считая фронт бригады «бездонным», так как сколько ни наступали, были биты, перешли к пассивной обороне. Возложив оборону участка всей бригады на один только 1-й Коммунистический полк (в Акулова и его полк Васильев верил!), комбриг отдал приказ 4-му Уральскому и 1-му Камышловскому полкам двигаться к Тагилу.

Переброска полков была проведена со всей быстротой,

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 984, л. 104.

которая была возможна. Красноармейцы прибыли вовремя: на станции Нижний Тагил как раз шел бой и белочехи уже торжествовали победу.

Красноармейцы 1-го Камышловского полка с ходу, стреляя из движущихся еще эшелонов, кинулись в атаку и вместе с подоспевшими следом бойцами 4-го Уральского полка опрокинули врага. Белые были отброшены за Тагил и за реку Шайтанку, где полки укрепились и удерживали этот рубеж около двух недель. Критическое положение дивизий было ликвидировано.

В это время полк Акулова, оставшись один на Егоршинском направлении, с трудом отбивался от наседавшего врага. Стойкость бойцов, военная смекалка и мастерство командиров, боевой дух полка помогли ему выдержать и это испытание.

Когда белым стало известно, что вместо бригады Васильева остался только один полк, они тотчас же от пассивной обороны перешли к наступлению, стремясь как можно быстрее покончить с ним. Еще бы! Против нескольких полков каких-то три батальона, изнуренных беспрерывными боями.

Штаб Восточной дивизии, оставив опасный участок, переехал в Кушву. Васильев же со штабом бригады перебрался в Алапаевск, не покидая единственного оставшегося полка. Туда же стягивались и батальоны полка.

Бои за Алапаевск начались при крайне неблагоприятных условиях. Не успел штаб бригады прибыть к месту назначения, как инженерный батальон дивизии, оставшийся в Синячихинских заводах, перешел на сторону белых в полном составе. Белогвардейцы тотчас начали наступление.

Положение спас батальон Жукова, который по приказу Акулова еще ранее был переброшен из Егоршино на Синячихинские заводы для защиты Алапаевска.

Наступавших на город белогвардейцев обнаружил командир 7-й роты Басов, направлявшийся с двумя красноармейцами в разведку. Захваченный врасплох, он оказался в плену. Тогда Басов пошел на хитрость и объявил себя парламентером от роты, которая хочет перейти к белым. Те поверили и направились вместе с ним принимать пленных красноармейцев. Подойдя к расположению своей роты, Басов отскочил в сторону и крикнул:

— Это белые! Бей их!

Пулеметчик открыл огонь. Завязался бой. Белогвардейцы подтянули силы и окружили роту, отрезав ее от батальона.

Чтобы спасти роту, комбат Жуков бросил в атаку всех оставшихся красноармейцев. Атака против врага, силы которого были в несколько раз больше, была яростной. Дважды откатывались атакующие, но вот, наконец, они ворвались в село и прижали белых к речке. Отчаянные крики белогвардейцев: «Спасайтесь! Это жуковцы!» — решили дело. Бойцы батальона одержали победу.

Наступление белых на Алапаевск было приостановлено, два дня на этом участке фронта было полное затишье.

Через два дня после Синячихинского боя противник начал наступление на Алапаевск со стороны Ирбита, Егоршино, Режа, стремясь во что бы то ни стало сломить акуловцев.

Неделю полк держался под Алапаевском, прикрывая с востока дивизии, сражавшиеся под Тагилом. В борьбе с пятью полками белых акуловцам помогали красноармейцы 1-го Горного полка.

Противник продолжал наступать. Начался артиллерийский обстрел Алапаевска. Полк нес большие потери, но вновь справился с задачей — прикрыл переброску соседних полков, принявших участие в тагильских боях, и задержал наступление белых.

Макар Васильевич отметил Акулова в приказе:

«В некоторых местах противнику удалось достигнуть успеха, но командир 1-го Крестьянского Коммунистического полка тов. Акулов и командир 1-го Горного полка тов. Пичугов лично бросились в атаку, ведя за собой резервные части, и положение восстановилось» [1].

Васильев просил командование о награждении героя.

За августовские и сентябрьские бои начдив Овчинников представил Акулова к награждению только что учрежденным в Республике орденом Красного Знамени (первым орденом ВЦИК наградил В. К. Блюхера 30 сентября 1918 года, за три дня до рапорта начдива). Орден, величайшую в то время редкость, Акулов получил позднее.

Выполнив свою задачу под Алапаевском, полк оставил позиции и двинулся к Нижнему Тагилу по железной дороге через станцию Салда. Вместе с ним продвигались громоздкие эшелоны со снаряжением, боеприпасами, продовольствием, имуществом советских учреждений, оборудованием заводов, семьями советских и партийных работников, уходивших с Красной Армией.

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1442, л. 41.

В этот момент, стремясь еще более укрепить моральный дух красноармейцев, в большинстве своем коммунистов, комиссар полка Юдин решил провести в Салде партийную конференцию. Акулов не только не противился своему комиссару, но поддержал его, хотя, казалось, устраивать митинги и собрания в боевой обстановке не было возможности.

Партийная конференция в Салде определила дальнейшие задачи коммунистов полка, призвала бойцов к новым победам над врагом.

Положение тем временем ухудшилось. Белые сумели захватить станцию Сан-Донато под Тагилом в тылу красных войск, отрезали при этом несколько полков, нанесли им большой урон и начали наступление на Кушву, в центр двух дивизий. Оторванным от основных сил оказался и полк Акулова.

С приданным ему батальоном китайских добровольцев Акулов попытался взять Сан-Донато с налету, демонстрируя наступление на Тагил и одновременно стремясь продвинуть через станцию эшелоны. Но эта попытка не удалась: враг стянул к Сан-Донато большие силы. Путь вперед был прегражден.

Сворачивать с железной дороги на юг в глубокий тыл белых было бессмысленно. Оставался единственный путь — через тайгу, на Кушву. Акулов решился на это, еще не зная, в чьих руках находится Кушва. Спустив под откос в реку эшелоны и переложив боеприпасы на плечи бойцов, полк начал пробиваться сквозь тайгу.

Шли по бездорожью, через реки и болота, перетаскивая на руках пулеметы и пушки. В вещевых мешках вместо продуктов питания голодные красноармейцы тащили патроны и снаряды. Бойцы впрягались за обессилевших лошадей, помогали женщинам и детям, идущим вместе с полком, рубили деревья и гатили болотные топи.

Филипп Егорович Акулов делил трудности похода наравне со всеми. Пришлось — и он полез в холодную воду, чтобы вытащить затонувшую вместе с небольшим плотиком пушку. Не для того, чтобы воодушевить бойцов, показать пример или порисоваться: просто надо было вытащить пушку, а он оказался рядом и, не раздумывая, полез в воду. Вместе с ним вытаскивал орудие и комиссар Юдин — тоже потому, что надо было.

...В штабе дивизии участь полка считалась решенной. Другие полки, находившиеся в лучшем положении, оказались

разбитыми — что уж тут говорить о полке Акулова, зажатом в тиски, загнанном в тайгу?

Но 12 октября Акулов вышел с полком к Кушве.

Измотанные переходом и предыдущими боями, бойцы получили отдых, первый со времени организации полка. Воспользовавшись передышкой, Юдин с Акуловым провели вторую партийную конференцию полка. Польза от усиления партийной работы была очевидной: переход сквозь тайгу могли сделать только сплоченные, сильные духом люди. Таежный переход показал, что нет таких преград, которые нельзя преодолеть, если у всех вместе единое стремление и одна цель.

Во время конференции в партию вступила новая группа бойцов и командиров. Коммунисты были надежной опорой полка. Именно они делали полк стойким и непобедимым.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЗЕРВ

Сломив сопротивление красных войск под Нижним Тагилом, белые двигались к Кушве с тем, чтобы овладеть Горнозаводской линией железной дороги и начать наступление на Пермь. В боях за Нижний Тагил поредели полки 1-й и 2-й Восточной дивизии, пополнений штаб армии не присылал. Участь Кушвы, где находились штабы двух дивизий, казалась решенной.

В это тяжелое, критическое время командующий 3-й армией Рейнгольд Берзин слил обе дивизии в одну, дав ей название Сводной и поручив формирование Макару Васильеву, бригада которого, с выходом из тайги 1-го Крестьянского Коммунистического полка, оказалась самой стойкой и боеспособной.

Получив приказ командарма, Васильев закрылся в просторной горнице штабной избы и попытался собраться с мыслями. О катастрофическом положении войск сообщали только что полученные донесения командиров полков и бригад:

«Сообщаю, что станция Лая занята противником. Принимайте меры к спасению...»

«Спешно сообщаю, что мы отрезаны. Положение безвыходное».

«На войска 2-й бригады и вообще все войска, находящие-

ся в Лайском районе, не рассчитывайте, так как они в последних боях окончательно деморализованы...»[1]

Подобные донесения поступали со всех участков фронта.

Васильев угрюмо ходил по горнице. От окна к печке, от печки к окну, взад и вперед, как тигр в клетке. Под его грузным телом жалобно скрипели половицы. Макар морщился, но ходил не останавливаясь. Думал.

Нужно было бы организовать какой-то заслон на севере и востоке от Кушвы, однако, сейчас самое главное направление — южное. Со стороны Нижнего Тагила, подобно грозовой туче, двигались белогвардейские полки 4-й дивизии генерала Вержбицкого и 7-й дивизии князя Голицына. Они овладели Лайским и Баранчинским заводами и подступали к Кушве, торжествуя победу. Нечего было рассчитывать пока на 1-й Камышловский и 4-й Уральский полки 1-й бригады — они были малочисленны после жестоких боев. Требовалось хоть какое-то время, чтобы их пополнить, а времени не было. Полк Акулова — единственный резерв...

Начдив остановился у окна и, заложив назад руки, стал смотреть через стекло на узкую улицу. Лил дождь. Холодный осенний ветер бросал в стекла пригоршни брызг и они, сливаясь, медленно ползли вниз.

Если силе нельзя противопоставить силу, нужно искать что-то другое. Гражданская война вырабатывала новые тактические приемы.

Комбат 1-го Камышловского полка Некрасов в недавнем бою у Сан-Донато поставил пушку к линии железной дороги и прямой наводкой стрелял во вражеский бронепоезд, преградивший путь. Бронепоезд был сбит, и полк сумел выйти из окружения. Один удар в нужном месте решил исход боя.

Смелой атакой в лоб батальон Жукова под Синячихой разбил противника и обратил его в паническое бегство.

Атакой эскадрона под Покровским Акулов ошеломил двухтысячную группировку белогвардейцев и выгнал ее из села. Прежде всего потому, что враг не ожидал смелого удара, надеялся на свое численное превосходство.

А что, если...

Васильев опять думает про полк Акулова. Два месяца он выдерживал неравные бои, но побеждал. Еще более сплоченным полк вышел из тяжелого перехода по тайге, хотя бойцы устали и обносились. Своею стойкостью полк не раз спасал

[1] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 14, л. 13.

положение бригады и дивизии. Командиры батальонов — Ослоповский, Кобяков, Григорьев — способны сражаться в любой обстановке и побеждать. Каждый их батальон мог стоить полка. Из самых трудных положений выходил командир полка Акулов.

Филипп Акулов, горячий, смелый, принимающий мгновенные решения, соединяющий риск с трезвым расчетом, дерзкий и напористый в бою. За Акуловым хоть куда пойдут командиры и бойцы его полка.

Итак, решено! Акулов!

В другой обстановке и другому командиру Васильев никогда не отдал бы приказа идти одним полком навстречу двум наступавшим вражеским дивизиям. Но в Филиппа Акулова он верил крепко.

Полк начал наступление.

Продолжал лить дождь. Чавкала под ногами красноармейцев грязь. Холодный ветер выдувал остатки тепла из мокрых шинелей.

Сражение с белогвардейцами началось боем за гору Гребешки. Атаковать в лоб было нельзя. Тогда Акулов скрытно направил часть сил в тыл белым. Начальник полковой пулеметной команды Таланкин, переодевшись в форму белогвардейского офицера, пробрался в расположение врага, обезоружил вражеский расчет и открыл стрельбу из захваченного пулемета вдоль позиции белых. Одновременно начал атаку 1-й батальон под командованием Кобякова. Растерявшиеся от неожиданности белые дрогнули и начали отходить. Преследуя врага, батальоны полка захватили несколько важных населенных пунктов — завод Лая, станцию Лая, деревню Малая Лая. Пытаясь зайти полку в тыл, белые атаковали Баранчинский завод, но акуловцы разбили белых и под Баранчой.

Один из комбатов полка Ф. В. Григорьев впоследствии вспоминал: «Двинулись в наступление ночью, по лесу. Люди злые. С презрением смотрим на всех отступающих, которые сдали позиции и идут навстречу нам. Бои, идем вперед. Станцию заняли, завод заняли, село — все Лаи. Такую кашу наделали! Разбили всю дивизию белых. Бить так бить!» [1]

Полк продолжал наступать и громить врага. На подступах к Сан-Донато в разгар неожиданной схватки с белогвардей-

[1] Письмо Ф. В. Григорьева автору.

скими кавалеристами к Акулову подскакал всадник и схватил за уздцы жеребца:

— Стой!

Акулов дико взвизгнул, взмахнул саблей:

— Уйди! Зарублю!

Узнав в коренастом матросе комиссара полка Юдина, опустил саблю и, все еще бешено сверкая глазами, крикнул:

— Не лезь под руку!

Жеребец пытался схватить оскаленными зубами лошадь Юдина. Акулов только что в жаркой схватке зарубил офицера и опять рвался в гущу боя. Бой катился к поросшим густым кустарником холмам, где засели белые. Коротко звякали сабли, щелкали выстрелы, пронзительно ржали лошади.

Комбат полка Красных орлов
Ф. В. Григорьев.

Комиссар, цепко удерживая повод, крикнул Акулову:

— Остынь!

Подъехал стремя к стремени:

— Останови наступление!

Разгоряченный боем, Акулов не слушал, но Юдин, впившись взглядом в его сузившиеся зрачки, холодно и настойчиво требовал:

— Есть приказ... Да что я тебя уговаривать буду?!

Акулов неожиданно стих, как это обычно бывало, и с шумом воткнул саблю в ножны.

— Ну вот, прицепился, — ворчал он. — Что за приказ?

Он ехал за Юдиным, оглядываясь на удаляющийся бой. Била в лицо мокрая снежная крупа. Акулов отворачивался от резкого ветра, недовольно дергал плечами. Сумрачный, как всегда, комиссар молча покачивался в седле. Натянул на самые глаза помятую фуражку.

Обернув к Акулову скуластое, с задубленной кожей угрюмое лицо, повторил, смахивая с жесткой щетины усов растаявший снег:

— Приказ из штаба — немедленно прекратить наступление.

Акулов подъехал вплотную. Сердито зашипел:

— Катись ты со своими штабами! Знаю я их! Там старые генералы сидят!

Юдин молча вытянул из-за ворота бушлата приказ и протянул Акулову. Акулов, не беря его, насмешливо прищурился:

— А я неграмотный!..

— Не дури! — спокойно остановил его Юдин.

— А что я по бумажкам воевать буду?! — взвился Акулов. — Что они там, в штабах, лучше меня здесь обстановку знают?

Юдин все еще пытался его убедить:

— Штаб это кто? Я — тоже штаб.

— Какой ты штаб? Ты комиссар, большевик. Матрос. Моторный унтер-офицер первой статьи. Что я тебя не знаю?

— А Васильев?

— Макар тоже свой. Весь штаб у него в сумке. Как и у меня! Ну, кто еще?

— Так приказ-то от начдива Макара Васильева!

Акулов сразу нахохлился:

— Ну?

— Слушай, Филипп. Заскок получается!

Акулов вскинул голову, прищурился и гнусаво, еле сдерживаясь, произнес:

— Что ты ко мне лезешь?

— А то и лезу, что тебе шлея под хвост попала!

Ехали рядом, отворачиваясь от ветра, не глядя друг на друга. Перекидывались словами — один убеждал, второй огрызался.

— Мы свою задачу выполнили. Дивизию князя Голицына разбили...

— Верно! Васильев — мужик, я — тоже, а князя разбили.

— Взяли Большую Лаю, Малую Лаю, завод Лаю...

— Лаи потом считать будем!

— Восстановлено положение на всем фронте...

— Ты что мне аллилуйю поешь? Это тебе мой адъютант расскажет... после боя.

— Хватит! — рассердился Юдин. — Куда ты с одним полком против Тагила? Там — штаб армии Гайды, Войцеховский...

— Разбузуем!

— А в это время белые захватят Кушву!

Ф. Е. Акулов среди командиров полка Красных орлов. Слева направо; лежат: Ф. Е. Акулов, комбат Ф. В. Григорьев; сидят: пом. командира полка С. Т. Акулов, комбат И. А. Ослоповский, комиссар А. А. Юдин (4-й слева), комбат А. А. Полуяхтов; стоят: комбаты Н. А. Баженов, А. И. Кобяков (3-й слева).

Акулов выругался, ударил плетью жеребца, поскакал навстречу ветру.

В захудалой избушке — командиры батальонов. Один из них, Кобяков, подкручивая рукой усы-колечки, рассказывает:

— К обеду мы обе Лаи заняли. Офицеры ихние крестятся и — в воду, в пруд. Самоубийство, значит. А мы рвемся, наступаем. С ходу выбиваем белых с горы. Я — разведку. Сбили заставы, а там — главные силы. Сколько? Надо разведку, ротой, не меньше. А мы — всем батальоном. Разбили! Трофеев захватили: лошади, кухня, обоз... Сколько их побили!

Ослоповский, сидя на койке и раскинув длинные ноги в огромных сапогах с высокими, выше колен, голенищами, опирается подбородком на эфес сабли, дремлет. Давно не спал. Басит сквозь дрему:

— Донесений почему не посылал?

Кобяков развел руками:

— Да когда?

Ветераны полка Красных орлов. Слева направо: Ф. В. Григорьев, Ф. Е. Акулов, Л. А. Дудин, 1927 г.

— Тагил займем — все ясно будет!..

Это вмешивается Григорьев, молодой, неторопливый, в распахнутой офицерской шинели.

— Двадцать верст с боями, не задерживались нигде... Какие там трофеи? Это Кобяков собирает. Нам — некогда... В Тагиле трофеи подсчитаем...

— А как взяли в оборот — еле вырвались из окружения, — вспоминает довольный, недавно назначенный комбат Полуяхтов, безусый, в ловко сидящей солдатской шинели. — Но мы их все равно разбили. Вдребезги!

Он озабоченно спрашивает у Ослоповского:

— А как Тагил брать будем?

Ослоповский, разлепив усталые веки, поправляет сползшую на глаза фуражку:

— План есть. Рабоче-крестьянский полк поддержит. И Камышловский... Договорились.

— А как Акулов?.

Кобяков опережает Ослоповского:

— А что Акулов? Такой же, как и мы. Поддержит.

Лобастая голова Ослоповского сваливается с сабли, на пол падает фуражка.

Комбаты то и дело поглядывают на начальника штаба Дудина, строгого, сдержанного. А ну как запротестует, скажет, что наступать сейчас на Тагил против всяких правил военного искусства? Но Дудин молчит, не вмешивается. В душе он против этой операции, но поддается общему настроению.

Конский топот, оборвавшийся у избушки, насторожил комбатов.

— Никак Филипп Егорович?

Акулов вошел стремительно, быстро оглядел командиров и с ходу грозно оскалился:

— Воюете?

За ним, старательно прикрыв дверь, зашел комиссар Юдин.

— А там одни красноармейцы бой ведут?! — крикнул Акулов, кидая на лавку папаху. — Зачем собрались?

— Совещание. Принято единогласно — на Тагил. Решили... — Кобяков крутнул колечко усов и замер под грозным взглядом.

— Почему связь не держишь? — напустился Акулов на Григорьева. — Зарвался, оглянуться некогда? Одного — как гниду раздавят. Воевать не умеешь!

И тут же повернулся к Кобякову.

— А ты почему с горы слез? Где приказ? Без разведки сунулся к белым, косяк лошадей перебил — а толку что? А если бы они нарочно тебе их подсунули, а сами в обхват — тогда как? Выговор!

— За что выговор? Мы одним батальоном полк разбили...

— Молчать!

Присмирели командиры. Вытянулось лицо у Полуяхтова. Только Ослоповский устало смотрит из-под воспаленных от бессоницы век. Знает: погорячится Акулов и все войдет в норму. Выждав, сунул Акулову карту с планом наступления, разработанным Дудиным.

Акулов закинул голову, прищуром глянул на карту, сунул обратно:

— Ты что мне тут петушков разрисовал?

Ослоповского разморило на мягкой койке. Он хлопал глазами, стараясь сообразить, к чему клонит командир.

Акулов пристально посмотрел на него:

— Не петушков рисовать, а спать! Немедленно!

Ослоповский вскочил. Пропала сонливость. Пытается понять, в чем дело:

— Ты что? Во время боя?!

— Спать! Дайте ему стакан спирта. Что? Я приказываю!

— Не буду пить!

— Пей! Сам за тебя командовать буду. Куда ты такой годен — на ходу спишь?

Молчали командиры, поглядывая на Акулова: что-то сегодня очень горячится. После таких побед, перед наступлением на Тагил?

— Что рты разинули? Живо к батальонам! Я за всех командовать не намерен. Закрепиться на своих позициях, наладить связь и ждать моего приказа. Ну?!

Комбаты выскочили за дверь. Дудин озабоченно полез в сумку за картой, чувствовал: придется перестраиваться...

Опрокинувшись на койку, всхрапывая, спал Ослоповский. Выпитый спирт сразу же свалил его. Акулов подошел к нему, поднял с полу его длинные ноги в огромных сапогах с отставшими подошвами, положил на койку. Сбросил с себя бекешу, накрыл плечи Ослоповского, похвалил:

— Трое суток не спал и еще бы держался. Орел!

Юдин с хитрецой посмотрел на Акулова.

— Что-то ты чудишь...

— Ох и заноза же ты, комиссар! — беззлобно отозвался Акулов. — Не боишься под кожу мне лезти? Я ведь тогда в горячке мог тебя зарубить. Запросто!

— Есть чем дурню хвалиться.

— А ты напористый, комиссар.

Акулов бегал по комнате, со свистом втягивая из трубки дым. Остановился у стола, взял у Дудина карту, пододвинул к себе. Вытащил из своей сумки красный карандаш: других он не признавал.

— Вот смотри — Кушва, Лан... В Тагил мы не полезем, не дотянуть, сам вижу. А Донату — это же узловая станция! — разбузуем! У них там эшелоны и всякая штука, они оттуда ведут наступление на Кушву. А мы перережем их тылы, как гусенку шею! Сами шарахнутся от Кушвы.

Карандаш Акулова ловко работал, чертил линии, стрелки — неторопливо, но верно. Юдин усмехнулся: а все время представляется неграмотным.

— Думаешь, я всегда сгоряча? Бузуй — и ничего в голове!? Они ведь не дураки, генералы да князья, а мы их бьем!

Акулов замолчал. Приказал Дудину:

— Вызывай Васильева!

Снова забегал по комнате, косил глаза на карту, думая о чем-то своем.

— Отходить, значит? — ехидно спросил он Васильева, взяв трубку у Дудина и недовольно сопя в нее. — Подтверждаешь приказ?

— Подтверждаю, — услышал он сдержанный ответ.

— Слушай, Макар. Заслонись ты чем-нибудь. У тебя же дивизия... Я тут все высчитал...

Трубка молчала, Васильев раздумывал над сказанным. Акулов посмотрел на Юдина, подмигнул, оторвался от трубки:

— Сейчас скажет: «Бузуй!»

Но Васильев сказал другое:

— Между прочим, твой участок. Думай. А заслониться мне нечем. Вы — последний резерв. Определенно!

Акулов бросил трубку, выругался:

— Вот хитрый черт!

Он крутнул головой, будто воротник сдавил ему шею:

— Обуздали вы меня...

Филипп выскочил из избушки так же стремительно, как и влетел в нее. Погнал к комбатам. С трудом уговорил их Акулов прекратить наступление на Тагил.

В ожесточенных боях ударная белогвардейская дивизия князя Голицына была разбита за трое суток.

Макар Васильев отметил в приказе по дивизии:

«...Я с гордостью смотрю на 1-й Крестьянский полк, как на опору вверенной мне дивизии, и счастлив принести глубокую благодарность всем товарищам красноармейцам, принимавшим участие в этих боях, и их командному составу...» [1]

Вскоре после этой победы красноармейцы уже распевали песню про комбрига Васильева:

Дело было под Тагилом:
Войцеховский удирал.
Впереди нас шел Васильев —
Наш рабочий генерал.

Мы под Кушвой в бой ходили,
Врага били наповал.
Рядом с нами был Васильев —
Наш крестьянский генерал...[2]

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 984, лл. 52—53.

[2] С. П. Неустроев. Начдив Васильев. Свердловск, 1960.

Услышав песню, Акулов обрадовался:

— А что? Правильно. Макар — наш красный Наполеон!

За быстрое формирование бригады, а потом дивизии и умелое руководство боевыми операциями Макар Васильев был награжден именными золотыми часами с надписью: «Честному воину Рабоче-Крестьянской Армии от ВЦИК».

Через пять дней после разгрома дивизии князя Голицына, 27 октября 1918 года, полку вручали в Кушве Красное знамя ВЦИК.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, отмечая воинские заслуги, мужество и храбрость красноармейцев, наградил 1-й Крестьянский Коммунистический полк высшей боевой наградой Республики — Красным знаменем, символом выдающихся заслуг перед пролетарской революцией.

Так как положение на фронте продолжало оставаться напряженным, в Кушве в полном составе находился только батальон Кобякова, остальные батальоны полка некем было заменить на позициях.

Командир 1-й роты Баженов прибыл со своими красноармейцами на станцию Гороблагодатскую для встречи знамени.

Рота выстроилась в почетном карауле и, когда знамя вынесли из вагона, полковой оркестр в составе восьми труб грянул «Интернационал». Приехавший из Москвы кинооператор недовольно щурил глаза, оглядывая нестройные ряды красноармейцев и жидкий оркестр прославленного полка. Он торопливо перебегал с одного места на другое, выискивая удачную позицию, чтобы скрыть неказистый вид почетного караула.

Комроты Баженов, деревенский парень, с любопытством косился на диковинный аппарат, ручку которого накручивал приезжий, и никак не предполагал, что истрепавшаяся в бою одежда и неровные ряды красноармейцев, необученных стоять в строю, могут иметь какое-либо значение. Он даже считал, что это и есть самое главное для кино — видавшая виды, пропахшая порохом одежда его бойцов и презрение к строевой муштре. Он поправил ремни и лямки, опоясавшие его тужурку, перешитую на деревенский манер из солдатской шинели, подтянул на видное место оттопыренную кобуру нагана.

С развернутым знаменем рота строем двинулась со стан-

ции к центру города. Вслед за ней шли конники Стального Путиловского полка. А сзади валила возбужденная невиданным зрелищем толпа.

У Красного знамени ВЦИК. Справа налево: Я. Е. Овсянников, Ф. И. Голиков, А. Л. Мясников.

Площадь и прилегающие к ней улицы уже были заполнены народом. У братской могилы бойцам и командирам Красной Армии, погибшим в боях за Советскую власть, выстроились представители полков дивизии.

Над трибуной развернулось красное полотнище. Скупое осеннее солнце, выглянувшее из серых, нависших над городом туч, празднично горело на знамени. Сурово и торжественно застыли на площади красноармейцы и притихшие горожане. Зачитывался приказ по войскам 3-й армии:

«...От стойкости и мужества этого полка зависела участь дивизии и фронта. 1-й Крестьянский Коммунистический полк, получив боевую задачу, принял на свои плечи всю тяжесть боевой обстановки этого участка. Стремительным ударом он бросился на врага и, соединив разумное командование с храбростью истинных сынов революции, рядовых своих бойцов, разбил наголову противника и, не дав ему опомниться, энергично его преследовал. Днем и ночью полк не знал отдыха не знал и остановки...» [1]

Затем выступил политкомиссар 3-й армии Голощекин, который сказал:

— Мы горды тем, что ваш полк получил знамя, которое никогда и никто не получал [2].

Уполномоченный ВЦИК вручил Красное знамя Филиппу

---

[1] Приказ по 3-й армии от 22 октября 1918 г.

[2] П. П. Бажов. Бойцы первого призыва. Свердловск, 1958, стр. 131.

Акулову. Акулов передал его Ослоповскому, одному из лучших своих командиров, а тот — лучшему красноармейцу Якову Овсянникову, выделенному постоянным знаменосцем.

Выступая с ответным словом, всегда спокойный и сдержанный комиссар полка Юдин на этот раз волновался.

— Красное знамя ВЦИК в надежных руках, и мы его сохраним, — торжественно сказал он.

Окончив речь, Юдин повернулся к знамени. Красное древко его крепко держал в узловатых руках Яков Овсянников, ветеран полка, и сурово смотрел на Юдина. Самый молодой из ассистентов знаменосца в большой, не по росту шинели Филипп Голиков потрогал заткнутые за пояс гранаты и замер, выпятив мальчишескую грудь. Его напарник, Саша Мясников, цепко держал вытянутый из кобуры наган.

Выступали другие ораторы, говорили скупо и строго. Юдин, еще не успевший оправиться от волнения, стоял рядом с Акуловым. Тронул его локтем и тихо проговорил:

— Забыл сказать, как ты мне, «разумно командуя», чуть не снес голову.

Акулов только скосил глаза и ничего не ответил. Стоял он, неестественно вытянувшись, не похожий на себя. Округлившимися, хищными глазами зорко смотрел вперед.

Со времени вручения полку Красного знамени ВЦИК 1-й Крестьянский Коммунистический полк в приказах по бригаде, дивизии и армии стал официально носить гордое имя полка Красных орлов. Впервые это наименование встречается после боев под Покровским — Режем в сентябре 1918 года [1].

Своим названием — Красные орлы — полк тоже обязан Филиппу Акулову. Во всех своих обращениях к бойцам он ласково и значительно называл их орлами. Высшей наградой для бойца была похвала Акулова: «Орел!» Во время боя он воодушевлял бойцов призывом «Вперед, орлы, бузуй!» И даже в своих приказах, еще до официального названия полка, Акулов с особой теплотой писал Ослоповскому, своему преемнику:

«...А командиру Красного орлиного полка при смене снять своих птенцов и провести их в заход на Кушву» [2].

Первым Красным орлом на Урале бойцы и командиры на-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1442, л. 41.

[2] Приказ Акулова от 20 октября 1918 г. (Архив Свердловского краеведческого музея).

зывали Филиппа Акулова. И он был действительно первым Красным орлом, героем 3-й армии.

Здесь нужно сказать, что в повседневной жизни Акулов был человеком удивительно скромным. На фотографиях того времени можно видеть его среди бойцов и командиров, иногда приткнувшимся сбоку, иногда — в ногах у других. И все это естественно, просто, без рисовки и позы.

По всем рассказам о нем, по тому значению и авторитету, которым он пользовался, по легендам, передававшимся о нем с любовью и прикрасами, Акулов — великан саженного роста, удалой молодец с богатырской силой в руках, одним взмахом сабли сшибающий головы врагам, недосягаемый в своем величии. А он вот — фотографируется где-то с краю или вовсе лежит на земле, зажав в зубах свою неизменную трубку. И рост у него не богатырский, и сила у него не ахти какая, разве крепость в крестьянских руках, и лицо простое, мужицкое, но живое и выразительное. И одежда обычная...

На торжественной церемонии вручения Красного знамени Акулов, прославленный герой, один из главных виновников торжеств и главный распорядитель, совершенно не выделяется среди других — обычен, как всегда.

Вот каким он запомнился в этот день Ф. И. Голикову:

«...Перед собравшимися гостями — строй почетного караула, а впереди его — Ф. Е. Акулов... Стоит малозаметный военный. Средний рост. Обычное лицо без всякого напряжения, без показной мины, без всякой личины-маски. В потертой, защитного цвета зимней бекеше с длинными рукавами, в серой каракулевой офицерской папахе. В больших сапогах. Справа револьвер, слева сабля. Обычная поза, никакой рисовки, показного молодечества, картинности, «грозности». Стоит обычный человек, обычный командир, скромный, подтянутый, весь — внимание, и ничем не выделяющийся среди других»[1].

Вот таким обыкновенным человеком был Красный орел. Хотя, если присмотреться к сохранившимся фотографиям, было в нем все же что-то такое, отличавшее его от других, выделяющее его из общей массы, трудноуловимое, но особенное... акуловское.

Кушвинскими торжествами заканчивался боевой путь Акулова в качестве командира полка Красных орлов, как бы подводились итоги одного из славных периодов его боевой деятельности.

---

[1] Из письма Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова автору.

О полке Красных орлов живет в народе немало песен. Они складывались и во время гражданской войны и позднее, красноармейцами и профессиональными поэтами. Пели их обычно на старые, уже известные мелодии, иногда на новые.

Тучи ходят, ходят над Уралом,
Веют, веют ветры злы,
Поднялись на бой кровавый
Красные орлы...

— поется в одной из них [1].
А вот и другая:

Над седым Уралом
Тучи собрались,
Чтобы снова солнце у людей украсть.
Вспомни-ка, товарищ,
Как тогда сражались
За людское счастье,
За родную власть!
Гнезда покидали Красные орлы,
Крылья расправляли на краю скалы,
И гремела слава меж Уральских гор,
Вылетела пулей на степной простор... [2]

Эти песни о полке Красных орлов. А есть такие, которые посвящались непосредственно Акулову. Одна из них — «Среди снегов глубоких». В ней создан поэтический образ Филиппа Акулова [3].

Среди снегов глубоких,
Среди лесов густых
Стоит завод забытый
И ждет он дней других.
Гремят уже раскаты,
Все ближе шум войны,
Слышны уж пулеметы,
И близятся враги.
Наш полк Советский, Красный [4],
Испытанный в боях,
Давно уж наготове —
Акулов наш в рядах.
С таким-то командиром
Не бойся наш завод —
Не даст тебя в обиду
И нас убережет.

[1] Слова С. Шитина, муз. Б. Гибалина.
[2] Слова И. Тарабукина, муз. Б. Шишлова.
[3] Эта песня иногда неправильно приписывается одному из командиров Красной Армии на Урале Степану Окулову; в действительности же она посвящена Филиппу Акулову. Степан Окулов никогда полком Красных орлов, о котором упоминается в песне, не командовал.
[4] Первоначальное название полка Красных орлов.

Смотрите все, как стройно
Орлиный полк идет!
Герои-командиры —
Рабочий весь народ.
Покрылись кровью степи,
Кругом уж горы тел,
Ослабли силы вражьи,
У пушек нету дел.
Наш полк свою задачу
Блестяще совершил,
Орудия в придачу
С собою захватил.
Собрались на поляне
У жаркого костра
Послушать командира
Орлиного полка.
Любимый командир наш,
Акулов наш герой,
О прошлых днях неволи
Ведет рассказ живой.
И стон стоит над лесом
От шуток и прикрас...
Заснули командиры,
Акулов на часах [1].

БРАТСТВО ПОЛКОВ

Вскоре после вручения полку Красного знамени ВЦИК Акулов принял командование 1-й бригадой 29-й дивизии. (Приказ о его назначении был подписан 18 октября в разгар ожесточенных боев за Кушву.) [2]

Бригаде Акулова, кроме полка Красных орлов, 1-го Камышловского и 4-го Уральского полков, придавались две батареи, бронепоезд, Стальной Путиловский кавалерийский полк и на короткое время 17-й Петроградский.

Оказавшись на посту комбрига, Акулов остался верен себе. Бригадой он руководил уверенно и смело. Под его началом бойцы полка Красных орлов и 1-го Камышловского храбро сражались у Лаи и Баранчи, а эскадроны путиловцев участвовали в самых напряженных и опасных боях вместе с полком Красных орлов и другими частями. Героически сражался китайский батальон, приданный полку Красных орлов.

[1] «Красный набат». Песни, стихи и рассказы. Пермь, 1957, стр. 63—64.

[2] С 11 ноября 1918 г. дивизия Васильева стала именоваться 29-й.

Бригада Акулова вела бои не только с 7-й дивизией князя Голицына, но и с полками 4-й Сибирской дивизии Степного корпуса белых. И тем не менее сумела одержать победу!

Обескровленные части белых отводились в тыл, а на их место перебрасывался с Кыновского направления 6-й чешский полк численностью около 2-х тысяч штыков [1].

Бригада вела непрерывные бои весь ноябрь месяц, удерживая свои позиции. Наступление белых на Кушву провалилось окончательно.

Потерпев поражение, белогвардейское командование изменило направление главного удара. Войска вновь сформированного Средне-Сибирского корпуса генерала Пепеляева устремились из Екатеринбурга и Кузино на Пермь кратчайшим путем через Лысьву. Заняв узловую станцию Калино, белые намеревались отрезать дивизию Васильева от Перми.

В начале ноября белогвардейцы овладели станцией Кын и начали бои за Лысьву, которую обороняла Особая бригада 3-й армии под командованием Рейхарда, изнуренная в тяжелых боях и неспособная сдержать сильного врага.

Создалась угроза тылу дивизии Васильева. Уж который раз белогвардейское командование пыталось расчленить 3-ю армию и отрезать войска Васильева от основных сил. Нужно было опять спешно спасать положение.

Надеясь на Акулова, Васильев снимает с его участка 1-й Камышловский и 17-й Петроградский полки и бросает их на Кын, в тыл Лысьвенской группы белых.

Кыновская операция 6—17 ноября 1918 года стала славной страницей в истории гражданской войны на Урале. Операция осуществлялась под руководством начдива Васильева, но блестяще провел ее опять Акулов.

Основной ударной силой в развернувшихся под Кыном боях стал 1-й Камышловский полк. Незаметно подойдя к Кыновскому заводу лесными заснеженными тропами, он пытался с ходу овладеть им, но не смог: на заводе находились три белогвардейских полка, а перед заводом — полоса заранее подготовленных окопов. С помощью подоспевших Лесновско-Выборгского полка Особой бригады и 2-го эскадрона Путиловского полка, присланного Акуловым, полк предпринял новое наступление. На этот раз ни открытая местность, по которой пришлось наступать, ни глубокий снег, ни укрепления не спасли врага. Завод был взят.

[1] А. Федоров. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. Воениздат, 1940.

Полк одержал эту победу, несмотря на сорокаградусные морозы, отсутствие теплой одежды у бойцов, нехватку боеприпасов. Самоотверженность и мужество бойцов раздвигали границы возможного.

Был разгромлен штаб 2-й Сибирской дивизии белых, находившийся в заводе, и захвачены богатые трофеи[1]. Швельнис, командир 1-го Камышловского полка, через своего адъютанта доносил Акулову:

«Нами занят с боем завод Кын... успех колоссальный...» Понес потери и 1-й Камышловский полк. К тому же было плохо с питанием. Акулов доносил начдиву, что в течение десяти суток полк не получал ни крупы, ни мяса, ни сахара, питались только одним хлебом с селедкой[2]. По-прежнему не было подкреплений, тогда как противник подтянул к месту боя резервы.

Полк получил новый приказ: во что бы то ни стало занять станцию Кын, чтобы перерезать железную дорогу, по которой противник подбрасывал новые силы к Лысьве. На станции кроме того скопились большие военные запасы.

Пополнившись добровольцами из Кыновского завода (более трехсот рабочих влились в полк), Камышловский полк начал наступление на станцию. Удачными ударами с флангов, с тыла и в лоб она была занята 12 ноября. Успешные бои за Кын вели также 17-й Петроградский и Лесновско-Выборгский полки.

Камышловцам снова достались большие трофеи, среди них — бронепоезд «Адмирал Колчак», вооруженный мощными пушками. Захватив обозы, красноармейцы смогли переодеться, запастись едой и патронами.

После победы под Кыном 1-й Камышловский и 17-й Петроградский полки продолжали успешное наступление на станцию Унь.

За выдающуюся победу начдив Васильев представил 1-й Камышловский полк к награждению Красным знаменем Республики. Полк получил благодарность не только от начдива, но и от Реввоенсовета 3-й армии.

В результате успешно проведенной операции враг вынужден был отказаться от планов дойти кратчайшим путем до Перми и отрезать дивизию Васильева. Намеченный план раз-

---

[1] О. А. Васьковский и др. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969, стр. 192.

[2] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 54, л. 312.

грома 3-й армии провалился, и враг смог повторить здесь наступление только в декабре 1918 года.

В песне о Васильеве появилось добавление:

Пепеляев хвастал силой:
Славен, грозен и удал.
Да разбил его Васильев —
Наш народный генерал [1].

Полки вернулись обратно под Кушву. Акулов мог гордиться своими орлами.

Успеху боев на Кыновском направлении способствовало тесное взаимодействие полков бригады Акулова. Они всегда были готовы прийти на помощь друг другу. Бойцы каждого полка верили в мужество и стойкость товарищей по бригаде. Поэтому, когда красноармейцам Камышловского полка пришлось оставить свои позиции в связи с переброской под Кын, никто из них не сомневался, что полк Красных орлов не отступит ни на шаг и удержит растянутый вдвое фронт.

Такое единство бригады Акулова во всех операциях делало ее непобедимой и особенно грозной для врагов.

Совсем не случайно белогвардейское командование обещало своим солдатам 1000 рублей за каждого захваченного живым или мертвым бойца бригады Акулова, прежде всего путиловца и красноорловца, за каждого командира — 5000 рублей, а за голову самого Филиппа Акулова 15 000 рублей!

После поражения под Кыном белые снова изменили направление главного удара. В конце ноября они опять сосредоточили свои силы под Кушвой. К этому времени все белогвардейские силы в Сибири и на Урале возглавил Колчак.

Дивизия Васильева вела борьбу против четырех дивизий белых. Одиннадцать отдохнувших, пополнившихся белогвардейских полков против измученных и поредевших в непрерывных боях полков 29-й дивизии, не получавшей никаких подкреплений.

Основной удар нового наступления обрушился на бригаду Акулова. Кроме того, ее полки постоянно перебрасывались на самые опасные участки других бригад. Полк Красных орлов держал оборону на главном направлении наступления белых в районе Лай и Баранчинского завода. На позиции красноорловцев наступали четыре белогвардейских полка.

Белогвардейцам удалось захватить все Лаи и подступить к Баранче. Батальоны Кобякова и Баженова оказались окру-

---

[1] С. П. Неустроев. Начдив Васильев. Свердловск, 1960.

женными и отрезанными друг от друга. Под угрозой оказался штаб полка, расположенный в вагонах на станции Баранчинская. Бои шли днем и ночью.

Белогвардейцы сумели овладеть высотой, нависшей над станцией, и открыли оттуда огонь, пытаясь перерезать железную дорогу, ведущую на Кушву.

Акулов, находившийся в это время в Кушве, отдал приказ об отходе полка на станцию Гороблагодатская.

Эшелон со штабом полка, санитарной частью и хозяйством вышел со станции, но сразу же попал под сильный огонь противника. Красноармейцы во главе с комиссаром Юдиным и начальником штаба Дудиным отстреливались прямо из дверей теплушек, с тормозных площадок и крыш. Стреляли и раненые.

Командир полка Ослоповский стоял на крыше вагона во весь свой огромный рост и следил за движением эшелона, чтобы в случае остановки как можно быстрее принять нужные меры. Кто-то пытался стащить Ослоповского с крыши, но он отодвинулся и продолжал стоять. Эшелон медленно двигался вперед.

Знаменосец полка Яков Овсянников, обернув вокруг себя полотнище драгоценного Красного знамени, бросал из теплушки одну за другой гранаты в приближавшихся к насыпи белогвардейцев. Внезапно он схватился за грудь и упал, чуть не вывалившись из вагона. Его подхватили и оттащили от двери. Кровь знаменосца пролилась на красное полотнище.

Вдруг поезд резко остановился. К нему бежали белогвардейцы. Ослоповский мигом очутился на земле и стал кидать гранаты в солдат, подступавших к штабному вагону.

Неожиданно белые отхлынули от поезда и побежали обратно к лесу.

Вдоль насыпи, огибая по обе стороны паровоз, мчались всадники и впереди них — комбриг Акулов с поднятой над головой саблей.

Он, узнав о безвыходном положении штаба, поднял по тревоге эскадрон Путиловского полка, находившийся вблизи Кушвы, и устремился на помощь.

— Филя!.. Выручил! Бузу-уй! — кричали красноармейцы, приветствуя Акулова.

Спасено было и смоченное кровью знаменосца Красное знамя. Батальоны Баженова и Кобякова в штыковой атаке сумели вырваться из окружения.

4-й Уральский полк и один из эскадронов Стального Путиловского находились в центре сражений на втором главном направлении наступления противника, с востока, со стороны Салды.

1-й Камышловский полк вел неравную борьбу на третьем направлении удара белых, наступавших на Выю, севернее Кушвы, со стороны Верхотурья. Он был переброшен сюда в помощь 3-й бригаде, которая оказалась в трудном положении и в беспорядке отступала.

После двадцатикилометрового перехода камышловцы сразу же вступили в бой и выручили 17-й Петроградский полк, попавший в окружение. Вместе с этим полком камышловцы восстановили положение, но ненадолго.

Неравные и тяжелые бои велись беспрерывно с 29 ноября по 2 декабря. В дивизию влилась Особая бригада Зомберга. Фронт еще более растянулся.

Трудности усугублялись еще и тем, что в жестокие морозы красноармейцы совсем не получали горячей пищи, и только по четверти фунта хлеба в сутки приходилось на каждого.

Бригада несла большие потери. Был убит командир Камышловского полка Швельнис, погибло больше двухсот бойцов. Красные орлы потеряли больше половины своего состава. Значительные потери понесли 4-й Уральский и Стальной Путиловский полки. В тяжелом сражении под Выей почти полностью погиб, выдержав атаку двух белогвардейских полков, Китайский полк, развернутый из батальона.

И все же бригада Акулова продолжала оставаться самой боеспособной в дивизии. Начдив Васильев отмечал, что против многочисленного врага у него остались только полк Красных орлов и 4-й Уральский, так как остальные полки нуждались в значительном пополнении.

Акулов переживал гибель многих бойцов и командиров, но обескуражен не был и присутствия духа не терял. В его приказах, распоряжениях, словах — спокойствие и уверенность в победе. Как всегда, он горел желанием вновь схватиться с врагом и разбить его. Эту готовность он вселял и в других.

После поражения 1-го Камышловского полка под Выей Леонтий Некрасов, заменивший Швельниса, вывел полк из-под удара и сумел соединиться по телефону с комбригом.

— Филипп Егорович! — хрипло докладывал он, — полк-то у меня на пустолесье стоит, а холодно.

— Что за пустолесье? Говори толком! — кричит в трубку Акулов.

— Ну, значит, лес кругом, а тут поляна. Больше ничего нет, — поясняет Некрасов.

— Да где твой боевой участок? — сердится Акулов.

— Говорю тебе — лес кругом, пустолесье. Никакого боевого участка тут нет, — повышает голос и Некрасов.

Комбриг переходит на другой тон:

— Как же это ты, Левушка, сплоховал-то?

— Ты то спроси, Филипп, как еще выскочил. Хоть остатки-то вытащить удалось. Теперь без пополнения нельзя нас ни в какое дело пустить. Прямо сказать, был конь, да только копыта и зубы остались.

— Не печалься, друг. Раз зубы да копыта остались, значит сражаться еще можете!

...Дивизия была вынуждена оставить Кушву. Последними, прикрывая отход, уходили полки бригады Акулова. Дивизия Васильева выполнила свою задачу. Она приняла на себя основной удар, предназначавшийся всей 3-й армии, и отбила его. Несмотря на отступление Красной Армии, план захвата Перми через Кушву был сорван. Колчаковским войскам понадобилось время, чтобы привести себя в порядок после чувствительного урона, понесенного в боях за Кушву, и собрать силы для нового наступления.

Значение победных боев под Тагилом — Кушвой выходит за рамки дивизии и даже армии. Вот, что говорилось в приказе Реввоенсовета 3-й армии:

«В критические дни Восточного фронта 3-я армия приняла на себя стремительный удар противника, выдержала этот удар, ответила на него под стенами Тагила, и этим дала возможность нашими соседним армиям выгнать врага из Красного Трудового Поволжья» [1].

ЕДИНСТВЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Оставив Кушву, дивизия Васильева продолжала отступать. 3 декабря 1918 года Макар Васильев сообщал в штаб 3-й армии:

[1] Приказ Реввоенсовета 3-й армии от 30 ноября 1918 г. ЦГАСА, ф. 176, оп. 1. д. 19, л. 66.

«Положение в дивизии настолько тяжелое, что перейти в наступление я могу не раньше, как через неделю, так как двухдневные бои настолько измотали людей, что они совершенно выбыли из строя как боевые единицы, а к тому же и проклятая голодовка, части голодали трое суток...» [1]

Состояние дивизии он оценивал «ниже критической».

В еще более тяжелых условиях находились полки бригады Акулова. Им приходилось вести и арьергардные бои, не прекращавшиеся ни на один день.

«Снег выше колен, — вспоминает один из красноармейцев полка Красных орлов, — отшатнись от дороги — и пропал. Леса вокруг дремучие. Мороз. Мерзлый хлеб топором рубили. На мелкие кусочки. А потом делили» [2].

Но несмотря ни на что полки сражались.

Нажим противника на участке дивизии Васильева усиливался. Белогвардейское командование, стремясь как можно быстрее разделаться с 3-й армией и захватить Пермь, бросило в наступление три дивизии общей численностью свыше двадцати тысяч солдат. В то время 29-я дивизия имела всего лишь две с половиной тысячи бойцов.

«Измученные шестимесячными боями, мы отступаем в тридцатиградусные декабрьские морозы. Нет продовольствия... Бойцы размалывают овес и делают лепешки. Идем сплошным лесом, без дорог, полураздетые, отчаянно отбиваясь от наседающего противника», — писал начдив [3].

Все это походило на полную катастрофу. Ни о какой победе над врагом, казалось, не могло быть и речи. Но Филипп Акулов остался верным себе. Он одержал блистательную победу, единственную на всем участке фронта 3-й армии!

Это произошло 13 декабря 1918 года у Верхнекутамышского починка (поселка).

Колчаковцам удалось захватить станцию Калино, овладеть которой они пытались еще месяц назад. С потерей станции дивизия расчленилась: часть полков осталась на станции Чусовая, к востоку от Калино, часть — к западу от нее, на станциях Селянка и Комариха. Стремясь закрепить успех наступления, белые начали наступление на Селянку и Комариху. В случае успеха им открылся бы прямой путь на Пермь.

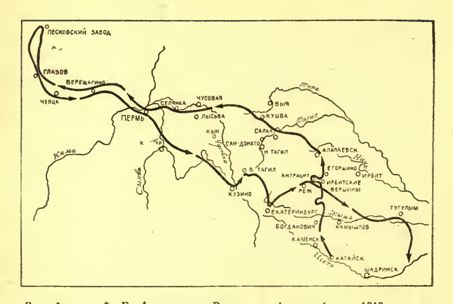
В распоряжении Акулова в этот момент было всего два

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 3, л. 33.

[2] Из писем Н. В. Шалягина автору.

[3] С. Кесарев, А. Королев, С. Пичугов. Особая бригада. М., 1962, стр. 25.

Боевой путь Ф. Е. Акулова на Восточном фронте (июль 1918—август 1919 гг.)

батальона полка Красных орлов численностью около 400 бойцов, резервный батальон добровольцев железнодорожников, в котором насчитывалось не более 300 бойцов, бронепоезд имени Ленина и незначительные остатки 58-го Владимирского и Лесновско-Выборгского полков[1]. В стороне от Селянки, в Вереино, стоял еще в резерве Стальной Путиловский полк, в котором было не более 300 всадников на худых от бескормицы и утомления лошадях[2]. Вот и все, чем располагал Акулов на участке Селянка — Комариха. Один из батальонов полка Красных орлов и остатки 1-го Камышловского полка продолжали вести бои под Калино. 4-й Уральский полк оказался отрезанным, и местонахождения его Акулов не знал.

Тысяче утомленных бойцов, о которых командование писало, что они для боя «совершенно непригодны», противостояли большие силы белых, количеством до четырех тысяч человек. И среди них свежий, только что прибывший на фронт 3-й Барнаульский полк, который находился недалеко от Кома-

[1] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 7, л. 402.
[2] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 7, л. 396.

рихи, в Верхнекутамышском поселке. Кроме того, в любую минуту белогвардейское командование могло направить новые силы из Калино.

Акулов решился на дерзкую операцию, которая могла бы изменить положение. Решился, несмотря на то, что буквально накануне он вместе со своим комиссаром подписал донесение Макару Васильеву о гибели в ожесточенном бою с белыми 1-го батальона соседнего 21-го Мусульманского полка, в котором из 537 бойцов осталось всего лишь 65 [1].

Свой замысел Акулов решил осуществить силами Стального Путиловского полка. Он поехал в Вереино.

Сугробы у околицы застыли рядами, словно вздыбленные кони. Через заваленную снегом поскотину бежала дорога и ныряла в густую чащобу леса, как в омут.

Филипп Акулов задержал взгляд на причудливо взвихрившихся гребнях сугробов, на узкой, выщербленной копытами лошадей дороге, сдержал разгоряченного Гнедка и шагом направил его к центру деревни.

Путиловцы, завидев комбрига, провожали его с повеселевшими лицами. Переговаривались потрескавшимися на ветру и морозе губами:

— Филя не зря едет.

— Хватит, наотдыхались.

Соскочив с Гнедка (вороной жеребец пал в бою под Кушвой), Акулов кинул повод на торчавший в изгороди кол, пинком открыл жалобно взвизгнувшую калитку. Немного помедлил, оглядел занавоженный двор, лошадей, привязанных к плетню и выбиравших из снега сенную труху, красноармейцев, выбежавших откуда-то из глубины двора, и, поправив папаху, бойко взбежал по ступенькам крыльца штабной избы.

— Здорово, орлы! — громко поздоровался он и, не раздеваясь, только распахнув полушубок, сел у стола. Весело поглядел на командиров: — Ну, что скучаете?

Те сразу откликнулись:

— Ага, непривычно как-то. Ночь спокойно проспали...

— Никто не тревожит.

— Пуховых перин не хватает...

— Перину да бабу еще бы под бок? — захохотал Акулов.

Командир полка Прокофьев, как всегда подтянутый и

[1] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 7, л. 411.

гладко выбритый, вглядывался в комбрига, стараясь угадать, зачем он приехал. Акулов весело балагурил с командирами, обогреваясь в теплой избе. Поймав напряженный взгляд Прокофьева, он подобрал ноги, сердито буркнул:

— Что ждешь? Думаешь, пополнение привел? Приказа ждешь — в Пермь на отдых?

Помолчал. Жестко добавил:

— Наступать будем.

Оставшись с Прокофьевым один на один, он набил трубку и, наклонив лобастую голову, строго и требовательно посмотрел на Прокофьева.

— Знаешь обстановку?

Прокофьев неопределенно мотнул головой. Знать-то, в общем, знал. Плохая обстановка. Белые пытаются перехватить железную дорогу у Селянки и Комарихи, бригада разбросана по разным участкам, полки перемешались. Не разберешь, где держатся свои, а где противник. Вот тебе и обстановка!

— Карта где? — потребовал Акулов.

Прокофьев вытащил карту, развернул. Акулов тыкал в нее мундштуком трубки, скупо цедил:

— Против Селянки — 7-й Кузнецкий полк белых, против Комарихи, у самой станции — два полных батальона...

Прокофьев прикидывает: это во сколько же раз больше белых? И отмахивается от ненужных мыслей.

Неопределенно постучав мундштуком по карте возле Комарихи, Акулов продолжал:

— Тут, в Верхнем Кутамыше, в резерве стоит у них новый полк...

Опять Прокофьев соображает: новый полк — это две тысячи солдат, а его, Прокофьева, резерв — триста всадников.

Акулов сунул трубку в рот, несколько раз потянул. Не горит!

Молчит Прокофьев. Вспомнил Покровское. Тогда, еще по голой земле, тоже кинулись эскадроном на село, в котором был полк. Окружили, нагнали панику, вышибли. А сейчас, куда по глубокому снегу? Да и положение другое. По Кузнецкому полку у Селянки ударить? А белые Комариху захватят — и Селянку и Калино отрежут! Двинуть под Комариху? Селянку захватят. Да и чем двинуть-то?

Вдруг с загоревшейся надеждой спросил:

— А какое подкрепление из Перми?

Акулов только выругался, потом нехотя ответил:

— Два маршевых батальона перешли к белым. Из кулачья сформированы.

Опять пляшут мысли Прокофьева. Обстановка теперь яснее ясного. Что же придумал Филипп?

Акулов сбросил полушубок. Согрелся окончательно. Правда, тут не только согреешься — пот прошибет! Остановился против Прокофьева, нагнул голову, будто бодать собрался:

— Думаю, ударить твоими орлами по резерву. В тыл. Панику наделать. Как смотришь?

— Атаковать полк?! — опешил Прокофьев. — На моих клячах?

Он уставился на Акулова: не сгоряча ли тот брякнул? До Верхнекутамышского поселка больше тридцати верст лесом, по бездорожью! Лезть в тыл к белым, когда почти безнадежно положение на фронте?..

— Лес — хорошо, а дороги и протоптать можно, — угадывая его мысли, говорил Акулов. — Местность я осмотрел.

Прокофьев расстегнул воротник кителя, освобождая шею:

— Снег до двух метров. Лошади...

— Знаю!

— Мы туда, а они на Селянку?

— Там Красные орлы. Выстоят. Не первый раз.

— Это приказ начдива?

— Нет. Может ты скажешь, где он сейчас?

— А штаарм?

— До бога высоко, до штаба далеко. Проканителимся. Да что я по проводам кричать об этом буду?!

— Но это же... Ведь всем рискуем! Всю ответственность на себя...

Акулов опустился на стул, тихо сказал:

— Единственный способ спасти положение.

— А если...

— Ты не крути, — вскинулся Акулов и впился глазами в Прокофьева. — Ну?!

— Неожиданно как-то...

— Вот-вот. Беляки тоже не ожидают. Да ты пойми, — старался убедить Акулов. — Ничего нет другого! Расчет на неожиданность, на смелость путиловцев, на стойкость красноорловцев. Спесь с беляков собьем, пинка им дадим — пусть потом чухаются! Ну что ты другое предложишь, что?

Глаза Прокофьева загорелись. Операция смелая, многообещающая, такую мог придумать, пожалуй, только один Филипп. Любил Прокофьев смелые операции, риск, стреми-

тельность. Он мог положиться на своих путиловцев, которых неспроста называли стальными, на красноорловцев, с которыми он воевал рядом все это время.

— Когда выступать? — сдержанно спросил он.

Акулов облегченно вздохнул. Успокоенный, прошелся по избе, присел опять и потянул за собой Прокофьева:

— Сядь. Вместе подумаем, когда выступать. Я тоже пойду с тобой.

— Ты — комбриг, тебе не положено, — сухо сказал Прокофьев.

Акулов захохотал было, но, оборвав смех, серьезно сказал:

— Надо. От этого рейда зависит все!

На другой день утром, когда еще было темно, конники Путиловского полка через поскотину, мимо застывших у околицы сугробов, втянулись в лес.

Лес по сторонам дороги густой, заваленный снегом, молчаливый, равнодушный к растянувшейся колонне всадников. Ехали шагом: берегли лошадей. Путиловцы громко разговаривали: остерегаться пока нечего, своя территория. Лес глухо гудел, усиливая говор. Получалось неопределенно бубнящее: угу-бу-бу-бу.

Акулов ехал молча, погруженный в свои мысли. Недавно в штабе дивизии был разговор — уж не первый раз! — о роли конницы в бою. Представитель штаарма говорил:

— Конница? У нас на Урале? В лесу, в снегах, в горах? Бессмыслица! Что она может сделать? Она годится преследовать противника летом, по равнине. Вот как на Украине, например, в степях, или в Башкирии. А нам еще и не до преследований, мы оборону держим! Есть указание — расформировать кавалерийские части, иметь их нецелесообразно.

Начдив Васильев колебался. Жаль распускать полк. С таким трудом создавали, да и оправдал он себя! Но штаарм уже давно настаивает...

Он развел руками.

— Да какая у нас конница? Только полк этот и есть на всю дивизию, да и то неполный.

Присутствовавший при разговоре Акулов резко выпалил:

— Без конницы нельзя! Играть в старую германскую войну с позициями и сидением — нам ни к чему!

Васильев вспомнил:

— Ездящая пехота. Разъяснение было создавать такую. Пусть кавполк пока остается...

Представитель штаарма пожал плечами.

— Партизанство какое-то. Либерализм. Но про ездящую пехоту директива была. Только давно...

Отведя полк в резерв по указанию Васильева, хотел Акулов, пока еще можно, усилить его, довести до полного состава. Да где там. Что есть — в тыл, в рейд.

Любил кавалерию Акулов! Верил в нее. Нельзя по снегу, по горам, в мороз?! Да испокон веков уральцы и сибиряки на лошадях гоняли! И еще как — по сотне верст за день, бывало, отмахивали!

...Солнце тем временем нехотя поднималось над верхушками сосен. Медленно светало.

Перебрались через железнодорожное полотно. За ним — опять лес, еще более строгий и молчаливый. В нем, как в колодце, холодный застоявшийся воздух. Дорога, такая же узкая и ненаезженная, забирала вправо, огибая Селянку.

Миновали заставу — несколько красноармейцев, топтавшихся в снегу. Руки они прятали в рукава шинелей, винтовки держали под мышками: донимал холод.

— Куда вас лешак несет? — простуженными голосами кричали они. — Там дальше — белые!

— Стережете их, что ли? — посмеивались конники. — Глядите, не прокараульте.

Подъехал к заставе Акулов. Побалагурил, кое-что расспросил. На дороге этой белых еще не было. Узкая, неудобная — забраковали? Или берегут, чтобы так же вот пройти по ней в тыл Красным орлам.

Дальше двигались настороженно. Разговоры прекратились. Обогнав колонну, Акулов поравнялся с Прокофьевым:

— Ничего не слышишь?

Тот поднял руку, остановил колонну. Замолк хруст снега под копытами. Все отчетливо услышали гул боя.

— Белые атакуют Селянку, — определил Акулов. — Самый раз помочь.

Ни слова не говоря, Прокофьев тронул лошадь. Она сразу пошла крупной рысью. Путиловцы подтягивались, колонна уплотнилась. Лошади, задевая друг друга боками, шли по две в ряд: больше не позволяла дорога.

Вернувшаяся разведка подтвердила: белые наступают на Селянку...

В бой вступили с ходу. Врезались в колонны белых, смяли их. Противник никак не ожидал нападения. Началась паника.

Путиловцы рубили белогвардейцев и гнали их навстречу пулеметам краснoорловцев. Оттуда тоже бежали, спасаясь от губительного огня, сталкиваясь, прыгали в снег, в сторону от дороги.

Акулов остановил Прокофьева.

— Давай обратно на старую дорогу. Резервный полк точно стоит в Верхнем Кутамыше. Я тут пленного капитана допросил. Проводника вот возьми.

Прокофьев удивленно посмотрел на Филиппа: когда успел капитана допросить и проводника достать? Видел ведь сам, как он в бою был, гонялся за беляками.

— Не задерживайся! — торопил Акулов. — Я пока здесь останусь...

Собрав конников, Прокофьев вывел их на старую дорогу, исчез в лесу.

Акулов поглядел вслед и пустил Гнедка галопом к станции.

Время уже перевалило за полдень. Солнце светит тускло. Из мутного неба сыплется редкий снег. Кавалеристы Прокофьева едут через лес.

От лошадей валит пар. На их морды и костлявые крупы оседают и тут же тают снежинки. Скрипит под копытами снег, легкий шум от дыхания лошадей и людей висит над колонной. Больше никаких звуков. Тихо на лесной дороге.

Прокофьев едет впереди, настороженный, вытянувшийся в седле: что там впереди?

Хлопнул выстрел. По лесу прокатилось гулкое эхо. Прокофьев замер, прислушиваясь. Неужели все-таки белые заметили их?

— Дерево лопнуло от мороза, — уверенно сказал проводник, ехавший рядом.

Прокофьев шумно выдохнул, тронул коня. Проехали еще немного.

— Версты две осталось, — предупредил проводник.

Приказав спешиться, Прокофьев направил разведку. Темнело. Лес придвинулся ближе к дороге, обступил всадников серой стеной. Высокие вершины склонились над дорогой, словно прислушиваясь к приглушенному говору людей. Не переставая, валил снег, теперь уже крупными хлопьями. В заснеженной серой мути шевелились люди, лошади, вспыхивали огоньки от цыгарок.

Уже в темноте прибыл Акулов с группой залепленных снегом всадников — взводом конной разведки Красных орлов.

— Принимай пополнение! — соскакивая с Гнедка, громко сказал он Прокофьеву. Его голос нарушил напряжение.

Красноармейцы обрадовались:

— Филя Акулов с нами!

— Пополнение привел!

Прокофьев кивнул в ту сторону, откуда приехал Акулов:

— Кто там?

Помедлив, Филипп ответил:

— Калино сдали. Наши отходят.

— Та-ак, — протянул Прокофьев. — Значит, перерезали. Утром на Селянку навалятся. С двух сторон. А мы тут... Разведку вот жду.

Вернулись разведчики. Доложили: небольшой Верхнекутамышский поселок забит солдатами, есть пулеметы, пушки, одна — тяжелая. В соседней деревне еще какие-то солдаты.

— Если верить пленному капитану,— заметил Акулов, — тысяча восемьсот семьдесят шесть солдат, двенадцать пулеметов, три пушки. А в соседней деревне и за ней — еще два батальона, семьсот солдат.

Прокофьев передернул плечами, зачем-то снял папаху, смахнул с нее снег. Прикинул: белых две с половиной тысячи, путиловцев — триста. В атаке не развернуться на дороге и трем всадникам...

Филипп стоит рядом. В полушубке, низенький, незаметный, засыпанный снегом. Не комбриг, а мужичок стоит. И не может он сказать теперь, где его бригада, где полки... Может, полностью разбиты под Калино? В снегу лежат или плутают по лесу, пытаясь пробиться к своим? А комбриг тут стоит, в глухом лесу, черт-те где, ночью, и решает, как разбить в восемь раз превосходящего противника, — на худых лошадях, конной атакой по бездорожью. Снег сыплется ему на плечи, сутулит их. А, может, тяжесть ответственности? Во всем его обвинят потом: что бригада разбита, что потерял управление, увел последний резерв с главного направления, загнал кавалерию в леса, что решился на рейд, не спросив начальства. В партизанстве обвинят, своеволии, ненужном лихачестве. В преступлении, наконец! Если вернутся они отсюда... Чудом...

Прокофьев удивленно посмотрел на свою папаху, которую до сих пор держал в руках, встряхнул головой, сбрасывая снег, надел. И неловко ему как-то стало перед Филиппом, чем-то захотелось подбодрить его, сказать ему, что он не один.

А Филипп своим обычным, с хрипотцой, голосом спросил Прокофьева, словно о самом простом и обыденном:

— Ну что, тронем?

Будто ехал мужик по лесу, остановился, дал передохнуть своей натруженной лошадке, а потом пошевелил ее вожжей: «Давай, Пеган, трогай!»

Прокофьев распределил силы:

— 1-й эскадрон — в обход, 2-й эскадрон — в обход, 3-й и 5-й бьют в лоб.

Снег перестал падать. Чтобы красноармейцы лучше видели в темном лесу? Или чтобы зорче смотрели белые?

Акулов направил Гнедка в сторону от дороги. Жеребец потоптался, шагнул в снег и сразу увяз по брюхо. Напрягая мышцы, всхрапнул, дернулся и скакнул еще дальше, приминая снег. Второй лошади за ним легче. Следующие — цепочкой, след в след по утоптанному снегу.

Пробиваясь через лес, всадники локтями прикрывались от холодных и крупных ветвей, хлеставших по лицу. И опять думы об одном и том же. А ну как заплутаются в густом лесу? Или застрянут в глубоком снегу обессиленные лошади? А что, если раньше времени наткнутся на пулемет, на заставу, да просто на одного единственного белогвардейца, который сумеет поднять тревогу?

Прокофьев провел спешенных кавалеристов по дороге к поселку еще на полверсты и стал ждать условленного сигнала.

Перед рассветом раздался выстрел. За ним — еще, словно громадная сосна повалилась на землю. Вздрогнул лес. Скатился с верхушки ели ком снега, брызнула на дорогу снежная пыль.

Из леса выскочил лось. Задрав рогатую голову, он удивленно посмотрел на сгорбившихся в седлах всадников и, повернув обратно, исчез в чащобе.

— За мно-ой! — крикнул Прокофьев.

Продрогшие на морозе лошади рванули дружно. Снежная пыль полетела из-под копыт.

Путиловцы рассыпались по поселку, стреляя, крича, рубя шашками. От них не отставали конники полка Красных орлов, с которыми был Акулов. Намерзшиеся за ночь, неистовые, мстя за горечь отступления и гибель товарищей, они рубили с плеча.

Из теплых домов выбегали застигнутые врасплох белогвардейцы. Стрельба и крик, стоны, выскакивающие из пред-

рассветной мглы грозные всадники. Обороняться? Бесполезно. Смерть настигала их повсюду.

Жеребец Акулова метался по узким улицам и переулкам, будто сам выискивал беляков. Акулов почти не управлял им, затерявшись среди неистовых всадников. Только округлившиеся глаза его быстрее отыскивали цель, зорче смотрели по сторонам, да, может, чаще опускалась сабля на белогвардейские головы и плечи.

Отыскав дом, в котором размещался штаб, Акулов высадил раму и, привстав на стременах, заглянул внутрь. Там никого не было. Заскочив во двор, он крутнулся по нему и неожиданно увидел в переулке пушки. Жеребец перепрыгнул через плетень, завяз в сугробе и с трудом выскочил на дорогу. Белогвардейцы, торчавшие у пушек, с ужасом глядели на невесть откуда свалившегося на них разъяренного всадника. Акулов успел зарубить двоих, пока остальные, опомнившись, кинулись врассыпную. Не обращая на них внимания, Акулов спрыгнул с Гнедка, осмотрел пушки, потрогал ногой тут же валявшиеся снаряды. К нему уже спешили новые всадники, и кто-то из них тоже соскочил с коня, привычной рукой потрогал прицельную раму, схватил снаряд, сунул его в ствол и вопросительно поглядел на комбрига.

Акулов махнул рукой в сторону соседней деревни, крикнул:

— Руби их в хвост и в гриву, растак их переэдак!

А к соседней деревне, собрав кучку кавалеристов, уже гнал Прокофьев. У околицы суетились вражеские пулеметчики. Но они не успели выпустить ни одной ленты: стремительный вихрь смял их. Путиловцы рассыпались по селу.

Сзади, из поселка, ударила пушка, за ней вторая. Снаряды разорвались в центре деревни. Белогвардейцы в панике бежали навстречу путиловцам.

Сдержав коня, Прокофьев остановил одного из бойцов:

— Скачи! Своих же перебьют!

Он вернулся к захваченным пулеметам и приказал красноармейцам, уже хлопотавшим возле них, бить очередями вдоль улицы. Ленты с патронами валялись тут же, под рукой.

...В Верхнекутамышском поселке бойцы собирали в кучу пленных, сумевших спастись в яростном бою. Пушки размеренно били по тылам белых.

Рассвело. Красноармейцы копались в закрытых рогожами санях захваченного обоза, отыскивая еду, набивая торбы

овсом. Кое-кто присматривался к обозным лошадям: нельзя ли под седло.

Пленные мерзли, сбившись в кучу, тряслись не то от холода, не то от еще не прошедшего испуга. С ними, уже миролюбиво, толковали красноармейцы:

— Мы целую ночь мерзли, а вы в теплых избах на полатях дрыхли. Выдюжите!

— Как спалось-то? Сны какие видели?

Акулов в это время допрашивал офицера, захваченного в штабной избе:

— Почему же ты не стрелял в меня, когда я в окно заглядывал? — спрашивал он удивленно.

Офицер смотрел на него с недоумением. Видимо, он сейчас только сообразил, что действительно можно было стрелять. Но сообразил он и другое. Заговорил торопливо, жалобно, пытаясь вызвать сострадание:

— Я сам из рабочей семьи... Мобилизовали... Лично я ни одного красного не убил...

— Ты вот лучше расскажи, — перебил его Акулов, — какие части стоят против Комарихи? Когда намечено наступление?

— Сегодня. Один полк на Селянку, должны уж начать, а мы — на Комариху, попозже.

Офицер с испугом смотрел на Акулова. Видимо, успел узнать про крутой нрав комбрига. Но тот допрашивал спокойно:

— Что ты трясешься? Если не врешь, что из рабочих, — останешься в живых. Мы боремся против классовых врагов, а не против таких, как ты.

— Да, да, я мобилизованный...

— А кто там? — Акулов кивнул в сторону соседней деревни.

— Другой полк. Два батальона...

— Было два батальона! — перебил неожиданно появившийся Прокофьев. — Теперь меньше. Остальные разбежались.

И как бы оправдываясь перед Акуловым, добавил:

— Лошади не идут, пришлось прекратить преследование.

Комбриг ходил по избе озабоченный. Словно и не было невероятной победы, словно так и должно быть, что Прокофьев, его близкий боевой товарищ, вернется здоровым и невредимым после жестокого боя, что полный разгром вражеского полка был само собой разумеющимся.

Акулову не давал покоя едва слышный бой под Селянкой.

— Обратно надо идти, к Селянке, — прервал свои размышления Акулов.

— Конечно, надо, — согласился Прокофьев. — Только лошади...

Зазвонил телефон. Акулов удивился:

— Действует?

Зорко посмотрел на офицера:

— Разговаривай!

Офицер, не сводя глаз с Акулова, снял трубку, облизнул пересохшие губы:

— Штаб 3-го Барнаульского полка слушает. Поручик...

— Из штаба дивизии. Спрашивает, что происходит, — закрыв трубку рукой, шопотом сказал офицер.

— Спроси, у кого Селянка.

— Да, да слушаю. У кого Селянка?

Акулов выхватил трубку, прижал к уху.

— Какая там Селянка! — услышал он рассерженный голос. — Вы мне все спутали! Что происходит, спрашиваю! Почему замолчали? Выслал к вам роту. Сообщите прибытие. В чем дело, почему молчите?

— Накрылся ваш полк. Спасибо за сведения. Акулов говорит: слыхали такого?!

Он бросил трубку и весело крикнул Прокофьеву:

— Встречай роту! Теперь они не сунутся на Селянку. Выстояли Красные орлы!

В дверях Прокофьев столкнулся с красноармейцем:

— Белые на подходе со стороны Селянки...

Прокофьев выскочил за дверь, увлекая его.

Рота подходила к поселку настороженно, беляки с опаской поглядывали на молчаливые дома. Кавалеристов Прокофьев развернул в поселке, расставил в засадах пулеметы. Когда рота втянулась в улицу, пулеметы брызнули свинцом, а кавалеристы с криками «ура!» выскочили из-за домов.

Акулов налетел на офицера, ехавшего на лошади впереди роты. Тот выстрелил в упор. Обожгло правую руку. Перехватив саблю в левую, Акулов опустил ее на голову офицера.

Белогвардейцы были разбиты.

Успех этой дерзкой операции имел большое значение. Дивизия могла привести себя в порядок и продолжать бои. Улучшилось положение всей армии.

14 декабря 1918 года начдив Васильев сообщал в штаб армии:

«После поражения, нанесенного противнику в районе станции Селянка и Верхнекутамышского поселка, на участке дивизии спокойно. Противник пока держится пассивно»[1].

В другом донесении он сообщает:

«Душою и распорядителем этого лихого налета является комбриг Акулов»[2].

В приказе по дивизии Васильев выносил благодарность Акулову, отмечал его как «вдохновителя геройской атаки», проявившего «наивысшую храбрость». Васильев оценивал не только храбрость Акулова, но и объяснял причины этой храбрости. В рапорте командарму, ходатайствуя о награждении Акулова орденом Красного Знамени (уже второй раз!), он писал: «Благодаря его преданности делу и энергии, приобрел известность своей стойкостью и мужеством...»[3]

Именно преданность делу Советской власти, Коммунистической партии, делу трудового народа характеризует всю боевую деятельность Акулова. Отсюда — широкая известность, необычайная стойкость и уверенность, подлинное мужество и «наивысшая храбрость!»

Военный Совет 3-й армии вынес Акулову «сердечную благодарность за лихие действия и товарищескую выручку»[4].

Высокую оценку командования получили Стальной Путиловский полк, а также бойцы и командиры полка Красных орлов, от стойкости которых во многом зависел успех операции. Бесстрашному командиру путиловцев Павлу Прокофьеву наравне с Акуловым выносилась благодарность начдива.

Командарм направил телеграмму на имя комбрига Акулова:

«Передайте Крестьянскому Коммунистическому полку глубокую благодарность за удивительную стойкость и доблесть, проявленные верными сынами революции в последних тяжелых боях. Истомленные, измученные, голодные армейцы Коммунистического полка не выпустили оружия из рук, отбивали и наносили удары по наступающему врагу. С тревогой мы следили за боевой деятельностью полка и с гордостью читали в каждой сводке о славных подвигах»[5].

---

[1] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 7, л. 345.
[2] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 3, л. 165.
[3] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 369, л. 340.
[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 780, л. 305.
[5] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 984, л. 64. Приказ по 29-й дивизии № 132 от 16 декабря 1918 года.

Телеграмма командарма, объявленная в приказе по дивизии, заканчивалась следующими словами:

«Да здравствуют Орлы-коммунисты! Революция не забудет вас!»

Через несколько дней после Кутамышского боя начдив Васильев подчинил Филиппу Акулову еще одну бригаду, 3-ю, наличных сил в которой, впрочем, было немного [1].

Полки обеих бригад были крайне истомлены, командование отводило их на отдых. Однако отдыхать пришлось недолго. Впереди предстояли еще более тяжелые бои.

ВОПРЕКИ ВСЕМУ

Полки обессилевшей 29-й дивизии, в которой едва ли насчитывалось полторы тысячи бойцов, отводились в тыл для пополнения и отдыха. Васильев вместе с комиссаром дивизии Мрачковским 23 декабря 1918 года выехал в Пермь.

В штабе армии, расположенном в доме пароходчика Мешкова, царил беспорядок.

Командарм Лашевич, который заменил в конце ноября Берзина, выбывшего на другой фронт, растерянно спрашивал Васильева:

— Скажите, что происходит? Куда девались те батальоны и полки, которые направлялись в ваше распоряжение? У меня нет никакой связи...

Небольшого роста, шарообразный командарм снизу вверх смотрел на Васильева.

— Эти батальоны с первого же выстрела сдаются в плен в полном составе, — басил Васильев. — В лучшем случае — разбегаются.

— Но почему?

— Да потому что никакой партийной работы с ними нет, и они состоят исключительно из мобилизованных, а в ряде случаев из кулаков, противников Советской власти. Между прочим, если бы штаарм своевременно давал нам пусть небольшие, но стойкие пополнения и хотя бы по самой мини-

[1] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 7, л. 320.

мальной норме снабжал снаряжением и питанием, то наша дивизия еще могла бы держать позиции. Определенно!

— Это все трудности войны. Я все время прошу резервов у Востфронта и РВС Республики, но мне тоже не дают хотя бы минимума... Но Пермь мы энергично укрепляем. У нас создан оборонительный пояс из артиллерии, которая в состоянии остановить врага одна, без пехоты...

— Без пехоты? Но это же недопустимо!

— Специалисты говорят другое... Впрочем, времени нет, вы явились кстати. Обстановка осложнилась, и вам надлежит возглавить оборону Перми. Я выезжаю...

— Ознакомьте хотя бы с планом обороны и расположением частей.

— Переговорите лично со специалистами и начальниками отделов.

Штаб армии спешно эвакуировался. Начальники отделов и служб сновали взад и вперед по коридорам, таскали какие-то бумаги, вещи. Им было не до вновь назначенного руководителя обороны Перми. Неожиданно начавшаяся в районе расположения штаба армии стрельба, поднятая неизвестно кем, ускорила эвакуацию штаба и усилила неразбериху.

Получив приказ о назначении и ничего толком не узнав о расположении частей, обороняющих город, Васильев 24 декабря в третьем часу ночи прибыл на станцию Пермь II. Оборону города он возложил на комбрига-2 Клокова, расположившегося со своим штабом в доме Мешкова, откуда спешно выбыл Лашевич.

Необходимо было в срочном порядке упорядочить эвакуацию города, установить связь с бригадами и полками, расположенными в районе Перми. Васильев знал, что в городе находилась часть бойцов и командиров 30-й дивизии с комиссаром Борчаниновым. Но связаться с ними так и не удалось.

Нужно было организовать отправку военных и продовольственных грузов, скопившихся на станции Пермь II в огромном количестве. С удивлением узнал Васильев, что в вагонах и складах на станции обнаружилось большое количество военного обмундирования и продуктов питания, которых так не хватало на фронте! В одном из складов красноармейцы обнаружили горы валенок и тут же, с руганью и угрозами в адрес предателей, переобувались.

В шесть часов утра поступило сообщение о том, что белые заняли Мотовилихинский завод, расположенный у самой

Перми, а в городе поднят мятеж. Последний полк, направленный из Перми штабом навстречу белым, полностью, вместе с командованием, перешел на сторону врага.

Васильев вместе с комиссаром Мрачковским и начальником штаба Мацуком отправился в расположение 1-го Камышловского и Рабоче-Крестьянского полков, чтобы, учитывая чрезвычайную опасность момента, лично возглавить эти полки и вышибить белых из Мотовилихи. Однако добраться до полков они не смогли: в городе их обстреляли пулеметным и ружейным огнем. Стрельба слышалась по всему городу.

— Считаю правильным вернуться на станцию и оттуда руководить обороной, — решительно заявил начальник штаба Мацук. — Глупо подставлять свои головы под пули без всякой видимой пользы. Перестрелять нашу маленькую группу ничего не стоит.

На станции все пути были забиты поездами. На главных путях оказались неисправными паровозы, куда-то исчезли машинисты. Измена была и здесь.

Васильев позвонил в дом Мешкова. Но Клокова там уже не было. Голос телефонистки ехидно ответил:

— Хи-хи! Были красные, да вышли. Не надо ли вам беленьких?

В штабе армии уже хозяйничали белогвардейцы.

— Ну что ж, — решил Васильев. — Будем обороняться и вывозить грузы.

В это время на станции появился Акулов, прорвавшийся через мятежный город с группой своих штабных работников. С его помощью Васильев сумел навести какой-то порядок, организовал оборону станции и отправку эшелонов. Красноармейцы гроздьями висели на подножках вагонов, отправляющихся через Камский мост в сторону Глазова. С одним из поездов выехал и Васильев со штабом, чтобы заняться созданием линии фронта и организацией заградительных отрядов.

Руководство дальнейшей обороной города, в котором еще продолжались бои, и станции Пермь II он возложил на Филиппа Акулова.

Бригады как таковой у Акулова не было. 4-й Уральский полк остался отрезанным еще под Калино, и о судьбе его Акулов не знал. Путиловский полк четыре дня назад был передан в распоряжение командарма. 1-й Камышловский полк день назад был передан 2-й бригаде. Полк Красных орлов за день до мятежа отводился на отдых в Пермь побатальонно,

но оказался разрозненным, застигнутым врасплох, и связи с ним пока не установили.

Самого Акулова не было в Перми, когда в ней начался бой. Вместе с комиссаром Яхониным и со своей штабной группой он ехал в город, думая о переформировании бригады и новых боях за Пермь. Перед городом, на реке Сылве, еще сражались красные полки.

На окраине, у Мотовилихи, он угодил под вражеский огонь. В городе уже начался мятеж. Это было полной неожиданностью. Ничего не знал и случайно встреченный им командир полка Красных орлов Ослоповский, тоже ехавший в Пермь с группой работников своего штаба и политчасти за отправленными ранее батальонами.

Нужно было что-то предпринимать.

На этот раз Акулову пришлось долго раздумывать, прежде чем принять решение. Перед ним неожиданно оказался незнакомый город, в котором недавно был штаб армии, за который шла такая упорная борьба в течение последних месяцев. В этом городе теперь — полная неразбериха. Со всех сторон раздавалась стрельба, велся обстрел немногочисленной группы Акулова из-за углов, с крыш, из окон, отступали из города растерянные, тоже ничего не понимавшие красноармейцы. Какие части в нем были, какие еще есть, кто и где руководит обороной и руководит ли? Где штаб армии, где штадив, где враг и сколько его? Где батальоны его единственного полка? Всего этого Акулов не знал.

Но и в этой обстановке он действовал так, как привык действовать — решительно, уверенно, на свой страх и риск, беря положение в свои руки, используя все средства, какие можно было использовать, бросаясь со всей страстью своей горячей натуры в самое пекло боя, трезво взвешивая при этом обстановку, выбирая единственно правильное, обеспечивающее успех решение.

О том, как действовал Акулов, можно узнать из записей очевидца, бойца полка Красных орлов Филиппа Голикова, который находился в группе Ослоповского:

«Пробовали проехать по одной улице, по другой, но всюду навстречу летели пули. Прошло часа два. Товарищ Акулов ругался на чем свет стоит. Потом подумал и приказал следовать вместе с ним через Каму, чтобы стороной объехать центральную часть города и добраться до станции Пермь II.

Объезд нам удался. На правом берегу Камы было тихо.

Но что творилось на Перми II? Снаряды, летевшие из го-

рода, ложились на станцию. Пути забиты гружеными эшелонами. Тут же составы с ранеными. Толпы безоружных, охваченных паникой красноармейцев бросались из стороны в сторону.

Мы во главе с товарищем Акуловым стали наводить порядок. Это оказалось нелегким делом. Паникерам пришлось пригрозить оружием. Постепенно установили охрану, назначили патрули. Через Каму двинулись поезда.

Товарищ Ослоповский тут же собрал команды стрелков и разведчиков, направил их в сторону города. Команды пошли вперед, отгоняя попадавшиеся на пути группы мятежников. Но артиллерийский обстрел не утихал»[1].

Ослоповский со своей группой вскоре ушел: ему нужно было найти свой полк. Объединив два батальона уже за городом, в Верхних Муллах, и подчинив себе один из эскадронов Путиловского полка, он пытался наступать на Пермь, но связи с Акуловым уже не имел.

Остался Акулов на станции Пермь II один, без своей бригады, на бойцов которой он мог во всем положиться. И тем не менее он сделал все возможное и невозможное. Проявляя большую энергию, волю, настойчивость, он сумел подчинить себе разрозненные группы красноармейцев и организовал оборону Перми II. Видимо, знали Акулова не только красноармейцы его бригады. Неутомимая энергия и решительность его действий вселили надежду, веру в успех.

В налаживании обороны станции и эвакуации грузов Акулову помогал военком бригады Яхонин.

Комбриг Клоков вместе с комиссаром Беляевым продолжали организовывать сопротивление белым на улицах города. Командир 1-го Камышловского полка Некрасов и командир Рабоче-Крестьянского полка Галенкин со своими бойцами с трудом сдерживали натиск белогвардейцев. Подчинившись Клокову, упорно оборонялись красноармейцы запасного полка Зеленцова и инженерного батальона Масленникова.

Оставив дом Мешкова, загибая фланги, остатки 2-й бригады Клокова отходили к Каме.

Продолжавшиеся в городе ожесточенные бои разрозненных групп красноармейцев не только 29-й, но и 30-й дивизии также ослабляли силу наступления белых на Пермь II, положение которой становилось все более тяжелым.

Выполняя приказ начдива, Акулов защищал станцию до

[1] Ф. И. Голиков. Красные орлы. М., 1959, стр. 111.

последней возможности, помогая выбраться из города красноармейцам, которые все еще оставались в Перми и вели героическую борьбу на улицах. На станции не хватало паровозов, машинистов. Вагонами были забиты железнодорожные пути не только Перми II, но и ближайших разъездов и станций. Тем не менее эшелоны с людьми, военным имуществом и продовольствием один за другим уходили со станции через Камский мост, оставшийся невзорванным.

Красноармейцы, находившиеся в это время на станции, впоследствии вспоминали:

«Акулов под обстрелом, с шашкой, на коне гарцевал по платформе станции Пермь II...» [1]

«Акулов бегает по станции, собирает людей...» [2]

«...Три лошади под ним убило, а ему — ничего. Перескочит на другую и — опять за работу...» [3]

Подробнее рассказывает об Акулове военврач Линко:

«Я узнал, что на вокзале находится комбриг-1 тов. Акулов — старый орел. С ним я встречался при всяких критических положениях и поэтому решил, раз еще тут старый орел — значит, не все потеряно. И действительно, часа в три я встречаю старого орла скачущим на коне со свитою из трех всадников и останавливающим бегущих... Если бы все командиры были на виду у красноармейцев, как старый орел, те не бежали бы целыми толпами...» [4]

Некоторые командиры, оставившие Пермь в то время и старавшиеся выгородить себя, пытались обойти молчанием героическую оборону Перми II и роль Филиппа Акулова, возглавлявшего ее. Военные историки позднейшего времени на основании их свидетельств утверждали, что «Пермь защищать было некому... Не могли оказать не только упорного, но даже слабого сопротивления противнику...» [5]

Некому?! Однако Акулов сумел все-таки с ближайшими ему командирами защищать Пермь II в течение суток и организовать отправку эшелонов с ценными грузами. Вопреки всему! Он продолжал удерживать станцию и 25 декабря, когда в городе уже прекратилась стрельба и начали хозяйничать белогвардейцы.

---

[1] Воспоминания Ф. В. Григорьева.
[2] Воспоминания Л. В. Василевского.
[3] Воспоминания В. Е. Зуева.
[4] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 1, д. 116, лл. 60—61.
[5] А. Федоров. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. М., 1940.

Подвиг защнтников Пермн II был отмечен в приказе по дивизни:

«Несмотря иа суматоху, комбриги Акулов и Клоков и военкомы Яхоиии, Муравьев и Беляев... прииялн самые эиергичные меры по защнте станцнн гор. Пермн, благодаря чему станцня Пермь II удерживалась в иаших руках до 19 часов 25 декабря, н за этот пернод нз-под огия противинка вывезено 15 эшелоиов, за что вышеозначеиным лицам объявляю глубокую благодарность»[1].

Благодарность объявлялась н Некрасову, комаиднру 1-го Камышловского полка, Брюханову, помощинку Некрасова, Галенкнну, команднру Рабоче-Крестьянского полка, которые с остатками свонх войск, верных долгу, «удерживали часть города и подступы к станции Пермь II до последней возможиостн, иесмотря на снльиый напор противннка»[2].

«При сложнвшейся обстаиовке в г. Пермн в особенности отличнлнсь комбриг-1 Акулов, комполка Некрасов н Галенкин», — подтверждает н поздиее начднв Васнльев[3].

Энергнчно действовал Акулов и дальше, в первые дни после захвата белыми Перми прн всеобщем беспорядочном отходе частей 3-й армин.

Еще во время боя за Пермь начднв Васильев сумел организовать заслои иа пути белых, прикрывая эвакуацию эшелоиов. Ожесточенное сраженне шло в иескольких кнлометрах западнее города. Затем начднв со штабом днвнзнн переехал на станцию Верещагнно по иаправленню к Глазову и создал лннню обороны в районе блнжайших к Пермн станций Шабуничн и Чайковская. Руководство обороной этого важнейшего участка на главном направленнн движення белых Васнльев поручил комбрнгу Акулову.

Еще 25 декабря, когда шлн бон за Пермь II, ои приказал Акулову:

«...Я Вас иазиачаю иачальннком всех частей дивнзнн, отошедших из Перми. Всех дезертиров, каких бы онн нн былн дивизнй, задержнвать и вливать на пополненне полков по своему усмотренню...»[4]

Васильев, иаходясь со свонм штабом в Верещагнно, не знал, в каком состояннн и где иаходятся полкн брнгады Аку-

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 984, л. 64.
[2] Там же.
[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1442, л. 43.
[4] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 7, л. 183.

лова, но он знал, что поставлениую задачу Филипп Акулов выполннт.

Васнльев ему телеграфнровал через день:

«Прнказываю Вам немедленно остаиовить бегущие части, прнвестн нх в порядок н перейти в контрнаступленне...»[1]

Фнлипп Акулов выполннл прнказ: остановнл, привел в порядок, успешно контратаковал.

Состояние полков 29-й днвнзин к этому времеин хорошо раскрывает доклад полнтотдела Военного Совета 3-й армни:

«За время отступлеиня эта днвнзия особеино пострадала. Целыми месяцамн получавшие по полфуита хлеба, истомлеиные, уставшне от беспрерывных боев, частн этой днвизии отступалн сиачала к Перми, а потом к Верещагино. Деморализация в разбитых и усталых частях была полной... Измученные части уже в иачале января не представлялн нз себя в боевом отношеннн ннкакой величнны...»[2]

Все это было так, ио бригада Акулова, в составе которой произошлн изменения, опять-таки оставалась наиболее боеспособной н не только оборонялась, но н иаступала.

Полк Красных орлов в двухдневном бою у Шабуиичей сумел сдержать иатнск белых, давая возможность другим частям прнвестн себя в порядок, н повел коитрнаступлеиие. Стальной Путиловскнй полк в трудных условиях подавлял мятеж 10-го кавполка белогвардейцев возле села Воскресенского.

Группа конинков во главе с комполка Прокофьевым, переодевшнсь в белогвардейскую форму, совершила смелый налет на тылы белых. Волынский полк, перейдя в коитриаступление, выбил протнвника из села Стряпуннного и деревнн Малодаевинской.

Брнгада Акулова опять иаходнлась на самом главном направленни фронта Пермь — Глазов. Успешиые бои, которые она вела во второй половине января у Шабуинчей, за стаициямн Чайковская н Грнгорьевская, нмелн громадное значенне для всей 3-й армнн, потерявшей в предыдущнх боях две трети своего состава.

Новый иачдив Грушецкнй, который сменнл Васнльева в иачале января 1919 года, сразу же оценил военный талаит Акулова. В своих прнказах ои отмечает мужество н доблесть полков 1-й брнгады, умелую распорядительность комбрига Акулова:

[1] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 7, л. 150.
[2] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 29, лл. 252—253.

«Доблестные волынцы и Красные орлы, перейдя в решительное наступление, заняли дер. Соснята, Нижние и Верхние Кукеты, Кривец и Федулино. Благодарю комбрига Ф. Акулова и вверенные ему славные полки за их отличную боевую работу»[1].

Пути Васильева и Акулова расходились.

Комиссия ЦК партии, расследовавшая причины падения Перми и принявшая очень важные меры по укреплению 3-й армии, развертывала силы для борьбы с армиями Колчака. Васильев получил новое задание — организовать на Северном Урале Особую бригаду и возглавить ее, преградить путь Колчаку для соединения с белогвардейскими силами Севера и армиями интервентов, действовавшими в районе Архангельска — Котласа.

Васильев оставил глубокий след в жизни Акулова. В кругу товарищей Акулов называл его красным Наполеоном, вкладывая в эти слова восхищение полководческим талантом начдива. Не было случая, чтобы Акулов в чем-то не оправдал надежд Васильева. Все его приказы и распоряжения, самые сложные и трудные, он выполнял всегда.

Большое влияние на Акулова оказал Васильев и как более опытный старший товарищ по партии, проводивший твердую партийную линию во всех своих действиях. Спокойствие, неторопливость Васильева в решении острых и сложных вопросов военной жизни, твердость, с которой он проводил в жизнь принятые решения, постоянно служили примером для нетерпеливого и не всегда обладавшего выдержкой Филиппа Акулова.

В начале 1919 года военная судьба раскидала их в разные стороны. Васильев уехал на север[2]. Новое задание получил и Акулов.

---

[1] ЦГАСА, ф. 3555, оп. 2, д. 1, л. 21.

[2] В 1919 году Васильев — командир Особой бригады 3-й армии, комендант Екатеринбургского укрепленного района, начальник гарнизона города Екатеринбурга, начдив Красно-Уральской дивизии. В 1920 году — помощник командующего войсками Приуральского военного округа. В 1920—21 годах руководил подавлением кулацких мятежей на Алтае, в Екатеринбургской, Тюменской, Челябинской губерниях и в Башкирии. В 1922 году демобилизовался из Красной Армии. Занимал ряд гражданских должностей на Урале. Умер в 1940 году.

КОННАЯ БРИГАДА

В январе 1919 года Акулова вызвал в Глазов командующий армией Лашевич.

Присматриваясь к Акулову, Лашевич, расстроенный тяжелыми потерями и отступлениями армии, задавал вопросы о боях за Кушву, за станцию Пермь II, о состоянии полков бригады.

Развернув карту, он попросил показать расположение бригады и рассказать о возможностях контрудара по белогвардейским войскам.

— Если бы мы располагали ударными кавалерийскими частями, мы могли бы ударить кулаком по тылам беляков и остановить их наступление, — уверенно ответил Акулов.

— Расскажите поподробнее, — предложил командарм. — У вас, кажется, есть опыт...

— Под Селянкой силою кавполка в триста сабель мы разбили в тылу белогвардейцев полк, вызвали панику и остановили наступление... Возле села Воскресенского, к северу от станции Чайковская, Путиловский кавполк вышел в тыл к белым, разгромил их штабы и повел наступление... Неделю назад[1] во время общего отступления кавполк и полк Красных орлов контратаковали противника у Очерского завода и села Дворец, сорвали его наступление и погнали обратно...

— Ну, а сейчас, дальше? Что можно сделать кавалерией? Ведь нам пока приходится отступать...

— Что? — вскинулся Акулов. — Вчера[2] наш кавполк совместно с Волынским полком атаковал беляков у деревни Пестов и разбил их. Захвачено два орудия, пулеметы, винтовки, обоз со снарядами... Один только эскадрон путиловцев в этом бою зарубил сто пятьдесят вражеских солдат... А что, если бы наступал не один, а два-три кавалерийских полка? Вот смотрите, что можно сделать кавалерией...

Он быстро достал из своей полевой сумки карту и, горячась, нетерпеливо водил по ней красным карандашом:

— Вот наши полки, вот противник... Его штабы здесь... Кавалерией легко проникнуть в тыл — сплошной линии фронта нет, разгромить штабы, дезорганизовать управление...

Лашевич внимательно следил за концом карандаша. Ос-

---

[1] 16 января 1919 г. (О. А. Васьковский и др. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969, стр. 250).

[2] 21 января 1919 г. (Там же.)

тавляя красные стрелки, прыгал карандаш по территории врага, метался с одного направления на другое, будто и впрямь носилась кавалерия по вражеским тылам, громила штабы, дезорганизуя управление, сея панику, оставляя на снегу, как эти красные точки, трупы белогвардейцев в местах схваток...

— А идея неплохая, — загоревшись, проговорил он, когда Акулов остановился, чтобы передохнуть. — Да, нужен ударный кулак, масса конницы. Кавалерия — это быстрота, подвижность, направленность удара. Все это верно. Но где же сейчас взять эту массу?

— Дайте мне возможность организовать конную бригаду, — предложил Акулов. — Кавалеристы в наших частях найдутся... Пополнить Путиловский кавполк, создать второй... Конная бригада нужна!

Он требовательно смотрел на Лашевича, и весь его вид говорил: дайте такое право, и он тотчас же, не раздумывая, кинется вон из штаба, птицей взлетит в седло и помчится собирать конников для кавалерийской бригады.

— Рассказывали мне о вас...

Командарм внимательно разглядывал Акулова, невзрачного на вид, в потертой кожаной тужурке, перепоясанной ремнями, в истрепанных, когда-то добротных сапогах с высокими голенищами, еще более подчеркивающими его небольшой рост. Но в глазах комбрига, круглых и больших на осунувшемся лице, было столько убежденности в правоте своих слов, столько настойчивости и готовности выполнить трудное дело, что Лашевич, немного помолчав, сказал:

— Будем создавать конную бригаду. Садитесь, подумаем, как это лучше сделать...

Кавалерия всегда притягивала к себе Акулова.

Действия конницы, стремительные, дающие большую возможность для маневрирования и сокрушительных ударов по врагу, вполне соответствовали его натуре. Совсем не случайно во всех своих важнейших операциях он использовал кавалерию, не только летом, но и зимой. Результаты были очевидными.

Сам Филипп Акулов был прекрасным кавалеристом. Командуя полком, а затем бригадой, он не упускал случая лично участвовать в конных атаках. «Он саблей держал всех беляков в страхе, — говорили о нем красноармейцы. — Пеший

Ф. Е. Акулов (2-й слева, 1-й ряд) среди связистов кавалерийской бригады 29-й дивизии.

он — как все, мужик мужиком, а приткнется к коню — герой, орел, сразу весь преображался».

Сподвижники знали, что Филипп любил рослых, горячих, бешеных в бою лошадей, что в свои сорок лет он, не касаясь ногами стремян, вскакивал в седло, что конному ему, казалось, не страшны никакие преграды.

Таким Филипп Акулов и остался в памяти красноармейцев — верхом на коне, с саблей в руке обрушивающимся на врагов. Таким его и любили — лихим, стремительным, не знающим страха, несущимся в атаку всегда впереди всех.

Командиром вновь формируемой кавалерийской бригады он назначался с 22 января 1919 года[1].

Формирование бригады проходило на станции Верещагино.

В состав кавбригады входил Стальной Путиловский полк,

[1] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 416, л. 352.

широко известный своими боевыми подвигами. Во всех предыдущих боях Акулов постоянно находился вместе с ним или рядом с ним. Бойцы-путиловцы очень хорошо знали Акулова, также как и он их. Полком продолжал командовать Павел Прокофьев, боевой товарищ Акулова. Этот полк лишь пополнялся.

2-й полк бригады создавался заново и получил название 2-го имени Акулова кавполка. Основу его составили два дивизиона, эскадрон и мелкие конные группы из частей 29-й дивизии. Свое изавание — Акуловский — полк получил не случайно. Своим рождением он обязан именно Филиппу Акулову, проявившему огромный организаторский талант и большую инициативу в его создаиии. Формировал он его с особой тщательностью и требовательностью.

Со всеми прибывающими в бригаду конными и пешими красноармейцами Акулов беседовал лично. Беседы были короткими.

«Первым вопросом, который он обычно задавал, был вопрос: «Смерти боитесь?», — вспоминает один из красноармейцев. — Счастливым был тот, кто без обиняков, смело отвечал: «Нет!» Акулов сам определял годность новичка к службе в кавалерии. Безлошадным и безоружным, если находились такие, говорил коротко: «В бою добудете!» [1]

В этот полк Акулов направлял все самое лучшее. Мало искушенных в бою отправлял в Путиловский полк на пополнение. «Этих людей в Путиловском полку в первых же боях сделают героями», — с уверенностью говорил он.

Оба полка, таким образом, благодаря разумному комплектованию, становились равносильными.

Роли конницы в гражданской войне на Урале Акулов придавал большое значение. Вопреки мнению многих, он считал, что ее можно широко использовать и здесь [2]. Победа кавалерийского полка в Кутамышском бою под Селянкой показала, насколько может быть эффективной кавалерия даже в трудных зимних условиях. Другое дело — умело или иеумело ее использовать.

---

[1] Воспомннания И. П. Селькова.

[2] До февраля 1919 г. на фронтах Республики имелись две крупные кавалернйские части, н обе действовалн на юге: 1-я кавдивизня Ставропольских партизан, сформированная в октябре 1918 г., и 1-я сводная кавднвизня, в состав которой входила брнгада Буденного, сформированная на Дону в ноябре 1918 г. н ставшая потом костяком знаменитой Конной Армни Буденного. (Путеводнтель по ЦГАСА).

Захватив Пермь, белые продолжали наступать. Они были уверены в успехе и не ожидали серьезного отпора от уставших красноармейских частей.

Акулов, который находился в Верещагино, формируя бригаду, вновь решился на дерзкую операцию.

...В одной гимнастерке, распоясской, зажав в зубах неизменную трубку, Филипп ходил по комнате станционного здания, где разместился его штаб.

За окнами тяжелыми хлопьями нехотя валил снег. Молчаливо застыли, будто боясь встряхнуться, высокие заснеженные тополя. Временами пробегал вдоль путей легкий ветерок, перепутывал лохматые хлопья, сбрасывал пушистые комья с ветвей черемухи и кидал их в оконные рамы.

Через заснеженные стекла едва угадывались железнодорожный состав, облепленный снегом паровоз, провалившаяся в сугробы будка сторожа. За ними навис сплошной полог белой мути, скрывавший недалекий лес и небо.

Акулов резко отвернулся от окна, шагнул к аппарату:

— Ну-ка, Нюрка, стукай в штаб дивизии. Прошу отпустить меня с орлами побузовать.

Нюрка отстукала.

Потягивая дым из трубки, Акулов ждал ответа.

— Спрашивает, куда бузовать, — подняла лицо от аппарата телеграфистка.

— Что он там допрашивает? В тыл, к белым.

Телеграфная лента передала ответ: «Разрешаю».

Акулов открыл дверь, крикнул:

— Прокофьева ко мне!

Филипп посмотрел на белую пелену за окном, а мысли его уже были далеко отсюда. Он уже слышал разгоряченное дыхание лошадей и видел заснеженные деревни в тылу белых...

— Построй 1-й эскадрон! — приказал вошедшему Прокофьеву.

Прокофьев чуть заметно кивнул головой. Вместе были под Покровским, Ирбитскими Вершинами, Кушвой, Комарихой, Левшино — им ли не понимать друг друга!

Без шапки, в расстегнутой и неподпоясанной гимнастерке, с веселыми искорками в глазах вышел Акулов к построенному эскадрону. Отставил ногу, немного скосил голову, исподлобья разглядывая кавалеристов.

— Мне нужно десятка четыре бойцов. Бузовать.

Откинув голову, прищурился, вглядываясь в лица. Случалось: не понравятся Акулову тусклые, пасмурные лица красноармейцев, не увидит он лихого задора во взгляде — недовольно командует: «Разойдись!».

Снег мягко похрустывал под копытами лошадей. Звякали уздечки. Снежинки серебрили непокрытую голову Акулова, плечи, таяли в расстегнутом вороте гимнастерки. Повеселевшие кавалеристы нетерпеливо, чуть подавшись вперед, смотрели на стоявшего перед ними лихого командира. Кого возьмет? Какую проверку учинит? Что учудит?

Бывало по-всякому. Многие из бойцов помнили, как их, новичков, поступающих в кавалерию, проверял Акулов. Он неожиданно выхватывал наган и кричал на опешившего бойца: «Пристрелю!» Если боец бледнел, терялся, Акулов гнал его от себя: «Куда тебе! Меня боишься, а белых и подавно!» Если же новичок не терялся и сам кричал на Акулова, а иногда даже грозил оружием, Акулов в этих случаях говорил: «Вот такого мне и надо. Орел!»

Сейчас Акулов шел вдоль строя, пытливо всматриваясь в лица. Манил пальцем то одного, то другого, отбирал. Всадники, посмеиваясь, поглядывали на него сверху вниз:

— Чудит Филя!

Те, кого выбирал Акулов, облегченно вздыхали, становились в новую шеренгу. Им велено было прикрыть звездочки зелеными ветками, а у кого есть погоны — нацепить.

Над лесами, полями и голой поскотиной кружила метель. Она перемахивала линию фронта, гуляла по тылам белых, неслась от села к селу, наметывала сугробы в узких переулках, с размаху ударяла в бревенчатые стены домов.

В узких сенях штабной избы белых жмутся часовые, робко проскальзывают в кухню, к теплой печке, курят махорку, поглядывают в расписанные узором окна: торчи не торчи на ветру — все равно ничего не видно, ни земли, ни неба.

В соседней комнате командир белогвардейского Степного полка полковник Киселев разговаривает по телефону. Слышимость плохая, приходится громко кричать в телефонную трубку. Часовым в кухне все слышно.

— Что? Акулов? Нет его перед нами. Наступать нельзя — метель... Да, да. Невозможно... Не слышу! — поджарый, стянутый ремнями полковник нервно дергает тонкими губами.

В трубке снова что-то зашипело, и Киселев поспешно закричал:

— Да, да, это я! Что?! Никакого поручика и отряда я не посылал... Обозы? Угнал? Как угнал? Не задавать глупых вопросов? Слушаю!.. Есть выступить!

Гудит в трубе ветер, свистит в голых ветвях тополя, гремит оторванной от ставня доской и несется прочь вдоль деревни на простор поскотины.

Солдаты 2-го батальона нехотя выползали из теплых домов, подымали воротники и, пряча от ветра лицо, строились. Суетились офицеры. Хриплые от надсадного крика голоса ветер нес вдоль улицы. Внезапно из снежного вихря, как призраки, выскочили один за другим всадники и врезались в строившиеся колонны солдат.

— Бузу-у-уй!

Все смешалось в один буйный вихрь — крик, выстрелы, вопли, стоны, свист ветра, ругань, взрывы гранат.

Белые бросали оружие, поднимали руки, с ужасом глядя на бешено крутившихся всадников.

Пленных сбивали в кучу и гнали за село...

Услышав вопли и выстрелы на улице, полковник Киселев выскочил во двор, рванул калитку и, попятившись, поспешно захлопнул ее.

К штабу скакала группа всадников.

«Свои или красные?» — пытался определить Киселев, выглядывая в щель калитки. У некоторых болтались на ветру плохо пришитые погоны, у остальных не было никаких погон. У одних зеленые ветки на шапках — отличительный знак белых, у других — звездочки.

— Что за черт! — недоумевал полковник.

Впереди, верхом на вороном коне, пригнувшись, скакал офицер в зеленой бекеше с погонами поручика. Чуть позади — стройный всадник с большой красной звездой на белой папахе.

Первый всадник подскакал к штабу и с ходу бросил в окно одну за другой гранаты. Раздались взрывы. «Вот он кто, этот поручик!» — запоздало сообразил Киселев, лежа в сугробе.

...Метель стихала. Торопливые змейки снега кружились на дороге, исчезали в переулках. Ребристые сугробы искрились на солнце. Голые ветки черемухи скребли по заиндевевшим стеклам.

Еще не остывший от боя Акулов бегал по комнате, зажав в руке трубку, тыкал мундштуком в телеграфный аппарат:

— Ну-ка, Нюрка, стукай снова в штаб.

Нюрка вызвала штаб:

— Начдив спрашивает о результатах.

— Ага! — Акулов остановился возле аппарата. — Докладываю: с командой в сорок человек перешел фронт, разбузовал семь деревень, захватил больше сотни пленных, обоз с трофеями. У меня потерь нет.

Нюрка выстукивала...

Несмотря на трудности, формирование бригады шло быстрыми темпами, так, как этого требовала обстановка. В районе станции Кез по пути из Верещагино к Глазову инспектор кавалерии 3-й армии произвел смотр готовности бригады. Оценка была удовлетворительной.

После смотра Акулов поехал проводить инспектора до вокзала. Вернувшись в деревню Кезгурт, где расположился штаб бригады, Филипп увидел, что полки продолжают стоять в строю.

— В чем дело, товарищ Евсеев? — спросил он комиссара Путиловского полка.

Подъехал Евсеев и доложил:

— В полках нет курева. А ребята разведали, что у тебя в вещмешке имеется запасец махорки... Так вот, решили просить, чтобы ты дал им хотя бы по маленькой щепотке на цыгарочку...

— Ах вы, бузуи! — удивился Филипп. — Ведь кто-то же подсмотрел!

Видя улыбку и хорошее настроение комбрига, красноармейцы закричали:

— Не поскупись, Филя! У тебя ведь для трубки пшеничный табачок...

Подъехал и командир 2-го имени Акулова полка Винников сказать слово за своих питомцев-курильщиков.

— Ну уж ладно, раз такое дело, — продолжал улыбаться Филипп. — Надо дать на цыгарочку.

Ординарец принес вещевой мешок с махоркой. Достали бочку и поставили ее у дороги. На бочку встал Филипп. Мимо него проезжали верхом на лошадях курильщики, получая свою порцию махорки.

Церемония раздачи окончилась, но конники не разъезжались. Стояли вокруг Акулова, дымили цыгарками, шутили, смеялись.

В конце марта бригада прибыла в Глазов. Она считалась армейской единицей, но ее подчинили начальнику 29-й дивизии. В этом подчинении были большие неудобства, так как кавбригада сковывалась задачами дивизии, хотя могла бы выполнять более широкие оперативные задания, полученные из штаба армии. Возможности кавалерии поэтому не использовались с самого начала.

Бригада Акулова была поставлена в невыгодное положение. Сковывалась инициатива Акулова, которой он столь блестяще владел, ограничивалась самостоятельность, которой он так умело пользовался.

Кавбригада получила задание — обеспечить оборону Песковского и Омутнинского заводов, расположенных севернее Глазова. Места там глухие, бездорожные, лесистые, бедные фуражом. Задание было рассчитано явно не на конную бригаду. Худшие условия для действий конницы было трудно придумать.

К заводам пролегали лишь узкие санные дороги, двоим не разъехаться, а кругом — лес, занесенный снегом. Пехотных частей, способных создать хоть какой-то заслон, бригада не получила, оборону надо было держать только своими силами, действуя в пешем строю. Противник же, 1-я Пермская дивизия, широко использовал лыжи и имел хорошую возможность маневрирования. Получалось так, что кавалерия, наиболее маневренный род войск, была прикована к месту, а пехота противника, имея к тому же большой численный перевес, обладала большой подвижностью.

Зная обо всем этом, Акулов дважды обращался к начдиву Грушецкому, пытаясь доказать нецелесообразность такой задачи, но так ничего и не добился. То ли по крайней необходимости, то ли по неразумному распоряжению бригаду направили именно туда — в глухие леса. Акулов, скрепя сердце, выполнил приказ, но, как оказалось впоследствии, ценой бригады...

К боям в районе Песковского и Омутнинского заводов Акулов, по свидетельству очевидцев, готовился особенно тщательно.

Он несколько раз собирал командиров, беседовал с каж-

дым из них, требовал усиления разведки и соблюдения большой осторожности, несколько раз напоминал о бдительности, уточнял задачу командирам полков и эскадронов.

Колчаковцы, несмотря на численное превосходство, долго не могли захватить Песковский завод, оборонявшийся путиловцами [1].

Бойцы бригады храбро сражались и выполнили свою задачу — задержали противника, рвавшегося на соединение с белогвардейскими армиями севера, на пять дней.

5 апреля 1919 года во время жестокого пятичасового боя в Песковском заводе Путиловский полк, обложенный со всех сторон лыжными батальонами противника и зажатый в поселке, понес большие потери.

В нем осталось менее половины бойцов, погибло много командиров.

Командир Особой бригады Макар Васильев, скованный тяжелыми боями на соседнем участке, делал все возможное, чтобы помочь своему боевому товарищу, но ничего, кроме саперной команды, бойцы которой должны были действовать как стрелки, части комендантской команды штаба Особой бригады и сорока красноармейцев из этапного батальона, к Песковскому заводу послать не мог. Да и эта помощь прибыла уже поздно. Не изменили положения и рабочие Песковского завода, самоотверженно помогавшие кавалеристам в бою.

«В тот момент, когда мы вели ожесточенную атаку, белые неожиданно нас окружили, и мы оказались в кольце, — рассказывает один из участников боя. — Положение создалось безвыходное, но наш храбрый командир тов. Прокофьев, не теряя самообладания, сказал: «Мы пробьем дорогу или погибнем, третьего выхода не должно быть», — и с этими словами повел нас в атаку. В этом бою тов. Прокофьев был убит» [2].

Самого Акулова в Песковском заводе в это время не было: со штабом бригады и 2-м имени Акулова полком он находился в Омутнинском заводе, расположенном южнее. Полк тоже вел трудный бой.

— Полк разбит, изрублен Прокофьев! — выкрикнул прискакавший из Песковского завода путиловец. На кисти левой руки его, висевшей плетью, запеклась кровь.

[1] О. А. Васьковский и др. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969, стр. 253.
[2] «Красный набат», 1919 г., 12 ноября.

Вслед за ним на дороге из Песковского показалась еще группа всадников.

Акулов поскакал им навстречу:

— Где остальные?

— Нас вырвалось немного...

— Назад, за мной! — крикнул Акулов, вертясь на коне посреди дороги.

К нему подъехал рослый Арбузов, командир эскадрона. Поправил сползшую на лоб повязку:

— Поздно... — хрипло сказал он. — Песковский наводнен белогвардейцами. Мы пробовали вернуться и вывезти Прокофьева...

— Товарищ Акулов! — крикнул прискакавший из Омутинского всадник. — Беляки опять идут!

Акулов скрипнул зубами, длинно выругался и помчался обратно в поселок организовывать оборону...

Кавалерийская бригада, способная выполнять сложные и смелые задачи, после боя за Песковский завод перестала существовать.

Остатки бригады отводились в Чернохолуницкий завод, а потом на станцию Ардаши, где были сведены в один полк, сохранивший название Стального Путиловского кавалерийского полка.

Командиром его с 8 мая 1919 года назначался Филипп Акулов [1]. Никаких попыток восстановить бригаду командование не предпринимало.

Позднее военные историки отмечали, что в 3-й армии вполне возможно было создать две-три кавалерийских дивизии (конный корпус), которые имели бы большое значение в начавшемся наступлении против Колчака. Вместо этого «весной 1919 года в период подготовки к наступлению была расформирована кавбригада (Акулова) 29-й дивизии, отчасти по соображениям штатного порядка» [2].

«Отсутствие стратегической кавалерии в армиях Восточного фронта чувствительно отражалось на ходе операций, и в частности, на операциях весны и лета 1919 года, когда белым армиям Колчака наносились сокрушительные удары... Фронтовое и армейское командование недооценило применение конницы в массе» [3].

---

[1] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 416, л. 231.

[2] Н. Евсеев. Конница в разгроме белых на Урале в 1919 году. М., Госвоениздат, 1934, стр. 9.

[3] Там же, стр. 11.

В ПОГОНЮ ЗА ГАЙДОЙ

Действия Стального Путиловского полка — одна из славных страниц в истории гражданской войны [1]. Полк этот, как и полк Красных орлов, стал легендарным. Конники Путиловского полка одержали немало побед во время оборонительных боев с армиями Колчака. И еще бо́льшие победы одержали во время контрнаступления 3-й армии, действуя всегда в авангарде частей. После освобождения Урала полк был переброшен на польский фронт и, умножая свою славу, храбро сражался с белополяками в составе 1-й кавдивизии конного корпуса Гая. Но это — потом...

А пока — Стальной Путиловский полк, выведенный 20 мая 1919 года из резерва и переданный в подчинение начальника 29-й дивизии, был брошен со станции Ардаши под Глазов. Через два дня, выбравшись из болот и дремучих лесов в густонаселенные районы и используя просохшие к тому времени дороги, полк ударил по тылам белых, наступавших на Глазов, и овладел несколькими населенными пунктами.

Особенно упорный бой полк выдержал 28 мая у деревни Талигурт против белогвардейской дивизии. Прикрывая отступление красных, полк одержал важную победу и задержал врага.

Героизм конников был изумляющим. Путиловцы во главе с Акуловым бросались в атаку на окопы врага и дрались до тех пор, пока не отказали пулеметы.

«Империалистическая война не знала таких атак», — писала армейская газета об этом бое. Там же было напечатано стихотворение, посвященное победе путиловцев:

...В боях преграды вы не знали...
Вы смерти вызовы бросали,
За власть Советов умирая... [2]

---

[1] К сожалению, история Путиловского полка долгое время не изучалась. «Мы можем выразить только сожаление по поводу того, что в нашей литературе не нашла должного освещения боевая служба Путиловского... и других полков. Служба во многих отношениях поучительная, особенно в условиях лесистых гор и в теснейшем взаимодействии с пехотой». Так писал Н. Евсеев, военный историк, наиболее полно исследовавший действия конницы на Урале в период гражданской войны. (Н. Евсеев. Конница в разгроме белых на Урале в 1919 году. М., Госвоениздат, 1934, стр. 10). За последнее время этот пробел заполняется работами А. В. Орлова, бойца Путиловского полка, и воспоминаниями ветеранов-путиловцев.

[2] «Красный набат», 1919 г., 13 июня.

Потери после этого боя были большими, но не обескуражили бойцов. «Мы дали клятву быть на Урале, и мы там будем, хотя бы нас остался только десяток», — заявили они [1]. И это не были пустые слова. Это подтверждает такой, например, эпизод из боевой истории полка.

В одном из сражений в районе деревень Архангельская — Рылово девять спешенных кавалеристов по приказу Акулова в течение нескольких часов удерживали позиции, на которые наступали три роты противника [2].

...Так начали сражение за освобождение Урала путиловцы-акуловцы. О них часто стала писать армейская газета. Одержанные победы показали, что время отдыха, предоставленное красноармейцам полка во время распутицы, не прошло зря. В полку была проведена большая работа по повышению боеспособности. Усилилась воспитательная и политическая работа среди красноармейцев. Акулов придавал ей большое значение. На примере полка Красных орлов он знал силу партийной работы.

Коммунисты-путиловцы провели полковую партийную конференцию, в результате которой усилилась активность коммунистов. Вся работа в полку велась под руководством комиссара полка Трофима Евсеева и второго комиссара Александра Огаркова.

Выступая на страницах газеты «Красный набат», Трофим Евсеев говорил об улучшении партийной работы в Путиловском полку:

«Жизнь полка вступила в новое русло. Узнает теперь Колчак, что такое стальные путиловцы» [3].

«Мы, красноармейцы Н-ского полка, — записали путиловцы в резолюции после одного из собраний, — во главе со старым орлом пойдем туда, куда нас призывает центральная власть для выполнения тех задач, которые возложены революцией. Мы пойдем вперед и вперед, и назад ни одного шага» [4].

Около 70 процентов личного состава полка стали коммунистами [5]. Большую роль в этом сыграл Трофим Яковлевич Евсеев, назначенный военным комиссаром Стального Путиловского полка еще в феврале 1919 года.

---

[1] «Красный набат», 1919 г., 13 июня.

[2] Там же, 1919 г., 21 июня.

[3] Там же, 1 февраля.

[4] Там же, 1919 г., 24 мая.

[5] Н. Евсеев. Конница в разгроме белых на Урале в 1919 году. М., Госвоениздат, 1934, стр. 10.

Акулов любил Евсеева, нижнесалдинского рабочего, храброго воина, умеющего отлично владеть не только словом, но и клинком. Да и винтовкой тоже: он был одним из самых метких стрелков в полку. В старой армии Трофим Евсеев, как и Акулов, проходил воинскую службу в гусарском полку и за храбрость получил Георгиевский крест, а во время установления Советской власти стал военным комиссаром Совета рабочих депутатов.

О доверии Акулова к боевому комиссару можно судить хотя бы по тому, что во время своего отсутствия он оставлял его вместо себя командовать полком.

С полным доверием и большим уважением относился и Евсеев к Акулову:

«Дорогой Филипп Егорович! — пишет ему Евсеев в записке, предлагая побывать на одном из боевых участков. — Желательно, чтобы Вы здесь побывали... Нет Вашей энергии с нами — нет и того энтузиазма, который всегда был.

Я надеюсь, что Вы будете.

С комприветом, Т. Евсеев» [1].

Трофим Евсеев ездил делегатом на VIII съезд партии, слушал В. И. Ленина. Решения VIII съезда партии, сыгравшие исключительно важное значение для укрепления армии, Трофим Евсеев пропагандировал среди красноармейцев страстно и убежденно. В отличие от Акулова он обладал даром слова. Его пламенные речи укрепляли моральную стойкость полка.

Своего комиссара бойцы любовно называли дядя Троша.

— Дядя Троша сказал... Дядя Троша выступал...

А выступал он при каждом удобном случае — в беседах, на собраниях, на митингах, которые он обязательно проводил после освобождения сел и городов.

На них он рассказывал об Октябрьской революции, Советской власти, о Красной Армии и о том, за что она сражается, кого защищает и кому помогает, о грядущей победе над врагом.

— Нас ждут седые вершины Урала, тысячи угнетенных рабочих и крестьян, — говорил он, — полная победа над врагом неизбежна! [2]

Умелым партийным организатором, храбрым воином был

---

[1] «Вечерний Свердловск», 1968 г., 16 марта.

[2] Трофим Евсеев погиб в конце 1919 г. на Западном фронте во время атаки, которую он возглавлял. Посмертно награжден орденом Красного Знамени.

и второй комиссар — Александр Петрович Огарков, двадцатидвухлетний коммунист, сын нижнетагильского учителя [1].

Боевая слаженность и взаимное доверие Акулова и комиссаров создавали большие возможности для воспитательной работы в полку, для укрепления авторитета комиссаров, влияние которых, в свою очередь, Акулов постоянно испытывал на себе.

Стойкости полка способствовала его связь с рабочими Путиловского завода, имя которого он с честью нес.

«Шлем сердечный привет славным борцам, высоко держащим Красное знамя, — писали путиловцы-рабочие путиловцам-бойцам. — Нам, как борцам за социализм, приятно получить известие, что полк, носящий имя Путиловский, есть один из лучших полков Советской России, составленный из храбрых революционных бойцов, отстаивающих интересы как беднейшего крестьянства, так и рабочего класса» [2].

К лету 1919 года Красная Армия остановила наступление колчаковских войск и овладела Глазовым, на несколько дней захваченным белогвардейцами. В начале июня началось контрнаступление 3-й армии.

Путиловский полк, обеспечивая успех ударной группы 29-й дивизии, развернувшей бои у станции Балезино, начал боевые действия крупной операцией в районе реки Чепца. В этой операции Акулов, проявив свойственную ему инициативу, умело использовал сложившуюся обстановку. Небольшой, казалось бы, случай лег в основу тотчас же созревшего плана. По-акуловски стремительно и смело он провел этот план в жизнь.

На реку Чепца, в тыл врага, полк вышел восточнее Балезино. Дозорные захватили трех разведчиков-белогвардейцев, которые сообщили, что на другом берегу реки стоят два батальона и ударная рота белых и там же находится штаб 2-го белогвардейского корпуса. Хитростью заманив в ловушку вызванного по телефону белогвардейского командира батальона, путиловцы обезоружили его и сопровождавших его всадников. Восемнадцать конных разведчиков врага и командир батальона предстали перед Акуловым. Допросив их, он немедленно переправился всем полком ночью через реку, и на

---

[1] Александр Огарков геройски погиб во время боев на подступах к Ишиму в августе 1919 года, ведя полк в атаку. («Красный набат», 1919 г., 11 октября).

[2] А. В. Орлов. Статья о Путиловском полке. «По пути Ильича», 1963 г., 10 октября.

рассвете, охватив село Полом со всех сторон, атаковал находившегося там противника и разбил его. Захвачены 76 пленных солдат и офицеров, пулеметы, винтовки, обоз с боеприпасами, штабные документы и исправная телефонная станция.

Вырвавшись вперед наступающих частей 29-й дивизии, полк 20 июня вышел к станции Верещагино. Акуловцы совместно с полком Красных орлов заняли станцию Чайковская и завязали бой за Шабуничи, последнюю крупную станцию перед Пермью. В ходе начавшегося наступления белых полк снова вышел в тыл врага и перерезал железную дорогу. Участь Шабуничей была решена.

Полк лесными дорогами устремился к Каме, на противоположном берегу которой находилась Пермь.

Во всех этих и последующих боях за освобождение Урала Стальной Путиловский полк действует спаянно, дружно: бойцы верят в своего командира, командир — в своих бойцов.

Во время наступления на Пермь Акулов чуть было не захватил в плен самого Гайду, командующего Сибирской армией. Генерал спасся только по чистой случайности.

Вот как это произошло по описаниям командира экскадрона Бабкина, принимавшего непосредственное участие в операции [1].

Не доезжая верст десяти до Камы, дозорные путиловцы встретили перебежчика, который рассказал им, что через Камский мост на этот берег переехал на бронепоезде Гайда и что по дороге навстречу двигается батальон белых, высланных им в охранение.

Ввязываться в бой с батальоном на лесной дороге было невыгодно. Акулов решил взять батальон без боя. Предложивший этот план Бабкин переоделся в белогвардейскую форму штаб-ротмистра и, захватив с собой начальника конной разведки Щипачева, переодевшегося в форму сотника, направился в сторону белогвардейцев. Их сопровождали два путиловца, тоже переодетые.

Первыми встретили двух офицеров в сопровождении вестового. Обменялись рукопожатиями, не слезая с коней, и направили их навстречу своему полку в сопровождении Щипачева. Бабкин с бойцами последовал далее. Через некоторое время он встретил пешую колонну во главе с бородатым

[1] В пороховом дыму. Пермь, 1961.

фельдфебелем. Фельдфебель, поприветствовав Бабкнна, подошел к нему с докладом. Предупреднв белых, что дальше оии встретятся со своими и могут идтн спокойно, Бабкии отъехал от ннх, но потом вериулся н сказал фельдфебелю, что хочет сам сопровождать нх в свой отряд.

Засада путнловцев, зараиее организованная Акуловым, без едниого выстрела захватила всю белогвардейскую колоину, а еще раньше двух офицеров.

Теперь можио было думать о том, как захватнть оставшнйся без охраны броиепоезд, ио оказалось, что вестовой офицеров, заподозрнв неладное, сумел скрыться н предупреднть генерала. Гайда спешио повернул в Пермь н сразу же приказал взорвать за собой Камский мост...

ДАЕШЬ УРАЛ!

Стальиой Путнловский кавалернйский полк под комаидованием Филиппа Акулова, ведя наступательные бон за Пермь в аваигарде 29-й днвнзии, 30 июня вышел на берег Камы к взорваниому белогвардейцами железнодорожному мосту и тотчас же иачал организовывать переправу. Раио утром 1 июля он вступнл в город. Освобождая Пермь, форсировали могучую реку и другие полки 29-й дивизин: южнее железиодорожиого моста — 259-й Лесновско-Выборгский под командоваиием Кротова, одии нз батальонов которого проиик в город еще в иочь иа 1 июля, севериее железиодорожиого моста — 260-й Петроградский под командованием Степаиа Окулова, бывшего губериского комнссара Пермн, а следом за ними — 255-й (4-й Уральский) полк под командованием Шумилова н 253-й полк Красиых орлов под командованнем Ослоповского.

256-й (Рабоче-Крестьянскнй) полк под комаидованием Софронова переправился через Каму несколько ранее и к утру 1 июля заиял стаицию Левшино, отрезая путн отхода белым иа север от Перми, а частн 30-й днвизин подошлн к разъезду Мулянка, отрезая колчаковцам путн отступлеиня южнее Пермн.

Освобождение Перми н в этот же деиь Кунгура было крупиейшим успехом Красной Армнн.

В. И. Леиин, внимательно следнвшнй за боями по освобож-

дению Перми, направил телеграмму Реввоенсовету Восточного фронта:

«Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала» [1].

Это поздравление относилось и к бойцам славного Путиловского полка и к их командиру Акулову.

После взятия Перми полк Филиппа Акулова торжественным строем, с развернутым знаменем, с песнями прошел по улицам города.

Путиловцы с гордостью пели самими ими сложенную песню про своего лихого командира, про славных комиссаров и про свой полк:

Товарищ наш Акулов
По фронту проскакал,
Как молния сверкнула
Сталь грозного клинка.
Наш комиссар Огарков
На бой нас всех позвал:
— Не дрогнув в битве жаркой,
Освободим Урал!
Стальной Трофим Евсеев
Сказал перед полком:
— Врагов мы в прах развеем
Путиловским клинком!
Акулов крикнул смело:
— Скачи вперед, бузуй!
Ведет на бой умело
Путиловцев-грозу.
Лихие эскадроны
Путиловцев полка

Сметут все батальоны
Злодея Колчака.
Прокофьева вспомянем
И всех, кто с честью пал,
За ленинское знамя
Кто жизнь свою отдал.
Горные заводы,
Мы вас освободим,
Желанную свободу
Народу мы дадим.
Уральские стремнины
С боями мы пройдем,
В сибирские равнины
Победу принесем.
Мы вновь придем в теснины,
Где бой кипел тогда,
Где красные дружины
Дрались за власть труда.

У этой песни был припев:

Горы, вершины,
Мы вас увидим вновь.
Уральские долины,
Где проливали кровь [2].

Дальнейшие бои полк ведет севернее железной дороги Пермь — Екатеринбург в авангарде 29-й дивизии. В коротких и победных схватках конники-путиловцы громят противника. Разбит батальон белых у села Киселево, освобождена Березовка, расположенная в 30 верстах северо-восточнее Кунгура. Захвачен в плен белогвардейский батальон у села Копчиково. Во время налета на Визовку взято много пленных, два ис-

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 3.
[2] «Красный боец», 1963 г., 9 октября.

правных трехдюймовых орудия. В этом бою Акулов чуть не погиб: спасла рукоятка кинжала, о которую ударилась вражеская пуля.

Филипп Егорович, как всегда, впереди своих бойцов. Ведет их в бой, громит вместе с ними врага и гонит его с Уральской земли.

По всему фронту ходят рассказы о лихом командире.

«Через горы идет со своими орлами. Сине кругом. Сколько уж городов позанимали!

Узнал еще об одном, в сторонке:

— А что там? Заглянем!

Взял двоих с собой. Скачут по городу.

— Какого полка? Какой части?

Узнав все, вызвал эскадрон, ворвался, разогнал белых».

Рассказов много. Где в них правда, где вымысел — трудно сказать.

«Белые в атаку пошли, полсела уж заняли.

В это время Акулов на лошади.

— За мной! Бузуй!

Кинулись за ним... Прорвали цепь белых. Сам он человек десять изрубил. Панику нагнал. Выгнал из села беляков».

«Надо было в разведку.

Подходит:

— Ну-ка, орлы, сбузуйте в село!

Разведчики долго седлали коней.

Рассердился:

— Вы не орлы, а бабы!

Вернул их, сам поехал»[1].

Разбитые под Пермью белогвардейские войска отступали столь поспешно, что пехотные части красных, с трудом преодолевая горы, едва успевали догонять их.

Как нужна была теперь кавалерия!

11 июля 1919 года по указанию командующего Восточным фронтом М. В. Фрунзе командарм издал приказ о формировании конной группы из кавалерийских частей 29-й и 30-й дивизий[2]. Командование ею поручалось командиру 2-й бригады 30-й стрелковой дивизии Николаю Томину, оренбургскому

[1] Воспоминания красноармейцев Н. В. Шалягина, Н. Н. Хорькова и др.

[2] И. В. Тюленев. Советская кавалерия в боях за Родину. М., 1957, стр. 20.

казаку, показавшему себя в боях смелым и разумным командиром [1].

Конной группе Томина ставилась задача ударить по флангам и тылам противника севернее Екатеринбурга, захватить в тылу важнейшие пути сообщения, прежде всего — железную дорогу Екатеринбург — Нижний Тагил.

В состав группы вошли Стальной Путиловский полк из 29-й дивизии, полк Красных гусар из 30-й дивизии и три отдельных кавдивизиона. По численности группа равнялась полнокровной кавалерийской дивизии. Полк Акулова занимал в ней особое место. Он имел на вооружении 26 пулеметов — намного больше половины всех имеющихся в группе. В составе полка насчитывалось 1348 сабель, его можно было приравнять к кавалерийской бригаде.

Увеличение личного состава полка в ходе непрерывных боев, а особенно усиление его вооруженности — результат умелого командования Акулова и большой популярности его среди бойцов и населения.

Части кавгруппы действовали на разных участках фронта 3-й армии. Группа так и не собралась вместе ни разу. Кавалеристы Томина еще занимали исходные позиции, перемещаясь с правого фланга армии на левый, а Путиловский полк уже ворвался в тыл к белым.

...Весь день 14 июля путиловцы, соблюдая осторожность, двигались по горным лесистым кручам, почти не останавливаясь на отдых. Шли даже ночью, в опасных местах вели лошадей в поводу. Преодолев семьдесят километров, к рассвету 15 июля полк вышел к Верхнему Тагилу, в районе которого находилась 15-я Воткинская добровольческая дивизия белых. В самом городе стояли два полка дивизии.

Место для обороны противник выбрал очень удачно. Лесистые высоты, господствовавшие над местностью, могли быть использованы против наступающих путиловцев.

Акулов решился на немедленную атаку, хотя кавалеристы и лошади очень устали после суточного непрерывного марша. Другой, может, и не решился бы на это, дал бы хоть немного отдохнуть людям и коням, дождался бы рассвета, чтобы лучше сориентироваться в незнакомой местности, но Акулов рассудил иначе. Упустив момент и дав противнику тоже оглядеть-

[1] Николай Дмитриевич Томин в 1919—20 годах командовал 10-й кавдивизией, в 1921 году — 2-м конным корпусом, в 1923 году — 10-м стрелковым корпусом. 18 августа 1924 году убит в схватке с басмачами в Восточной Бухаре.

ся, полк оказался бы перед неприступным рубежом. Тогда, кто знает, чем бы могло окончиться это сражение... Белые не всегда отступали, рейд по тылам белых не был прогулкой победителя.

Пользуясь предрассветной темнотой, Акулов расчленил полк на несколько боевых групп, занял все дороги, ведущие из Верхнего Тагила, и только начало светать — предпринял атаку.

Неожиданное появление красных конников вызвало у белых панику. Один из полуэскадронов путиловцев во главе с командиром полка ворвался на улицу. Бой катился к центру. То в одной, то в другой стороне, прорывая утреннюю тишину, раздавались выстрелы, крики. Где-то справа по-хозяйски уверенно работал пулемет.

Ближе к центру стали попадаться безоружные белогвардейские солдаты, без строя и порядка бегущие в разные стороны. Акулов, не обращая на них внимания, мчался вперед.

На площади спешно строилась какая-то белогвардейская часть.

Акулов врезался в гущу солдат, со свистом размахивая саблей над их головами.

— Бросай оружие! — дико закричал он. — Сопляки! Воевать не умеете!..

Солдаты, кто с винтовками, кто без них, пытались разбежаться, но путиловцы, угрожающе размахивая шашками, вихрем кружились по площади и согнали всех в одну кучу.

Акулов подлетел к пятистенку с железной крышей, прямо из седла соскочил на высокое крыльцо, сорвал висевший на нем белогвардейский флаг и, открыв пинком дверь, скрылся в доме.

Быстрота и натиск решили исход боя. Белые начали отходить.

«Видя отступающего врага, — писал потом в армейской газете комиссар полка Огарков, — наши бросились его преследовать и, несмотря на то, что за несколько часов до этого прошли 70 верст, вихрем летели вперед. Наше неожиданное появление у Верхнего Тагила навело на беляков такую панику, что в результате этого боя мы фактически разбили Воткинскую дивизию. Взяли в плен более 500 человек, много винтовок и патронов, которыми был усыпан путь отступающего врага» [1].

[1] «Красный набат», 1919 г., 20 августа.

Путиловцы захватили также обозы, гурт скота, много пулеметов и даже несколько автомобилей, погруженных в эшелоны.

Акулов продолжал свой стремительный рейд. Оставив пленных с небольшим конвоем в Верхнем Тагиле, он в тот же день двинулся к Верхнейвинскому заводу, овладел им, очистил Нейво-Рудянку, разогнал обозы белогвардейских частей и перехватил железную дорогу Екатеринбург — Нижний Тагил у озера Таватуй.

В этот момент Акулов получил несколько противоречивых указаний о дальнейших действиях полка. Начальник 29-й дивизии писал в приказе: «Двинуться вдоль железной дороги Таватуй-Екатеринбург с задачей... занять Екатеринбург» [1]. Командир конной группы Томин, находившийся с остальными полками севернее путиловцев, приказывал ограничиться только лишь высылкой одного разведывательного эскадрона в сторону Екатеринбурга [2].

Акулов двинул на Екатеринбург весь полк, рассчитывая взять его ударом с тыла, которого не могло ожидать белогвардейское командование. И он вполне мог бы овладеть этим крупнейшим городом, столицей Урала.

Здесь тоже был верный расчет, основанный на быстроте и неожиданности, уверенность в своих бойцах, которым пришлось бы и в этот день пройти 60 километров. Потери при взятии Екатеринбурга ударом с тыла могли быть намного меньшими, чем при штурме его с фронта, вздумай белые оборонять город.

Но белые «перехитрили» Акулова и оставили город без боя (узнав, возможно, о появлении кавалерии с тыла?). Части 28-й дивизии 2-й армии под руководством Азина за день раньше Акулова, 15 июля 1919 года, вступили в Екатеринбург.

Командование обвинило Акулова в проявлении ненужной инициативы, в партизанстве... А ворвись он в город первым?! То же командование прославляло бы Акулова как героя!

Обстоятельства складывались так, что, разгромив крупные силы в тылу противника и совершив стремительный рейд на Екатеринбург, Акулов со своими конниками «не успел» взять столицу Урала.

В Екатеринбурге Акулов отметил своеобразную годовщи-

---

[1] Н. Евсеев. Конница в разгроме белых на Урале в 1919 году. М., 1934.

[2] Там же.

ну: ровно год назад, 15 июля 1918 года, он вступил в Красную Армию на должность помощника командира полка Красных орлов. Только год боевой деятельности. А сколько пройдено военных дорог, сколько одержано побед! Другому хватило бы на всю военную жизнь.

Путиловцы отдыхали в Екатеринбурге четыре дня, а потом выступили в направлении Реж — Покровское — Егоршино по старым, хорошо знакомым местам.

Кавалерийская группа Томина, вырвавшись вперед пехоты, резала тылы белых, наводя панику, занимая города, рабочие поселки и села. Довершая начатое кавалерией дело, с Уральских гор скатывалась на Сибирскую равнину пехота, освобождая Зауралье.

На пятый день начатого в Предуралье рейда кавалеристы разгромили колчаковцев в ожесточенном бою под Егоршино и повели наступление на Ирбит. С захватом Ирбита были разгромлены 15-я и 7-я дивизии белых.

В этот момент группа Томина была неожиданно расформирована. Командование 3-й армии вновь распускало армейскую кавалерию. Полк Акулова остался в 29-й дивизии.

Узнав о расформировании группы, Акулов возмутился.

— Кому нужно такое решение! Надо объединять, а не разъединять кавалерию, создавать новые полки, а то и дивизию! На равнинах Западной Сибири только и бузовать крупными кавалерийскими частями. Нет, с меня хватит! Пойду на Южный фронт, там конная бригада Буденного уже стала корпусом!

Полк продолжал свой стремительный рейд.

Разведчики узнали, что на станции Ощепково спешно грузятся в эшелоны части 2-й Сибирской пехотной дивизии белых и что пути забиты военными грузами.

Решение созрело мгновенно: не дать уйти белым, захватить грузы, перерезать железнодорожную магистраль. О том, что белых в десяток раз больше, никто не думал.

Конники рассредоточились для атаки. 26 июля в предрассветной мгле они атаковали станцию. Свист клинков, крики «ура!», треск пулеметных очередей вызвали панику среди колчаковцев. Путиловцам достались все вагоны с грузами, было захвачено 113 пленных. В это время кавалеристы правой колонны Томина овладели Камышловым. Сибирская железнодорожная магистраль была прочно перерезана.

Рейд по тылам врага закончился.

В это время начальник 29-й дивизии поставил кавполку

новую задачу: двинуться на село Ертарское-Коневое, занять его к исходу суток 30 июля и далее двигаться, преследуя противника, на Ольховское — Озерское и занять его к исходу суток 31 июля. Затем двигаться на село Крестовское, занять которое к исходу суток 1 августа...[1]

Полк вынужден был выполнять эту задачу совместно с пехотными частями, теряя бойцов и изматывая лошадей.

После боя недовольный Акулов явился в штаб 3-й армии, стоявший в Талице. Он настаивал:

— Направьте меня на Южный фронт против Деникина. Там создаются возможности для действия кавалерии, там я нужнее...

Трофиму Евсееву, прибывшему в штаб вместе с ним, он говорил с возмущением:

— Ставят боевую задачу кавалерии, как в мирное время составляют расписание занятий в роте или эскадроне! У нас в полку пятьдесят пулеметов. Дай нам задание занять Шадринск или ворваться в Тюмень — мы бы и без штабного расписания это сделали! А то как поводыри за руку водят: к исходу дня займи то, а потом это... Обидно! Быстрота и натиск нужны кавалерии. А ее тут привязали хвостами к расписанию!.. Поеду к Межеинову, он теперь командует 12-й армией. Меня он знает и кавалерию ценит.

10 августа 1919 года Акулов передал командование полком Емельяну Бабкину[2], одному из лучших и наиболее талантливых командиров, хорошо усвоившему акуловские приемы командования и боевые традиции полка.

Под начало Акулова Бабкин попал во время создания кавбригады, когда эскадрон, с которым он прибыл, влился во 2-й имени Акулова полк. После расформирования бригады Бабкин остался в Стальном Путиловском полку, и с тех пор не было ни одного боя, в котором он бы не отличился.

Это под его, Бабкина, командованием девять спешенных кавалеристов 4-го эскадрона в районе деревень Архангельская — Рылово перед Пермью в течение четырех часов сдерживали натиск трех рот противника. «Держись!» — приказал ему Акулов, и он держался. «Батальон, пли!» — командовал он своим храбрецам и перетаскивал два пулемета с одного

[1] Н. Евсеев. Конница в разгроме белых на Урале в 1919 году. М., 1934.
[2] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 146, л. 151. (Приказ по 29-й дивизии № 165 от 10 августа 1919 г.).

места на другое, меняя позиции. Белые поверили, что перед ними батальон и повернули обратно[1].

Акулов отметил Бабкина, оценил его смекалку и мужество и после этого боя поручил ему командование 1-м эскадроном. А перед своим отъездом на Южный фронт именно Бабкина решил оставить вместо себя[2].

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

Новый ставленник Антанты Деникин неудержимо рвался к Москве. Были захвачены Курск и Орел. В ожесточенных схватках конницы Буденного с кавалерийскими корпусами Мамонтова и Шкуро под Воронежем и Касторной решалась судьба Республики.

В это тревожное время Акулов прибыл на Южный фронт в Гомель. Он явился в штаб 12-й армии за получением назначения.

Командарм Меженинов, знавший Акулова по 3-й армии на Урале, которой он командовал в начале 1919 года, предложил:

— Мы создаем комиссию по борьбе с кавалерией противника. Включайся в работу, учи, как вести борьбу. Армия в мешке, а за мешком — поляки, петлюровцы, деникинцы. Кавалерия у них ударная сила.

— Мы на Урале все время были в мешках, а битыми оказались колчаковцы, — широко улыбнулся Акулов. — Мне бы сразу в бой, — попросил он командарма. — Лучший способ вести борьбу с кавалерией противника — бить ее своей кавалерией!

Меженинов сказал строго:

— Здесь другие условия. Присмотрись. А там видно будет...

Акулов получил подписанный Межениновым мандат инструктора-кавалериста по борьбе с кавалерией противника.

[1] «Красный набат», 1919 г., 21 июня.

[2] Емельян Прокопьевич Бабкин во время боев на подступах к Ишиму в сентябре 1919 года был тяжело ранен. Его считали умершим от ран или тифа, потеряли его след, но он выжил, вернулся к себе на родину и стал крестьянствовать. В 1928 году организовал в своей деревне колхоз и возглавлял его в течение нескольких лет. Умер в 1963 году.

В его задачу входило обследование и инструктирование частей 58-й и 44-й дивизий на участке Овруч — Коростень[1].

Условия борьбы здесь были в самом деле другими. На Урале был один враг — колчаковцы. Здесь — деникинцы, петлюровцы, поляки и многочисленные «батьки», главари банд.

Деникинцы, воевавшие за старую, единую и неделимую Россию, не ладили с петлюровцами, добивающимися самостоятельности Украины, петлюровцы косо смотрели на поляков, стремившихся захватить Украину. Поляки выжидали, когда деникинцы, петлюровцы и красные войска ослабнут в борьбе друг с другом, чтобы напасть на ослабевшего победителя. «Батьки» вообще не признавали никого и боролись со всеми. Был еще один враг — тиф, уносивший бойцов...

Инструктором кавалерии Акулов пробыл недолго, он рвался в бой. Составление инструкций по обучению и воспитанию пехоты для борьбы с кавалерией противника было ему не по душе. С 18 ноября 1919 года он уже непосредственно участвует в боевых действиях, командуя 9-м кавалерийским полком 60-й дивизии 12-й армии[2].

Со своим полком Акулов участвует в освобождении Бахмача, Лубны, Ромодана, Миргорода, Кременчуга.

Это был победный, но тяжелый рейд. Вместо дорог — сплошное месиво из снега и грязи, на каждом шагу — ожесточенное сопротивление деникинцев, петлюровцев и многочисленных банд. Форсированные марши по 40—60 километров в сутки и непрерывные бои на фронте и в тылу изматывали конников, но наступательный порыв их был велик. Красная Армия громила врага, подступавшего совсем недавно к Москве, и гнала его к югу.

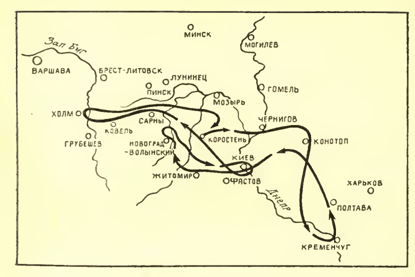
Немало дорог исколесили конники Акулова. В течение полутора месяцев не слезали с коней. Непрерывные бои, стычки, погони, утомительные дневные переходы, короткие ночевки в незнакомых местечках и селах, из которых надо прежде выгнать врага, — и дальше на юг.

...Однажды после длительного перехода по снежной и ветренной степи полк подошел к селу, в котором засели петлюровцы. Пробовали атаковать и выбить их из села — не получилось.

На дороге, стараясь встать спиной к ветру, собрались командиры, обсуждая создавшееся положение. В середине сто-

[1] Мандат от 21 октября 1919 года. Архив Свердловского краеведческого музея.

[2] ЦГАСА, ф. 197, оп. 3, д. 527, л. 375.

Боевой путь Ф. Е. Акулова на Южном и Юго-Западном фронтах (ноябрь 1919 — октябрь 1920 гг.)

ял Филипп Акулов с неизменной трубкой в зубах. На нем — сдвинутая на затылок серая папаха, сапоги на высоких каблуках, кавалерийская шинель, перетянутая ремнями. На груди тускло поблескивал в наступивших сумерках орден Красного Знамени.

— Ну, что, орлы, делать будем? — спросил он. — Не пускают нас. Едят горячий борщ и над нами зубы скалят.

Он намеренно передернул плечами, с усмешкой глянул на командиров:

— Ночевать в степи холодно. Я-то перебьюсь, одет тепло, у нас на Урале и не такие холода бывают, а вот как другие? У комиссара Шумилова, например, одна кожаная тужурка — ему как?

Командиры оживленно заговорили:

— Надо взять село. Не возвращаться же обратно!

— Атаковать еще раз!

— У них на дороге пулеметы...

— Да что в самом деле: они в теплых хатах, а нам мерзнуть? У нас что ли нет пулеметов?

Один из командиров, недавно вступивший в полк, предложил:

— При атаке с фронта ударить во фланг одним эскадроном...

Акулов вынул изо рта трубку, шагнул к нему, спросил:

— А ты кто такой?

— Командир взвода третьего эскадрона Горбатов.

— Так ты говоришь — эскадроном во фланг?

— Да.

— Через пятнадцать минут атакуем село! — приказал Акулов и добавил, обращаясь к молодому командиру взвода. — А ты попробуй, как стемнеет, ударить во фланг или с тыла, да наделай побольше шуму...

Полк во главе с Акуловым начал атаку, а взвод Горбатова ворвался с противоположного края села и с громким криком и бешеной стрельбой погнал к церкви слабо сопротивляющихся петлюровцев.

«Через час противник оставил село, и мы в нем заночевали, — рассказывал потом Горбатов. — Трудно сказать, велика ли была помощь, оказанная нашим взводом в овладении селом, но с тех пор командир полка стал меня замечать, а вскоре я получил в командование эскадрон» [1].

Собрались на дороге, посоветовались, выбили белых из села... Буднично, просто, но в этом — обычная внимательность Филиппа Акулова к своим подчиненным, умение прислушиваться к их мнению и принимать их дельные советы. И делал это он вовсе не потому, что сам ничего не мог придумать: его прежние боевые операции, смелые и неповторимые, говорят сами за себя. Но Акулов всегда давал возможность младшим командирам проявить инициативу. При этом он обязательно запоминал того, кто высказывал дельную мысль, а впоследствии предоставлял возможность показать себя в других боях.

На Южном фронте он выявил военный талант будущего генерала Горбатова и помог ему вырасти [2].

После разгрома Колчака и Деникина к февралю 1920 года усилились военные действия на польско-советском фронте.

Командование вновь созданного Юго-Западного фронта, в который вошла 12-я армия, начало стягивать войска на

[1] А. В. Горбатов. Годы и войны. «Новый мир», 1964, № 4.

[2] Александр Васильевич Горбатов — крестьянин, солдат в первую мировую войну. От рядового красноармейца в годы гражданской войны он прошел путь до командира кавалерийской бригады. В годы Великой Отечественной войны командовал дивизией, армией.

угрожаемые участки. Формировалась 15-я кавалерийская дивизия в составе двух бригад. Она предназначалась для действий на Житомирско-Новоград-Волынском направлении, где уже вела трудные бои 58-я стрелковая дивизия, тоже входившая в 12-ю армию.

Создание 2-й бригады кавдивизии поручалось Филиппу Акулову.

Он получил приказ командарма:

«2 февраля 1920 года выступить по направлению к Киеву с пополнением для кавполка 58-й дивизии... принять в свое подчинение кавполк 58-й дивизии. В составе 2-х полков (бригады) перейти походным порядком в Житомир, прибыть не позднее 15 февраля» [1].

Кавполк Акулова находился в то время в Нежине, куда он был отозван командармом из-под Кременчуга еще в январе 1920 года [2].

Походным порядком совершив форсированный марш из Нежина в Киев, где он получил пополнение, а потом из Киева в Житомир, Акулов через двенадцать дней доносил командарму о выполнении приказа:

«Согласно Вашего распоряжения в Житомир прибыл 13-го в 13 часов. Штаба кавалерийской дивизии в Житомире еще нет. Полки расположены в районе Левков — Калиновка» [3].

Срок на формирование кавбригады давался жесткий, но Акулов уложился в него даже раньше на два дня, в то время как 1-я бригада, уже созданная [4], появилась в Житомире лишь в начале марта, на полмесяца позднее предназначенного ей срока, хотя расстояние, которое ей предстояло пройти, было таким же, как и для полков Акулова.

Быстрота и стремительность действий, свойственные Акулову, дали возможность командованию 12-й армии сразу же использовать 2-ю бригаду для ведения боев с белополяками. Это имело немаловажное значение: враг как раз усилил свою активность и повел наступление на Житомир!

Бригада Акулова, временно названная Сводной, получила 18 февраля 1920 года первый боевой приказ от начдива 58-й дивизии Княгницкого:

---

[1] ЦГАСА, ф. 197, оп. 2, д. 285.
[2] ЦГАСА, ф. 197, оп. 3, д. 285, л. 22.
[3] ЦГАСА, ф. 197, оп. 3, д. 285, л. 139.
[4] 1-й бригадой в 14-й кавднвизии стала отдельная кавалерийская бригада, действовавшая в составе 60-й дивизии. Командир этой бригады Мялковский назначался начднвом 15-й кавднвизин.

«Сводной кавбригаде (комбриг тов. Акулов) немедленно двинуться походным порядком со всеми мерами полевого охранения по Новоград-Волынскому шоссе и в три перехода перейти в район Колонии Неймановки, Буды Бобринской, Колонии Каролиновки для занятия позиций...»[1]

Бригада выступила выполнять приказ.

Борьба с регулярной польской армией оказалась тяжелой. Польское правительство получало от Франции и Англии щедрые денежные субсидии и современное вооружение. Силы белогвардейцев, действовавших против 58-й дивизии, превосходили в два-три раза. Захватив выгодные позиции, они укрепили их, создав рубеж в несколько рядов колючей проволоки.

Положение спасали не только стойкость и отвага красноармейцев, но и умение. «Гибкий маневр, самое смелое, дерзкое предприятие, применение системы фронтовой атаки с обходом...» Эти советы настойчиво повторялись в приказах командарма[2].

Весна на Украине в 1920 году затянулась. Было холодно, непрерывно шел дождь, дороги раскисли от грязи.

Бригада Акулова не получала регулярного питания, шинелей и обуви, фуража для истощенных лошадей. На каждого бойца приходилось по 3—5 патронов[3]. Эскадроны редели от тифа. Из-за тяжелых дорог военные действия против поляков приостановились, но стычки были каждый день.

1-я бригада кавдивизии, прибывшая, наконец, в Житомир вместе со штабом дивизии, тотчас получила приказ штаба армии о срочном выступлении на фронт, где бригада Акулова уже более полумесяца беспрерывно вела бои.

Однако начдив Мялковский не смог выполнить приказ. Оправдываясь затем перед штабом армии, он ссылался на тяжелые погодные условия.

В ответ на это из штаба ответили:

«Польская кавалерия находится еще в худших условиях и все-таки делает свое дело. Вам нужно продвинуться и занять село Емильчино».

Мялковский давал противоречивые указания Акулову:

«Бригаде занять Емильчино...»

[1] ЦГАСА, ф. 1489, оп. 1, д. 112, л. 19.

[2] С. Межеинов. Начало борьбы с поляками на Украине в 1920 г. М., 1926, стр. 29.

[3] ЦГАСА, ф. 197, оп. 3, д. 285, л. 204.

Через день — новый приказ:

«Кавбригаде прекратить движение на Емильчино и оставаться на прежнем месте...»

И опять:

«Двигаться на Емильчино...»[1]

Взбешенный Акулов связался по проводу с Мялковским, постоянно находившимся при 1-й бригаде.

— Головотяпство! К чертовой матери такие приказы! — кричал он начдиву. — Вы хотите, чтобы я погубил людей и коней, таскаясь по такой грязи с места на место?!

— Я призываю вас к порядку! — кричал в ответ Мялковский. — Нет никакой дисциплины!

— У вас в штабе нет порядка! — обвинял Акулов.

Стычки между Мялковским и Акуловым уже были, хотя и не столь бурные. До назначения начдивом Мялковский был штабным работником. Став командиром Отдельной кавбригады, он в течение трех месяцев преобразовывал ее в 1-ю бригаду. Акулову же для создания заново 2-й бригады понадобилось, как известно, всего лишь 11 дней, после чего бригада вела успешные действия на фронте. Дерзкий и волевой Акулов, кавалерист по натуре и по всем своим действиям, и нерешительный штабист Мялковский, имевший смутное представление о кавалерии, являлись полной противоположностью. Столкновения между ними были неизбежны.

Мялковский давно старался сместить Акулова с командования бригадой. Теперь, после новой крупной стычки, Мялковский сообщил в штаб армии:

«Сведения, которые мне удалось собрать относительно тов. Акулова, неудовлетворительны. Нет войсковой дисциплины, она не воспитывается им»[2].

В результате Акулов был освобожден от должности комбрига и назначен командиром 100-го полка 17-й дивизии[3]. Приказ был подписан 13 марта 1920 года[4].

Покидая штаб армии, Акулов весь кипел от негодования, обиды и незаслуженного оскорбления, но внешне сумел остаться сдержанным и спокойным.

С ним вместе из штаба вышел комиссар бригады Шумилов. Он придержал Акулова за локоть и сказал:

---

[1] ЦГАСА, ф. 197, оп. 3, д. 348, л. 32.

[2] ЦГАСА, ф. 197, оп. 3, д. 285, лл. 183—184.

[3] 15-я кавдивизия в марте месяце переименоваиа в 17-ю кавдивизию с иомерами полков 97—98 в 1-й бригаде и 99—100 во 2-й бригаде.

[4] ЦГАСА, ф. 197, оп. 5, д. 36, л. 6.

— Я буду протестовать!

— Зачем? Что, я не могу драться с белополяками и с одним полком? Что, мне чин нужен? Только от штабных работников в кавалерии все равно толку не будет!

— Тогда так... — помолчав, сказал Шумилов. — Я остаюсь у тебя комиссаром в полку, как и раньше.

Филипп удивленно посмотрел на него, затем глаза его потеплели. Молча, ничего не сказав, он пожал руку Шумилову.

Немного погодя проговорил:

— Был у меня комиссар — моряк Юдин Саша. На Урале. Любил я его. Душа в душу жили. И вот — ты...

Вместе с Акуловым Шумилов участвовал в боях с деникинцами, петлюровцами и всевозможными бандами на левобережной Украине в конце 1919 года. Вместе формировали 2-ю бригаду кавдивизии. Когда Акулов командовал бригадой, комиссаром ее был Шумилов.

«Как комиссар он был лучшим из тех, кого я знал. Был настоящим коммунистом-массовиком, исключительно чутким и заботливым к подчиненным. Храбрым, как Акулов», — вспоминал о Шумилове Горбатов [1].

Горд был Акулов, самолюбив, знал себе цену, но он мог быть и дисциплинированным, умеющим подчинить себя долгу даже тогда, когда к нему отнеслись несправедливо, когда ему приходилось быть под началом недалеких командиров.

Он остался командиром полка, согласно приказу. Не жаловался, не писал рапортов и просьб о переводе в другую дивизию. И прежде всего потому, что не о себе думал, а об общем деле, за которое боролся, искал не чинов и не славы, а встречи с противником, чтобы бить его, не взирая ни на что...

15 марта кавдивизия давала бой.

Акулов вел свой полк. Впереди была деревня Моисеевка, недалеко от которой находилась большая деревня Сербы. Около деревень укрепились белополяки, вырыли окопы, обнесли их колючей проволокой.

Полк остановился в небольшом леске, спускающемся с горки в низину. Акулов в бинокль разглядывал незнакомую местность. Позади молчали командиры, отчетливо понимая всю серьезность положения. Взять Моисеевку и Сербы было

[1] Письмо А. В. Горбатова автору.
Шумилов погиб в боях на польском фронте в 1920 году на посту комиссара 100-го полка, которым командовал Акулов.

невозможно, не потеряв при этом полк. А завязать бой с белополяками требовал приказ, который надо было выполнять.

Опустив бинокль, Акулов повернулся к командирам:

— 1-му и 3-му эскадронам с одним пулеметом выйти на сближение с противником. Для поисков прохода в заграждениях направляются разведчики. Беспрерывно дразнить поляков... Справа под горой будет засада с пулеметами на случай выхода противника за проволоку. Остальным — укрыться... Мы должны выманить белополяков из-за проволоки и разбузовать их!

Два эскадрона вышли из леска и направились к деревне. Белополяки открыли пулеметный и ружейный огонь. Конники скрылись в низине и время от времени выскакивали оттуда, дразня противника.

Вскоре белополяки крупными силами вышли за проволоку, чтобы ударить во фланг 1-й кавбригаде, которая вела бой слева. Удар их пришелся по 99-му полку.

Акулов приказал выставить пулеметы ближе к неприятельским окопам и направил усиленный эскадрон в обход. Остальные части, помогая 99-му полку, кинулись на вышедших из деревни белополяков.

— Бузуй, ребята! — кричал Акулов, увлекая за собой бойцов.

«Противник был разбит, — доносил потом начдив в штаб армии. — Особенно способствовал этому посланный в обход эскадрон. Во время боя взят в плен вражеский комбат. Потери 2-й кавбригады незначительны» [1].

Роль Филиппа Акулова в боях дивизии вполне очевидна, хотя Мялковский едва ли хотел его выделить.

Если говорят, что история конницы — это история ее начальников, так как бой кавалерии — это мгновение, а успешно выполненный маневр, предшествующий ему, — верная половина успеха, то 17-я кавдивизия могла бы иметь совсем другую историю, будь Акулов на месте комбрига или начдива. Маневром и искусством мгновенного боя Красный орел умел владеть!

Но начдивом оставался Мялковский...

17-я дивизия не выполняла своей задачи. Успех под деревней Моисеевкой, принесенный Акуловым, был единственным успехом за всю кампанию. Филипп Акулов вел бои в тех самых местах и в тех тяжелых условиях, на которые ссылался

[1] ЦГАСА, ф. 197, оп. 3, д. 255, л. 138.

начдив. Но Акулов оставался верен себе: он умел находить выход из самых трудных положений и одерживать победы.

Однажды во время движения дивизии Акулов лесными дорогами, используя проводников, пробрался со своим полком в тыл белополяков и неожиданно нанес им удар. Противник сумел оправиться и в свою очередь зашел в тыл дивизии и расчленил ее. Прижатому к болоту полку угрожала неминуемая гибель, но Акулов направил во фланг атакующим два эскадрона и отвлек их внимание. Враг был в замешательстве. Белополяки прекратили наступление, и полк, а вслед за ним и дивизия, выбрались из мешка. Потери в эскадронах Акулова оказались при этом незначительными: один убитый и пять раненых[1].

Не сделай Акулов такого маневра, кто знает, как дивизия вышла бы из критического положения. Дело было не в трудных условиях, а в умении использовать обстановку.

Впоследствии Мялковский был снят с командования дивизией.

А Филипп Акулов вместе со своим полком продолжал громить белых на польском фронте. Его полк чуть было не первым ворвался в Киев, но неожиданное выступление неприятельской группы в тылу задержало атаку акуловцев, и белополяки сумели взорвать цепной мост через Днепр перед самым носом атакующих[2]. Всего несколько минут не хватило Акулову, чтобы стать освободителем Киева. Во всяком случае цель здесь была ближе, чем под Екатеринбургом, освободить который первым ему недостало нескольких часов...

Кавполк Акулова стремительно преследовал белополяков в направлении Коростень, Ковель, Холм.

— Бузуй, орлы! — гремел клич Акулова под стенами Варшавы.

По полям Украины и Польши Акулов с боями прошел более двух тысяч километров.

Советская Республика одолела своих многочисленных врагов. Провалился и третий поход Антанты.

Закончилось участие Филиппа Егоровича в боевых действиях гражданской войны. Он был в числе тех, кто участвовал в разгроме всех трех походов Антанты, а еще раньше — белочехов. Рыцарь гражданской войны мог положить в ножны свою саблю.

---

[1] А. В. Горбатов. Годы и войны. «Новый мир», 1964, № 4.
[2] ЦГАСА, ф. 1489, оп. 1, д. 143, лл. 128—129, 131.
А. В. Горбатов. Годы и войны, М., 1965.

В ноябре 1920 года Филипп Акулов был направлен из 12-й армии на Урал в распоряжение Екатеринбургского губвоенкомата в должности командира полка.

В местечке Искороть он простился со своими бойцами. На этом закончилась боевая биография Филиппа Акулова.

«БЕЗЗАВЕТНО ПРЕДАН...»

После разгрома белополяков Филипп Акулов вернулся на Урал. В канун нового, 1921 года, он был направлен в распоряжение Приуральского военного округа, где встретился с Макаром Васильевым, в то время помощником командующего войсками округа. Васильев оставил его в штабе для поручений по оперативной части с правом инспектирования всех частей, расквартированных в гарнизоне. Старые боевые друзья постарались остаться вместе и с этих пор больше не расставались.

Послевоенная служба оказалась нелегкой для Акулова. С его горячим и нетерпеливым характером в мирное время было трудно. К тому же ему негде было применить свои богатые военные познания. Как герой гражданской войны он в почете, но занимать высокие посты в армии, соответствующие его боевому опыту, он не имел права, так как ему не хватало общих и академических знаний, теории и вообще образования: за плечами только церковно-приходская школа.

В 1921—22 годах он занимает различные должности: комбриг и военкомбриг, начальник гарнизона Перми, начальник гарнизона Вятки. Дольше всего командует 170-й бригадой.

В апреле 1922 года его вызвали в штаб Западно-Сибирского округа...

Акулов курил махорку с красноармейцами, толкавшимися у крыльца штаба округа, балагурил:

— Ну что, ребята, отвоевались? Всем генералам морду набили, теперь по домам?

Яркое апрельское солнце матово блестело на штыке у часового, стоявшего у дверей.

Вытряхивая пепел из обтертой и прокопченной трубки, Акулов задумчиво продолжал:

— Я ведь мужик. Отвык крестьянствовать, а вот тянет к земле, пахать скорее... И шут его знает, чем теперь заняться! Жду вот, куда определят...

Ветер схватил пепел и рассыпал в воздухе.

— Ну, а вы что тут, ребята? — спросил Филипп красноармейцев.

— Да что! — загалдели те, обступив Акулова. — Пять лет дома не были, демобилизованы, а бумаг не добьешься... И в штаб не пускают! Волокита!

Акулов свел брови, строго спросил:

— Как так — не пускают?! Это я сейчас, быстро!

Уставился на тщедушного часового в новенькой и неуклюжей шинели:

— Ты?!

— Я. А что? — Пухлые, почти детские губы часового оттопырились, но он сразу же сделал строгое лицо. — Не положено.

Акулов шагнул к нему:

— Я — Филипп Акулов!

Парень удивленно глянул на него.

— Меня не знаешь?!

Часовой огрызнулся:

— Что я всех должен знать?

— Молокосос! — Акулов вспылил, откинул назад голову, сузил глаза и прогнусавил, сдерживаясь: — Как это ты не пропустишь красноармейцев в штаб?! Для чего он тогда существует? А ну, пропусти!

— Не положено! — сжался молоденький часовой под пронзительным взглядом Акулова.

— Давай, сопляк, сюда винтовку! — загремел Акулов.

Из штаба на крик вышел начальник караула. Выслушав часового, он пригласил Акулова с собой.

А в это время в одной из просторных комнат штаба начдив Онуфриев, потирая гладко выбритый подбородок, просматривал послужной список Акулова. Он знал его и раньше как боевого, исключительно храброго, любимого красноармейцами, талантливого командира. Слава об Акулове гремела по всему Уралу.

Послужной список Акулова начдив читал с интересом: впервые пришлось познакомиться с боевой биографией легендарного командира. Нетерпеливо пробегал глазами строчки:

«Родился... Военного образования нет... награжден Геор-

гиевскими крестами... орденом Красного Знамени... Командир полка, комбриг в 3-й армии, командир полка, комбриг, принял командование кавгруппой, командир полка в 12-й армии... Исполнял обязанности начдива в Перми...»

Ф. Е. Акулов, 1927 г.

Перечитав список, откинулся на спинку стула, задумался.

Чем объяснить падения и взлеты военной службы Акулова? Партизанщиной, о которой пишут в характеристиках, или непочтительностью к начальству и штабам? А может быть, умением проявлять самостоятельность и быть там, где это необходимо? Или все это объясняется просто — человеческим характером?

Послужной список краток, скуп. А сколько за ним восхищения, легенд о безумной храбрости, неповторимых побед!

«...Смел и решителен... Наиболее прославленный командир... Находчив, храбр, хладнокровен в бою... Товарищеская душа...»

«Незаурядный военный талант... Герой 3-й армии...»

И сколько пренебрежительного отношения к самодуру-командиру, у которого вместо продуманных военных операций одни случайности, сколько брезгливых отзывов отдельных начальствующих лиц!

«...Акулов — олицетворение партизанщины... груб...»

«Нет войсковой дисциплины, она не воспитывается им...»

«Не вполне удовлетворителен в строевом отношении. Коммунист, но политически мало развит...» [1]

— Ну, это ерунда! — вслух подумал Онуфриев. — Партизанство — может быть. Зачем он, например, оскорбил сейчас часового? А насчет чего другого...

[1] Личное дело Ф. Е. Акулова. Архив Свердловского краеведческого музея.

Взяв лист бумаги, он по-своему аттестовал Акулова:

«В боевом отношении незаменимый командир, но с партизанскими наклонностями; в политическом отношении развит удовлетворительно, член партии с 1918 года. В строевом отношении командовать стрелковыми частями может удовлетворительно, кавалерийскими хорошо. В среде подчиненных пользуется авторитетом. При мирной обстановке может командовать бригадой, при боевой обстановке может вполне командовать кавдивизией» [1].

Аттестация и весь послужной список — для направления Акулова на Высшие военно-академические курсы. «Ведь именно такому самородку и надо учиться! — размышлял Онуфриев. — Если и раньше он бил белогвардейских генералов, то что будет, когда он получит высшее военное образование?»

Пока начальник караула писал рапорт об оскорблении часового, Акулов получал направление к начальнику курсов в Москву.

На курсы, однако, он не попал. Сам ли не хотел, тянулось ли дело, только числился он до октября 1922 года в резерве штаба Западно-Сибирского округа, а в октябре снова получил направление в Москву, только на этот раз не на Высшие курсы старшего комсостава, а в стрелковую школу для прохождения курсов командиров полков.

Недоброжелательные характеристики делали свое дело.

Противоречивые оценки сопровождали Филиппа Акулова на протяжении всей его боевой, а в мирное время и гражданской деятельности.

Сорви-голова, рубака, у которого ничего нет за душой, — и умный, талантливый командир, создававший Красную Армию. Грубый, невежественный человек — и честный, беззаветно преданный партии и Советской власти, очень внимательный и заботливый по отношению к подчиненным, которые его уважали и любили. Филька Акулов, простец с широко распахнутой душой и необузданным характером, известный своими чудачествами, — и Филипп Егорович Акулов, человек большой и чистой души, очень сложного и волевого характера, который он умел подчинять единой цели — служению народу...

И только в воспоминаниях соратников, командиров и бойцов, тех, кто его хорошо знал и боролся рядом с ним, Филипп Акулов остался таким, каким он был на самом деле:

[1] Личное дело Ф. Е. Акулова. Архив Свердловского краеведческого музея.

«У Филиппа прямая линия — за генеральную линию партии, — коллективно писали об Акулове комбаты полка Красных орлов, командиры полков его бригады, бывший начдив Макар Васильев, красноармейцы. — Товарищ Акулов отличался большой личной храбростью; своим примером он воодушевлял и ободрял красноармейцев, был любимым командиром, как командир был очень дисциплинирован, беззаветно предан партии и Советской власти»[1].

Ф. Е. Акулов, 1928 г.

«Беззаветно предан...» — вот чего не хотели замечать его недоброжелатели.

Филипп Егорович Акулов остался в памяти своих соратников героем, талантливым командиром, стойким коммунистом, человеком богатой натуры и неукротимой энергии.

Отзывы его боевых товарищей, сумевших еще более оценить через много лет выдающиеся качества командира-самородка, ставят Филиппа Егоровича Акулова вровень с такими народными героями гражданской войны, как Чапаев, Блюхер, Котовский, Пархоменко, Кочубей.

Комбат полка Красных орлов Ф. В. Григорьев:

«Не было ни одного случая, чтобы он провалил операцию. Не знал, что такое страх. Обороняться, да не разбить, наступать, да не сбить? За Акуловым шли в огонь и в воду...»

С. Т. Акулов, помощник Ф. Е. Акулова в полку Красных орлов:

«Это был человек смелого наступательного порыва, неугасимой энергии, резкий, прямолинейный».

[1] «Голос колхозника», орган Катайского РК ВКП(б), 1933 г., 16 декабря.

Л. А. Дудин, начальник штаба полка Красных орлов:

«Это был человек исключительной смелости и недюжинной энергии. Там, где было опасно, появлялся Филипп Акулов...»

Боец полка Красных орлов П. В. Теплоухов:

«Он командовал с коня, на ходу. Был простой и требовательный командир...»

Боец Стального Путиловского полка А. В. Орлов:

«Это был командир, каких выдвинула из гущи народной гражданская война, деятель чапаевского типа, самородок... Он был не только храбр, но и талантлив... Он был выдающимся народным героем, очень самобытным и своеобразным».

Командир инженерного батальона Путиловского полка Ф. А. Масленников:

«По характеру горячий, быстро принимал решения... был безгранично храбрым, готовым пойти на самую дерзкую операцию, конечно, не безрассудную, быстро ориентировался в военной обстановке».

Генерал армии А. В. Горбатов, бывший командир эскадрона в полку Акулова:

«Как командир Акулов оставил у меня в памяти хорошее впечатление. Был отзывчивым, общительным и в то же время требовательным. Хорошо знал военное дело» [1].

Наиболее яркую и полную характеристику Акулову дает Филипп Иванович Голиков, боец полка Красных орлов, Маршал Советского Союза [2]:

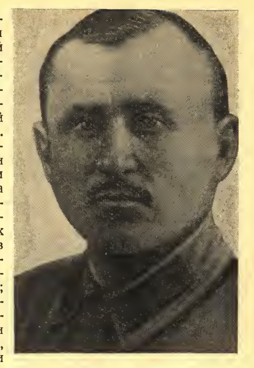
«Мне не раз приходилось встречаться с ним. Видел я его и в бою, и после войны. Видел и близко, и как бы со стороны... Он, не сгибаясь и не кренясь в сторону, стоял за народное дело, за новое, за Советскую власть. Он не жалел ни себя, ни своей жизни. Не избегал опасностей, не увиливал от них, а шел навстречу им. Этого же он властно и беспощадно требовал от всех других. Да, властно и беспощадно, ибо он был человек независимый, гордый и крутой. Бескомпромиссный!

---

[1] Все приведенные высказывания записаны по воспоминаниям и письмам.

[2] Филипп Иванович Голиков, сын сельского фельдшера из деревни Борисовой Камышловского уезда, семнадцатилетним добровольцем вступил в Красную Армию в мае 1918 года. В годы гражданской войны он был рядовым красноармейцем, пулеметчиком и агитатором в полку Красных орлов, политработником полка, бригады, дивизии. Во время Великой Отечественной войны командовал армией, фронтом. После окончания войны возглавлял Главное Политическое Управление Советской Армии и Военно-Морского флота.

Он многие сложные и запутанные вопросы решал политической интуицией и классовым чутьем трудового человека, принадлежащего народу и выполняющему волю народа, исполняющего свой долг перед народом... Красноармейцы, командиры и политработники частей очень уважали и любили Ф. Е. Акулова за верность долгу и политической идее, за удаль, волю, непримиримость к врагам и бесстрашие в борьбе; за его способность резать правду-матку в глаза кому угодно; за его бескомпромиссность, прямоту, нетерпимость к политиканству и дипломатии. За такими, как Ф. Е. Акулов, люди шли «в огонь и в воду», твердо зная, что он не подведет, не дрогнет.

Ф. Е. Акулов, 1929 г.

Политически он был безгранично предан делу Ленина, делу партии... Это народный герой, богатырь!» [1]

Акулов учил своих подчиненных искусству боя, которым он прекрасно владел, передавал им свое мастерство. Из среды подчиненных Акулова выросло много героев гражданской войны и полководцев Советской Армии. Среди них — Ф. И. Голиков, Маршал Советского Союза, генералы А. В. Горбатов, И. А. Ослоповский, Л. А. Колотилов, М. С. Шумилов, Ф. И. Коновалов... А сколько таких, кто вырос до командиров бригад и полков!

Филипп Егорович ценил и уважал комиссаров, видя в них представителей партии большевиков. Не без его поддержки они вырастали в настоящих политических бойцов: А. А. Юдин, военком бригады, делегат VIII съезда партии, Т. Я. Евсеев,

[1] Письмо Ф. И. Голикова автору.

комиссар бригады, делегат VIII съезда партии, Н. Ф. Евсеев, заместитель комиссара дивизии, делегат IX съезда партии, П. М. Тарских, комиссар полка, А. М. Циховский, комиссар полка, делегат нескольких съездов партии.

Блестящая плеяда командиров и политработников, которые создавали регулярную Красную Армию, укрепляли ее высокий морально-политический дух! В одном этом — большое значение деятельности Филиппа Егоровича Акулова.

Умер Акулов в 1933 году в возрасте 54 лет.

Народ не забывает его. Гордится им. Складывает о нем песни.

Одна из них так и называется — «Песня про Филиппа Акулова»:

Над Россией бушевала
Буря, ураган.
Подинмал Филипп Акулов
Красных партизан.
За любимым командиром
Партизаны шли.
Разогнали волчьи стаи
Красные орлы.
Над полями песни льются,
Зори расцвели.
В честь полка колхоз зовется
«Красные орлы».
Мы о подвигах героев
Память бережем.
Партизанам-ветеранам
Славу мы поем [1].

Филипп Акулов так и остался в памяти народа богатырем, благородным рыцарем гражданской войны, народным защитником и воином, человеком большого сердца и большой любви к советской земле, к народу, из которого он вышел.

Огневое время гражданской войны, героическое детство Советской Армии, подвиги чудо-богатырей — первых бойцов и командиров, создавших советскую науку побеждать, — никогда не потускнеют в памяти советского народа.

Слава Филиппа Акулова пережила его и со временем, как это часто бывает, стала еще более легендарной, освещая путь новым поколениям, которые учатся служению Родине, партии, революции на примере благородной жизни Филиппа Егоровича Акулова.

---

[1] «Знамя», орган Катайского райкома КПСС, 1958 г., 12 июля.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Иван Константинович Черданцев

КРАСНЫЙ ОРЕЛ

Герой гражданской войны
Филипп Акулов

Художник Е. И. Нестеров
Редактор Т. А. Ключарева
Художественный редактор М. В. Тарасова
Технический редактор В. И. Чувашов.
Корректор З. Е. Капелькина.

Сдано в набор 16/VI 1972 г. Подписано в печать 6/IX 1972 г. Формат бумаги тип. № 2 $60\times84^1/_{16}$. Печ. л. 8,25 (усл.-прив. л. 7,6725), бум. л. 4,125; уч.-изд. л. 7,526. ЛБ01069. Тираж 10 000 экз. Цена 23 коп. Зак. 1016. Пермское книжное издательство. 614000. Пермь, ул. Карла Маркса, 30. 2-я книжная типография управления по печати. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

23 коп.

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1972